
МОЙ
РЕВОЛЬВЕР
БЫСТР

М. Спиллейн

МОЙ РЕВОЛЬВЕР БЫСТР

ДЕТЕКТИВ

Р. Желязны

ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ

ФАНТАСТИКА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОМЕТЕЙ"
МГПИ им. В.И. ЛЕНИНА
1990

ББК 84.7 США
С 72

Настоящая книга включает в себя: детективный роман о системе организованной проституции "Мой револьвер быстр" М. Спиллейна, популярного американского мастера приключенческого жанра, произведения которого никогда ранее на русском языке не публиковались; а также повесть не менее известного писателя - фантаста Р. Желязны "Долина проклятий", в которой прослеживается становление характера героя в критической ситуации. Для широкого круга читателей.

Перевод с английского В. Баканова.

Спиллейн М. Мой револьвер быстр. Детектив. Желязны Р. Долина проклятий. Фантастический роман / Пер. с англ. М.: Прометей, 1990. 256 стр.

4703040100-154
С ————————— без объявл.
183(2)-90

ISBN 5-7042-0090-7

© Издательсво "Прометей" МГПИ им. В. И. Ленина, 1990

Микки Спиллейн

МОЙ РЕВОЛЬВЕР БЫСТР

Глава I

Когда вы сидите дома, удобно расположившись в кресле перед камином, случается ли вам задуматься, что происходит снаружи? Наверное, нет. Вы берете книгу и читаете умные рассуждения и чепуху, живете чужой жизнью, тревожась из-за событий, которые никогда не происходили, желая заполнить чем-нибудь скучную повседневность. Вы воображаете себя героем или, по меньшей мере, действующим лицом, и это не удивительно. Даже древние римляне приправляли свою жизнь острыми ощущениями: упивались кровью и насилием в Колизее, глядя, как дикие звери раздирают человеческую плоть. Они вопили от восторга и шлепали друг друга по спинам, когда смертоносные когти впивались в тело раба, и радовались совершенному убийству...

Жизнь сквозь замочную скважину. Но день проходит за днем, ничего с вами не случается, и вы приходите к выводу, что все это – фантазия писателя, в действительности такого не бывает. Но все равно, почитать стоит... Завтра вы найдете другую книгу, забыв, что было в предыдущей, и поживете еще немного своим воображением.

Но запомните: события происходят и здесь. Происходят под самым вашим носом, а вы не замечаете. Каждый день, каждую ночь... И по сравнению с ними развлечения римлян выглядят безобидным капустником.

... В десять минут первого я завязал узел на папке с утерянными документами Германа Гебла и доставил их ему. Для меня – пачка желтой бумаги, покрытой едва разборчивыми каракулями, но для моего клиента они стоили двух с половиной тысяч долларов. Я написал расписку в получении денег и спустился к машине. В этот час ночи движения почти не было, но при

первой же встрече с красным светом я заснул, уронив голову на руль, и проснулся от нетерпеливых гудков. Ну их к черту. Прямо впереди виднелся ночной бар; пара чашек крепкого кофе приведут меня в чувство.

Не знаю, как это место обходили санитарные инспекторы – оно воняло. Двое бродяг убивали время, пожирая десятицентовые порции супа, не забывая при этом о бесплатном печеньи. Рядом пьянчужка старался сосредоточить внимание одновременно на тарелке с яичницей и на попытках остановить вращение мира. За соседним столиком, явно скучая, сидела размалеванная девица.

Подошел бармен и спросил:

– Что желаете?

Голос у него был, как у лягушки.

– Кофе. Черный.

Красотка заметила меня. Она улыбнулась, немедленно подсела и сказала, кивнув на бармена:

– У Коротышки каменное сердце, мистер, – не угостит ни чашечкой. Не поможешь мне взбодриться?

Я слишком устал, чтобы спорить.

– Сделай два, приятель.

Бармен с отвращением схватил вторую чашку, наполнил ее и швырнул обе на стол, половину разлив.

– Слушай, Рыжая, – проквакал он, – не хватало мне только полиции.

– Успокойся, Коротышка. Все, что я хочу от джентльмена, – это чашка кофе. Он выглядит слишком усталым, чтобы играть в какие-то игры сегодня ночью.

– Да, Коротышка, помолчи, – вставил я. Бармен одарил меня злющим взглядом, но так как я был таким же сердитым, как и он, и вдвое крупнее, то поплелся отодвигать тарелку с печеньем подальше от бродяг. Я посмотрел на рыжеволосую.

В общем-то, она не была красивой. То есть, очевидно, когда-то была, но надлом в душе всегда отражается в глазах и складках рта, стирая всю привлекательность женского лица. Да, когда-то она была недурна собой. Причем не очень давно. Платье оставляло неприкры-

той большую часть ног и порядочную часть груди: нежное белое тело, еще тугое, но уже постаревшее от не книжных знаний. Я наблюдал за ней исподтишка, когда она поднимала чашку. У нее были изящные руки, длинные тонкие пальцы. И покрытое алмазной пылью тонкое золотое колечко с каким-то выгравированным знаком, похожим на лилию.

Рыжая внезапно повернулась и спросила:

– Нравлюсь?

Я ухмыльнулся.

– Ага. Но, как ты сказала, я слишком устал, чтобы из этого что-нибудь вышло.

Ее смех прозвенел колокольчиком.

– Отдыхай спокойно. Не буду докучать тебе. То, что я продаю, интересует лишь определенный тип мужчин.

– Психолог-любитель?

– Приходится.

– А я, значит, не принадлежу к этому типу?

Глаза Рыжей весело заблестели.

– Таким счастливчикам, как ты, никогда не приходится выкладывать наличные. Расплачивается женщина.

Я вытащил пачку "Лакиз" и предложил ей. Не знаю, почему она пришлась мне по душе. Возможно, привлекли ее глаза. Или несколько ненароком оброненных слов, которые приятно было слышать. Или, возможно, я просто устал, а моя берлога пуста и холодна... Что бы там ни было, она мне нравилась, и знала это, и улыбалась так, я уверен, как не улыбалась очень давно. Словно другу.

– Как тебя зовут?

– Майк. Майк Хаммер. Местный уроженец, обычно бодрый, сейчас смертельно усталый. Белый, холостой, совершеннолетний. Хочешь еще кофе?

Она покачала головой.

– Нет, достаточно. Если бы Коротышка не был таким щепетильным в вопросах кредита, мне не пришлось бы стелиться ради легкой закуски.

– Никогда бы не подумал, что твое занятие может быть таким скучным.

– Скучным его не назовешь.

Раздался приглушеннный звук открывающейся двери. Я почувствовал этого парня спиной, прежде чем увидел его в зеркале. Он был высокий, мрачный, с застывшей сальной ухмылкой на лице; от него исходил запах дешевого масла для волос.

– Привет, детка.

Рыжеволосая чуть повернулась, и губы ее сжались.

– Чего тебе надо?

Голос ее потерял всякую окраску, кожа на щеках натянулась.

– Охотишься?

– Я занята. Уходи.

Парень схватил ее за руку и резко вывернул.

– Мне не нравится, как ты разговариваешь, Рыжая.

Как только я соскользнул с табуретки, Коротышка устремился к нам, но, увидев выражение моего лица, замер. Парень зловеще скривил губы и процедил:

– Убирайся к черту, пока цел.

Он двинулся было ко мне, но я ударил четырьмя жесткими пальцами ему в живот, чуть выше пупка, и он сложился пополам, как перочинный ножик. Я раскрыл его ударом ладони в рот.

Обычно на этом успокаиваются. Однако не этот тип... Он едва мог дышать, но уже проклинал меня разбитыми губами, а тем временем рука его ползла под мышку.

Я позволил ему почти дотянуться до рукоятки, затем вытащил свою пушку сорок пятого калибра на всеобщее обозрение, просто для эффекта приставил револьвер к его лбу и взвел курок. В тишине прозвучал резкий щелчок.

– Только дотронься до своей железяки, и я прострелю твою башку, – предупредил я.

Он дернулся и отключился. Хорошо, пускай полежит без сознания, оно ему ни к чему. У Коротышки

тряслись плечи. Рыжая, закусив губу, смотрела вниз, на безжизненное тело. Наконец она проговорила:

– Тебе не следовало этого делать. Уходи скорее. Он... он убьет тебя! Пожалуйста, уходи. Ради меня.

Она была в беде, испугана, но оставалась моим другом. Я улыбнулся ей и достал бумажник.

– Обещай мне, Рыжая, хорошо? – И вложил в ее руку три пятидесятидолларовые бумажки. – Уходи с этой улицы. Завтра же купи приличную одежду, возьми газету и поищи работу. Твое занятие – медленное самоубийство.

Не хочу, чтобы на меня так смотрели. Такой взгляд заметишь разве что у молодоженов или в церкви у богомольцев. Масляная голова на полу начал приходить в себя, но он-то как раз уставился на мой раскрытый бумажник. Его глаза приклеились к значку частного детектива, приколотому там, и если бы мой палец не лежал на спусковом крючке, он бы полез за своей игрушкой. Я нагнулся и вытащил ее из наплечной кобуры, затем схватил его самого за шиворот и выволок за дверь.

За углом стоял столбик с кнопкой вызова полиции, и я ей воспользовался. Через несколько минут к тротуару подкатил автомобиль, и из него вылезли два здоровяка. Я кивнул водителю.

– Привет, Джейк.

– Привет, Майк. Что стряслось?

Я поднял Масляную голову на ноги.

– Этот шутник решил со мной поиграть. – Я протянул короткоствольный пистолет 32-го калибра. – Не думаю, что у него есть разрешение на оружие. Пусть отдохнет до утра.

Я проснулся ранним утром, принял душ, чтобы согнать сон, и побрился. Чувствовал я себя все равно неважно, глаза покраснели и опухли. Но большая тарелка копченой свиной грудинки придала мне сил, чтобы

одеться и подумать о том, что день не грех начать с более пристойной пищи.

Изумительный кусок мяса сочился и шипел в жаровне бара Джимми, будто специально поджидая меня. К счастью, я явился вовремя, и он очутился у меня на столе, прежде чем успел пережариться.

– Весь день вчера звонила дама из вашей конторы, – проинформировал Джимми.

– Чего она хотела?

– Интересовалась, где вы. Наверное, черт знает что думала.

– Чепуха. Она всегда что-нибудь думает. – Я прикончил десерт и расплатился. – Если позвонит снова, скажи, что я уже еду, ладно?

– Конечно, мистер Хаммер, с радостью.

Я отодвинул тарелку, закурил, вышел на улицу и влез в машину. Поездка к центру заняла немного времени, но чтобы найти место для стоянки потребовалось полчаса. Когда я наконец ввалился в контору, Вельда укоризненно подняла свои большие карие глаза, нагонявшие на меня ужас пуще всяких слов. Когда мне понадобился делопроизводитель, я считал, что сойдет любая девушка, как хорошенькая, так и уродина, – но мне явно удалось снять сливки. Не ожидал я только, что она окажется такой едкой и остроумной... От хорошеньких этого не ожидаешь.

Сбросив пальто, я выложил на стол пачку пятидесятидолларовых бумажек.

– Вычти отсюда расходы и положи в банк остальное. Посетители были?

– Два. Один субъект хотел оформить развод, другому нужен был телохранитель – муж подружки обещал сделать из него хладный труп. Я отослала обоих к Эллисону. Там им помогут.

– Все-то ты решаешь за меня. Работа телохранителя не лишена интереса.

– Ага. Я видела фотографию этой подружки. Как раз твой любимый тип.

– Ах, птичка, ты же знаешь – ненавижу женщин!

Я уселся в кресло для клиентов и подобрал со стола газету. Мое внимание привлекла фотография на первой странице, внизу, в уголке, окруженная сообщениями об очередных происшествиях. Фотография рыжеволосой, скрючившейся у обочины. Заголовок гласил: "Водитель-убийца скрылся".

– Бедняга! Вот тебе и удача...

– Кто это? – спросила Вельда.

Я протянул ей газету.

– Проститутка. Я купил ей кофе в баре и дал немного денег, чтобы выбраться из этого болота.

– Приятная у тебя компания, – саркастично заметила Вельда.

Мне стало обидно.

– Черт побери, она не пыталась меня подцепить. Я ей помог, и она была мне благодарна...

– Прости, Майк. Я действительно сожалею, честно. – Любопытно, Вельда сразу понимает, когда я говорю правду. Она раскрыла газету, прочитала заметку и нахмурилась. – Личность не установлена... Ты знаешь ее имя?

– Нет, ее звали просто Рыжая. Дай-ка посмотрю.

Я проглядел заметку. Тело нашли на улице рано утром. Парень, дважды проходивший мимо, сперва решил, что она пьяна. Довольно разумно. В наше время куда ни глянь – везде валяются пьяные, искать не приходится.

Сложив газету, я сказал:

– Продержись тут без меня. Немного пройдусь.

– Насчет этой девушки?

– Да. Надо попробовать установить ее личность. Позвони Пату, предупреди, что я скоро буду у него.

– Хорошо, Майк.

Я решил не возиться с машиной и на такси подъехал к зданию из красного кирпича, где располагалась контора Пата Чамберса. Вам стоит увидеть такого парня. Он – молодой капитан отдела по расследованию убийств, полицейский с головы до пят, хотя по виду этого никак не скажешь. Умудрен знаниями и являет

собой прямо-таки примерный образчик полицейской эффективности. Не часто встретишь стража порядка, водящего знакомство с частным детективом, но Пат прекрасно понимал, что я могу затронуть вещи, недоступные для закона, а он, в свою очередь, способен сделать многое, с чем не справился бы я. Деловое соглашение переросло в прочную дружбу.

Он встретил меня в лаборатории, где проводил баллистическую экспертизу.

– Привет, Майк. Каким ветром занесло тебя сюда в столь ранний час?

– Задачка, приятель. – Я развернул перед ним газету и указал на фотографию. – Что-нибудь выяснили о ней?

Пат покачал головой.

– Не знаю. Пойдем в кабинет.

Он провел меня в комнату и указал на кресло. Пока я закуривал, он придвинул к себе телефон и набрал номер.

– Чамберс. Я хочу знать, удалось ли установить личность той девушки, сбитой машиной.

Он выслушал и нахмурился.

– Ну, что?

– Ничего. Кроме того, что причина смерти – перелом шеи.

– Могу кое-что добавить. Проститутка, звали Рыжая. Мы познакомились предыдущей ночью в баре.

Пат откинулся на спинку стула.

– Итак, имя неизвестно. Одета во все новое, с новой сумочкой с шестью долларами мелочью, и ни единой особой приметы. На одежде нет даже меток прачечной.

– Правильно. Я дал ей полторы сотни, чтобы она смогла одеться и найти приличную работу.

– Какой ты великодушный!

Тон у него был, как у Вельды, и я разозлился.

– Черт побери, Пат! И ты несешь эту чепуху! Я на своем веку повидал таких крошек немало. Думаешь, кто-нибудь протянет им руку помощи? Как же! Но

удовольствие из них выжмут все до капли. Да, проститутка, да, мне она понравилась – ну и что? Я хотел ей помочь! Может, она была погружена в мечты о будущем и забыла открыть глаза, переходя дорогу!

– Эй, погоди, Майк, не набрасывайся на меня. – Пат потянулся к столу и взял записную книжку. – Думаю, лучшее, что мы можем сделать, это опубликовать ее фотографию и надеяться, что кто-нибудь ее узнает. Устраивает?

Он свернул газету, и в это время вошел лаборант в белом халате и вручил ему листок бумаги. Пат пробежал глазами текст и нахмурился. Потом протянул его мне и кивнул, отпуская лаборанта. Это было заключение экспертизы. Оно ясно гласило, что, хотя, вероятно, смерть была случайной, не исключена возможность убийства. Такой перелом шеи мог возникнуть лишь при самом причудливом стечении обстоятельств.

Впервые за все время, что я знал Пата, он занял типично полицейскую позицию.

– Интересную ты задал мне задачку, Майк! Какой ее части я должен верить?

Его голос сочился сарказмом.

– Иди к черту! – Я прекрасно понимал, что происходит сейчас в его казенных мозгах. У нас была пара запутанных случаев, и он думает, что я специально их ему подсовываю. – Ты неплохой парень, Пат. Раньше мы оказывали друг другу услуги, не задавая вопросов. Я когда-нибудь обманывал тебя?

Он начал отвечать, но я прервал его:

– Да, конечно, наши пути несколько раз пересекались, но тебе это только на пользу. Потому что ты полицейский. А что могу я? Ничего... защищать клиента. С каких пор ты считаешь, что я тебе мешаю?

Пат улыбнулся.

– Придется мне снова извиниться. Сделай еще одно одолжение: допусти, что у меня есть причина быть подозрительным. Когда ты занимаешься делом, то, по крайней мере, не играешь в политику. А я должен за-

ботиться о сохранности своей шеи, – знаешь ведь, какое давление оказывают на наш отдел.

Он продолжал говорить, но я его больше не слушал. Передо мной, как живая, стояла Рыжая, с милыми ямочками на щеках, улыбающаяся улыбкой, предназначенной мне одному. Бродяжка, которая могла бы быть леди; мой друг на несколько коротких минут...

В моем желудке сгустился ледяной комок, потому что я вспомнил еще и Масляную голову, с револьвером и гнусной ухмылкой. С каким ужасом глядела на него Рыжая... Мои ногти впились в ладони, я тяжело задышал. Оно всегда так проявляется – это сумасшедшее чувство, когда мне хочется вышибить дух из какого-нибудь сукиного сына.

– Думаешь – убийство? – спросил Пат, всматриваясь в меня.

Я кинул листок на стол.

– Она мертва. И какая разница, как она умерла? Покойники не обращают внимания на подобные мелочи.

– Послушай, Майк, если это убийство, то им займется мой отдел. Ты собираешься поделиться со мной тем, что знаешь?

– Собираюсь, Пат.

Я не лгал. То, что я рассказал ему, было чистой правдой; я просто не сообщил ему всей правды.

Пат взял свою записную книжку.

– Где ты с ней встретился?

– В одном баре на Третьей авеню. Я заскочил туда случайно – остановился на минутку выпить кофе. Не помню названия, потому что был слишком уставшим, но найду его, хотя таких заведений и тысячи.

– Мы произведем вскрытие, а также постараемся разыскать ее старую одежду. Когда найдешь этот бар, дай мне знать.

– Обязательно.

Я улыбался, но веселья не чувствовал. Только так я мог сдержаться и быть вежливым, не показывая, что внутри у меня бушует ярость. Мы пожали друг другу

руки и обменялись культурным "до свидания", а мне хотелось рвать и метать. Убийство – безобразное слово...

Спустившись на первый этаж, я спросил дежурного сержанта, где можно найти Джейка Ларри. Он дал мне номер его домашнего телефона, и я тут же прошел в будку. Очевидно, Джейк спал, потому что голос его прозвучал не слишком дружелюбно.

– Это Майк Хаммер, Джейк. Что та скотина, которую я передал тебе прошлой ночью?

Джейк произнес что-то непристойное.

– Да уж, подложил ты мне свинью.

– Как это?..

– У него есть разрешение на оружие, вот как. Ты что, хочешь, чтобы у меня были неприятности? Его имя Финней Ласт, он служит шофером и телохранителем у Берин-Гротина.

Я присвистнул сквозь зубы и повесил трубку.

Глава 2

В начале пятого я вернулся в контору. Вельда усиленно подписывала и заклеивала конверты и была рада предлогу посачковать.

– Недавно звонил Пат.

– Наверное, просил передать мне, чтобы я был пай-мальчиком?

– Другими словами, но в этом смысле. Майк, ты вроде бы босс, и мне неприяно тебе указывать, но к нам в дверь стучатся солидные клиенты, а ты занимаешься делом, которое и не пахнет деньгами.

Я бросил шляпу на стол.

– Где убийство, там и деньги, цыпленок.

– Убийство?

– Я так думаю.

Приятно было сидеть здесь, удобно развалившись в кресле. Я зевнул. Вельда спросила:

– Но, собственно, чего тебе нужно?

– Имя, – ответил я. – Просто имя женщины, которая умерла безымянной. Болезненное любопытство, да? Но

я не могу положить венок с надписью "Рыжей"... Что ты знаешь о некоем Берин-Гротине?

Я наблюдал за мухой, ползущей по потолку, и мой вопрос прозвучал неожиданно.

– Это, должно быть, Артур Берин-Гротин, – ответила Вельда. – Старый джентальмен из общества, ему под восемьдесят. Один из пресловутых "честных" богачей. Одно время был заядлым игроком, но с возрастом остепенился. Сейчас ужасно набожен, старается замолить грехи молодости.

Тогда я немного вспомнил его.

– Зачем ему телохранитель?

– Если не ошибаюсь, его особняк был несколько раз ограблен. Самое забавное, что взломщик мог получить, что ему хотелось, постучавшись в дверь. Артур Берин-Гротин становится простаком, выслушивая душещипательные истории... Кроме того, он крупнейший филантроп в городе.

– Куча денег?

– Угу.

– Откуда ты все это знаешь?

– Если бы ты читал что-нибудь, кроме юморесок, то знал бы это тоже. Он известен, как кинозвезда. Очевидно, у него сильно развито чувство гордости: то он преследует кого-то за клевету, то лишает наследства какого-нибудь дальнего родственника за посрамление фамильной чести Берин-Гротинов. Месяц назад он пожертвовал миллион долларов на приют для собак и кошек. А, вот еще...

Она встала и вытащила из груды бумаг газету недельной давности.

Это была фотография кладбища. На фоне надгробных камней и монументов высился наполовину возведенный мавзолей. Рабочие на лесах устанавливали мраморные плиты. Артур Берин-Гротен хотел быть уверенннным, что и после смерти у него будет крыша над головой.

Вельда положила газету на место.

– Это клиент, Майк?

– Нет. Просто случайно встретилось его имя.

– Ты лжешь.

– А ты грубишь боссу.

Я улыбнулся ей, нацепил шляпу и вышел. У меня созрели кое-какие планы, но некоторое время надо было подождать.

В баре внизу я заказал пива. Когда третья кружка подходила к концу, мальчишка принес вечерние газеты. Пат поработал хорошо – фотография была помещена на первой полосе, под ней крупно набрано обращение: "Вам известна эта девушка?" Конечно, мне она известна. Рыжая.

Сунув газету в карман, я вышел к автомобилю. На улицах было не проехать, и мне удалось добраться до Третьей авеню лишь к шести часам. Это заведение я нашел без труда. Я вскарабкался на табурет и положил газету возле себя, фотографией вверх. Коротышка вертелся в стороне, около какого-то шалопая; меня он еще не увидел.

А когда увидел – побледнел.

– Что угодно?

– Яйца. Бекон и яйца. И кофе.

Он бочком подошел к стойке и запустил руку в корзину с яйцами. Одно упало и растеклось по полу. Коротышка, казалось, даже не заметил этого. Зато шалопай издал серию хлюпающих звуков, выливая суп через нос. Позади жаровни стоял стальной рефлектор и я дважды поймал взгляд Коротышки, обращенный на меня. Лопаточка была достаточно велика, чтобы поместился кекс, а он не мог справиться с яйцом. Каждое давалось ему с третьей попытки.

Коротышку била дрожь. И ему вовсе не стало лучше, когда он отодвинул газету, чтобы поставить тарелку, и увидел фотографию Рыжей.

– У яиц есть одно неоспоримое преимущество, – проговорил я. – Их трудно испортить неуклюжим стряпаньем.

– Что вам от меня надо, мистер? – перебил Коротышка. – Вы полицейский?

Мы оба одновременно посмотрели на газету.

– У меня есть значок... и револьвер.

– Частная ищейка? – Он становился невежливым.

Я отложил вилку и поглядел на него. Когда нужно, я могу сделать очень скверное лицо.

– Не доводи меня, милый, не то твоя мордашка превратится в фарш. И чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится эта идея. Мое имя Майк Хаммер... ты, наверное, слышал. Я люблю играть в такие игры.

Он снова побелел.

Я поднял газету и указал пальцем на вопрос, помещенный над фотографией. Коротышка отлично понимал, что это уже не шутки, и был испуган.

– Заглядывала изредка. Иногда пыталась подцепить кого-нибудь, и я ее вышвыривал. Для меня и всех остальных – просто Рыжая. Вот и все, что я о ней знаю.

Я схватил его за ворот рубашки и притянул к стойке.

– Уверен, что стоит полиции немного здесь покопаться, как выплывут все твои делишки.

– Честно, Майк, я ничего не знаю об этой даме. Я бы сказал, если б знал. Я тихий человек и не хочу никуда встревать.

– Прошлой ночью здесь был один парень, Финней Ласт. Ты часто его видел?

Коротышка с трудом разлепил губы.

– Он приходил за рыжеволосой. Никогда даже не ел у меня. Отпустите, а?

Я разжал руку.

– Конечно, друг. – И швырнул на стойку полдоллара. Он был рад отойти к кассе, подальше от меня. – Если выяснится, что ты знаешь больше, чем сказал, то вскоре сюда пожалует визитер. В красивой синей форме. Впрочем, ему придется туго – тебе будет трудно объясняться без зубов.

У самых дверей он меня окликнул:

– Эй, Майк!

Я повернулся.

– По-моему... по-моему она жила где-то рядом. Кажется, в соседнем квартале.

Он не дождался ответа – слишком был занят вытиранием яиц с пола.

Сперва я влез в машину, но тут же передумал: на прочесывание мрачных каморок, разбросанных поблизости, ушла бы неделя.

Перед газетным стендом на углу стояли три типа в яркой спортивной одежде и отпускали грязные замечания о проходящих мимо девушках. Я направился к ним и, расстегнув пуговицу на куртке, начал поправлять рубашку так, чтобы ремень кобуры некоторое время был ясно виден.

– Здесь где-то живет рыженькая милашка. Не знаете, как ее найти?

Один из них подмигнул мне как мужчина мужчине.

– Да, она снимала комнату в заведении старой леди Портер. – Он кивнул в конец улицы. – Но не тратьте зря время – эту сучку вчера задавило.

– Ай-ай-ай, как плохо.

Типчик взял меня под руку и одарил понимающим взглядом.

– Если вам нужна настоящая женщина, идите по Двадцать третьей и ...

– Как нибудь в другой раз, приятель. – Я сунул ему бумажку. – Купи ребятам пива.

Марта Портер оказалась полной дамой на склоне пятидесяти.

– Вам комнату или девочку? – спросила она.

– Я уже видел девочку. Теперь я хочу узнать ее имя.

Сперва она схватила деньги.

– А зачем?

– Потому что она украла важные бумаги с того места, где последний раз "работала", и я должен их найти. Знаете ее фамилию?

– Вы совсем как ребенок, мистер. На кой черт мне сдалась ее фамилия?.. Комната крайняя на втором эта-

же. Я даже не заходила туда с тех пор, как Рыжая умерла. Увидела ее лицо в газетах и сразу поняла, что этим заинтересуются.

Мы поднялись по лестнице, я вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

Кто-то учинил здесь обыск, а точнее – настоящий погром. Все принадлежности растормошенной постели были разбросаны по полу. Ящики из комода валялись вверх тормашками, причем их использовали как лестницу. Даже линолеум и обои были оторваны. Можно подумать, что здесь бесился полный энергии молодой слон.

Ветер швырнул мне в лицо остатки набивки матраса, и я подошел к окну. Она выходило на пожарную лестницу, рама была выдавлена каким-то инструментом. Ничего не могло быть проще. На полу у подоконника лежала белая пластмассовая расческа с несколькими темными волосками вокруг зубцов. Я поднял ее и понюхал. Масло для волос. Тот самый сорт.

...Когда я влез с утра в новый костюм и прошелся щеткой по ботинкам, то если и не выглядел одним из "четырехсот первых" колонистов, то, по крайней мере, вполне сносно, чтобы встретиться с представителем этой славной плеяды.

Я нашел имя Берин-Гротина в телефонной книге Лонг-Айленда, этого уголка, столь милого сердцу влюбленных и затворников. Доллары помогли мне быстро подготовить автомобиль, и в полдесятого я мчался по автостраде, вдыхая свежий океанский бриз.

Под колесами захрустел макадам, затем гравий и наконец передо мной вырос один из самых удивительных домов после Букингемского дворца. Особняк мог служить символом роскоши, но был совершенно лишен кричащей показухи. Маленькая медная кнопка глубоко ушла в дверную раму. Едва я прикоснулся к ней, раздалась мелодичная трель электронного звонка. Когда дверь отворилась, я подумал, что это автомати-

ка, но ошибся. Дворецкий был такой маленький и старый, что еле доставал до дверной ручки и внешне не был достаточно силен, чтобы долго удерживать дверь открытой: вооружившись улыбкой, я поспешил войти, прежде чем ее захлопнет ветер.

– Я бы хотел видеть мистера Берин-Гротина.

– Да, сэр. Как доложить?

Голос дворецкого потрескивал, будто заигранная пластинка.

– Майк Хаммер из Нью-Йорка.

Старичок взял мою шляпу, провел меня в просторную комнату, облицованную панелями из мореного дуба, и махнул рукой на кресло.

– Пожалуйста, подождите здесь, сэр. Я сообщу хозяину о вашем прибытии. Сигары на столе.

Я поблагодарил и утонул в большом обитом кожей кресле, оглядываясь по сторонам – интересно, как живут в высшем обществе. Совсем недурно. Я выбрал сигару и откусил кончик. Затем поискал место, куда его выбросить. Единственной пепельницей, похоже, служило настоящее произведение искусства из фарфора. Осквернить его плевком было выше моих сил. Может быть, жизнь в обществе не слишком-то хороша, в конце концов... Послышались шаги, и я проглотил этот заклятый кончик, чтобы избавиться от него.

Когда Артур Берин-Гротин вошел в комнату, я встал. Есть люди, перед которыми невольно преклоняешься. Годы не наложили на него тяжелого отпечатка. Копна благородных белых волос венчала его голову, а глаза блестели, как у мальчишки.

– Мистер Берин-Гротин? – спросил я.

– Доброе утро, сэр. – Он протянул руку, и мы обменялись крепким рукопожатием. – Пожалуйста, ограничивайтесь только первой частью – двойные семейные фамилии всегда действовали мне на нервы, а с тех пор, как я остался один, стало возможным сократить ее. – В противоположность дворецкому, у него был густой сильный голос. Он подвинул ко мне кресло и кивнул, приглашая садиться. – Итак, чем обязан?

Я начал прямо.

– Я детектив, мистер Берин-Гротин. Вчера в городе была убита безымянная рыжеволосая проститутка.

– Помню, видел в газетах. А что вас интересует?

– Я пытаюсь установить ее личность. Скверно умереть так, что никто этого не заметит.

Берин-Гротин утомленно прикрыл глаза.

– Понимаю, мистер Хаммер, прекрасно понимаю... Я пережил жену и детей и боюсь, что когда кончу свой век, разве что случайный прохожий прольет слезу на мою могилу. Вот и возвожу тщеславно монумент, который запомнится людям. Наверное, я кажусь вам выжившим из ума?

– Ничуть.

– Дома строят для различных этапов жизни... почему не для смерти? Моя глупая двойная фамилия уйдет со мной в могилу, но, по крайней мере, останется на виду у многих поколений. Честь семьи, гордость за пройденный путь... Впрочем, вы говорили...

– О Рыжей. Перед самой гибелью ее пытался подцепить в одном из баров ваш шофер.

– Мой шофер?

Берин-Гротин от изумления широко раскрыл глаза, густые белые брови сошлись вместе.

– Да. Его имя Финней Ласт.

– А вы откуда это знаете?

– Он вел себя очень грубо, и я вынужден был вмешаться. Тогда он решил пустить в ход револьвер, и мне пришлость сдать его в полицию.

– Он... хотел убить вас?

– Не знаю. Я старался не предоставить ему такой возможности.

– Ласт действительно был в городе той ночью, я знаю. Никогда бы не подумал, что он способен на подобное!.. Очень сожалею о случившемся, мистер Хаммер. Пожалуй, я его рассчитаю.

– Как угодно. Если вам нужен крепкий парень, то в качестве телохранителя...

– Мой дом несколько раз взламывали. Я не держу на руках много денег, но у меня ценная коллекция диковинок и редкостей, и не хотелось бы, чтобы ее похитили.

– Где он был в день гибели девушки?

Старый джентльмен понял, о чем я думаю, и медленно покачал головой.

– Боюсь, вам придется отбросить эту мысль, мистер Хаммер. Финней вчера весь день был со мной. Днем мы поехали в Нью-Йорк, где у меня состялось несколько деловых встреч. Вечером мы были в "Альбино-клубе", откуда отправились в шоу, затем снова в "Альбино-клуб" и домой. Финней не отлучался ни на минуту... Я читал в газетах, что девушка пала жертвой пьяного водителя. Видимо, предыдущая ее встреча с Финнеем – просто совпадение.

Он провел рукой по лицу и медленно поднял взгляд.

– Мистер Хаммер, мог бы я посодействовать... например, позаботиться о погребальной процедуре? У меня есть все, а у нее...

Я остановил его, покачав головой.

– Лучше это сделаю я. Но, в любом случае, спасибо.

– Если вам понадобится какая-нибудь помощь, обращайтесь ко мне, мистер Хаммер.

Вошел дворецкий с подносом. Мы взяли по бокалу бренди, чокнулись и выпили. Это был на редкость хороший бренди. Я поставил бокал на столик, презирая себя за то, что все кончилось. Почти кончилось. Оставался Масляная голова, он мог знать личность рыжеволосой. И я предпринял последнюю попытку.

– Как вы нашли этого Ласта?

– По рекомендации фирмы, которая однажды воспользовалась его услугами. Какое отношение он мог иметь к покойной?

– Не знаю. Может, просто входил в число ее клиентов. А где он сейчас, мистер Берин?

– Рано утром уехал на кладбище с именной доской для мавзолея. Я велел ему присмотреть, чтобы ее правильно установили. Вряд ли он вернется раньше полудня.

Я поблагодарил его, и мы снова пожали друг другу руки. Из ниоткуда вдруг появился маленький старый дворецкий и подал мою шляпу. Мистер Берин сам открыл мне дверь, и я сбежал по ступенькам к машине. Он все еще стоял на пороге, когда я отъехал.

... Мраморные колонны поднимались вверх на пятнадцать футов и затеняли массивные бронзовые двери, испещренные греческими письменами. В граните был высечен трилистник – эмблема королевской семьи... или доброго американского виски. Чуть ниже – несколько латинских слов, два из них "Берин-Гротин". Очень просто, очень благородно.

Масляная голова отчитывал кого-то из рабочих. Я тихонько подошел сзади, достал из кармана пластмассовую расческу и подбросил к его ногам. Через минуту он повернулся, заметил ее, поднял, повертел в руках, провел по волосам и положил себе в карман.

Лучшего доказательства мне не надо было. Масляная голова – вот кто разгромил комнату рыжеволосой.

Он не замечал меня, пока я не произнес:

– Привет, Финней.

Тогда зубы его оскалились в зловещей гримасе, а уши отодвинулись назад.

– Грязный сукин сын! – прорычал он.

Его оскал перешел в сардоническую усмешку, а тем временем рука как бы случайно скользнула в карман. Он, наверное, думал, что я болван. Так же случайно я расстегнул свой пиджак и прислонился к стене.

– Чего тебе нужно?

– Тебя, Масляная глова.

– Думаешь, меня просто взять?

– Уверен.

Он продолжал ухмыляться.

– Что ты искал в комнате у Рыжей, Финней? – Мне показалось, что сейчас он взорвется от ярости, так он взбесился. Сумасшедший огонек прыгал у него в глазах. – На полу у окна осталась лежать расческа. Та, которую ты только что подобрал.

Он выдернул руку из кармана и щелкнул сверкнувшим лезвием ножа. Я сорвал пиджак и швырнул ему в лицо. На секунду это его ослепило. Нож полетел в сторону.

Финнея Ласта взять было непросто. Он прыгнул на меня прежде, чем я успел защититься. Я получил в висок и в челюсть, но вмазал ему правой прямо в нос; потом поймал его ногу, и он со смачным звуком шлепнулся на землю. У меня хватило сил захватить его кисть в замок. Финней лежал лицом вниз и стонал, потому что я вывернул его руку почти к шее.

– Что тебе от нее надо было, Финней? Кто она?

– Клянусь богом, не знаю. Боже... прекрати!

Чуть посильнее нажим на руку, и снова Финней начал говорить. Я едва разбирал слова.

– Проститутка... Я приходил к ней... Как-то раз она у меня украла... я хотел получить обратно...

– Что украла?

– Кое-что на одного парня. Его засняли в номере с девицей. О, боже...

Он потерял сознание. Тут сзади послышались шаги, и рядом возникли двое рабочих. Один из них, с синяком под глазом, сжимал в руках молоток.

– Вы возражаете, ребята?

Парень с подбитым глазом покачал головой.

– Наоборот. Хотели убедиться, что он свое получил. Слишком любит корчить из себя начальника и пускать в ход кулаки. Если бы мы не боялись потерять хорошую работу, давно бы разобрались с ним сами.

Я встал и поправил то, что осталось от моего нового костюма, затем поднял Финнея и перекинул его через плечо. Как раз поблизости была свежевырытая могила, и Финней Ласт полетел вниз. Надеюсь, его найдут прежде, чем опустят гроб...

Когда я выезжал, к машине подошел привратник. Но взглянув на меня, застыл с раскрытым ртом.

– Здесь у вас недружелюбные покойники, – сказал я.

Глава 3

Я въехал в Нью-Йорк в самом разгаре ужасного ливня. Дома сменил одежду и пропустил бутылочку пива, потом перекусил на скорую руку в забегаловке и направился к себе в контору.

Уже темнело, но Вельда была еще там. И Пат. Он с усмешкой взглянул на меня и поприветствовал.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– Есть новости. Мы нашли парня, убившего Рыжую.

Мое сердце бешено заколотилось.

– Кто?

– Один юнец. Был нетрезв, ехал быстро и проскочил на красный свет; он вспоминает, что кого-то сбил, но не остановился, а помчался дальше. – Пат рассмеялся и добавил: – Теперь дело передано другому отделу, и я могу успокоиться... Тебе следовало быть полицейским, Майк. Ты бы нам пригодился.

– Да, боюсь только, что я слишком часто использовал бы дубинку. Послушай, почему ты так убежден в виновности этого парнишки?

– У нас есть его признание. Лаборатория обследует машину, вмятины на бампере и ее одежду, но еще раньше он предупредил, что постарался уничтожить все следы, которые могли остаться. Специалисты полагают: необычная природа повреждения вызвана тем, что Рыжая, получив скользящий удар, сломала шею, упав на край мостовой. Отсюда же ссадины, царапины на щеках и коленях.

– Установили ее личность?

– Пока нет. Над этим работает Бюро розыска. И вообще, почему ты так стремишься узнать ее имя? В городе тысячи подобных бродяжек, и каждый день с ними что-нибудь случается.

– Черт возьми, я тебе уже объяснял. Мне она понравилась. Не спрашивай, почему – сам не знаю. Но будь я проклят, если не закончу дела!

Я сунул в рот сигарету. Пат подождал, пока я закурю, потом поднялся, подошел ко мне и положил руку мне на плечо.

– Майк, ты все еще думаешь, что она была убита?

– Угу.

– Какие-нибудь, хоть сомнительные, основания?

– Нет.

– Хорошо. Если что-нибудь выяснишь, дашь мне знать?

Я выпустил в потолок струю дыма и кивнул.

– Она сейчас в морге? – Пат наклонил голову. – Я хочу ее видеть.

...Внутри старого кирпичного здания царил холод. Но не тот, что приходит со свежим воздухом прохладным утром, а холод, пахнущий химией и смертью. Пат попросил у служащего список личных вещей покойной, и пока тот искал его, роясь в бумагах, мы молча ждали.

Губная помада, пудра и немного денег, несколько ничего не стоящих безделушек, которые обычно носят в сумочке женщины.

– И это все? – спросил я, возвращая список.

– Все, что у меня есть, мистер, – зевнул служащий. – Хотите на нее взглянуть?

– Да, пожалуйста.

Служащий пошел вдоль стеллажей, касаясь их пальцами. Дойдя до ряда, помеченного табличкой "Личность не установлена", он сверил номер со списком в руке и отпер второй ящик снизу.

Смерть не изменила Рыжую, только убрала напряженность с лица. Ни синяки на шее, ни ссадины от падения не казались фатальными. Люди попадают под колеса подземки и поднимаются на платформу испуганными, но невредимыми; другие врезаются на автомобиле в скалу и спокойно выходят из него. Ее слегка задело – а шея сломана.

– Когда вскрытие, Пат?

– Теперь его не будет. Это не убийство.

Пат не видел моего лица. Я смотрел на ее скрещенные на груди руки и вспоминал, как она держала чашку кофе. У нее было кольцо, а теперь его нет. И царапины на изящном пальце... Нет, оно не украдено: вор взял бы и сумочку.

Пат ошибался. И теперь это не просто догадка.

– Достаточно, Майк?

– Да, я увидел все, что хотел.

Мы с облегчением выбрались на свежий воздух, сели в машину. Я закурил.

– Что с ней будет, Пат?

Он пожал плечами.

– Обычная процедура. Мы держим тело, пока устанавливаем личность, а затем хороним.

– Вы не должны хоронить ее без имени.

– Будь разумен, Майк. Мы сделаем все возможное.

– И я.

Пат искоса взглянул на меня.

– В любом случае, что бы ни случилось, не сжигайте ее. Похороны оплачу я.

– Ладно, Майк, поступай, как считаешь нужным. Формально это уже не мое дело, но черт побери, парень, если я тебя знаю, скоро оно вновь окажется в моих руках. Если появиться что-нибудь новое, сразу сообщай.

– Естественно, – сказал я и тронул автомобиль.

Письмо опоздало на два дня. Адрес был взят из телефонной книги, которая не переиздавалась с тех пор, как я переехал. Мои руки дрожали, когда я открывал письмо. Они стали дрожать еще сильнее, когда я его прочитал.

"Дорогой Майк! Какое чудесное утро, какой прекрасный наступает день! Я чувствую себя свежей и обновленной и хочется петь. Не могу начать с благодарности, потому что слова ничтожно малы. Это не дружба,

мы ведь не настоящие друзья. Это доверие, а если б ты знал, как важно иметь человека, которому можно доверять. Ты сделал меня счастливой. Твоя Рыжая."

Я скомкал письмо в кулаке и швырнул в стену.

Обычно они не выходят на улицы до полуночи. Но если вы спешите, то проводят вас прямо к дому и заберут свою долю позже. У них желтые лица, нервно бегающие глаза. Они бренчат мелочью в кармане или гремят цепочкой с ключами и цедят слова уголками рта.

Таким был Кобби Беннет, и тень он отбрасывал только от искусственного света. Я нашел его в грязном кабаке близ Кэнэл-стрит за серьезнейшим разговором с парой деток, которым не дашь больше семнадцати. Они походили на старшеклассников, впервые вышедших в свет истратить папины денежки.

Я не стал ждать конца разговора. Детки немного побледнели, когда я растолкал их, и без слов отошли в сторону.

– Привет, Кобби.

Сводник был больше похож на загнанную в угол ласку, чем на мужчину.

– Чего ты хочешь?

– Не то, что ты продаешь. Между прочим, кем торгуешь в последнее время?

– Попробуй узнай, свинячье рыло.

Я хмыкнул, ухватил пальцами кусочек кожи у него на ноге и закрутил. Когда лицо Кобби посерело, а в уголках рта показалась слюна, я разжал пальцы и заказал ему выпивку.

– Черт побери, за что? – выдавил он. Его прищуренные, почти прикрытые глаза обжигали меня ненавистью. Он потер ногу и вздрогнул от боли. – Ты же знаешь, чем я занимаюсь.

– Работаешь на посредника?

– Нет, на себя.

– Кто была Рыжая, убитая вчера утром, Кобби?

На этот раз его глаза широко раскрылись; он облизал губы. Кобби был испуган. Он прямо съежился, пытаясь стать как можно более незаметным. Как будто ему не поздоровится, если его увидят со мной. Это делало его похожим на Коротышку – тот тоже боялся.

– В газетах пишут, что ее сбило машиной. Ты называешь это убийством?

– Я не говорю, что ее сбило. Я говорю, что она была убита.

– А я-то тут при чем?

– Кобби... ты хочешь, чтобы я в самом деле обиделся на тебя? – Я выждал секунду. – Ну!

Он не спешил с ответом. Подняв глаза и встретив мой взгляд, Кобби отвернулся и залпом осушил бокал. Потом произнес:

– Ты грязный сукин сын, Хаммер. Если б не моя трезвая голова, я давно бы тебя выпотрошил. Понятия не имею, кем была эта проклятая рыжая проститутка. Мне иногда приходилось с ней работать, но то ее не было дома, то на нее жаловались, и я ее бросил. Очевидно, мне здорово повезло, потому что как раз после этого прошел слух, что иметь с ней дело опасно.

– Кто пустил слух?

– Откуда мне знать? Об этом говорили все.

– Продолжай.

Кобби постучал по стойке, требуя еще порцию хайбола, и понизил голос.

– Слушай, отстань от меня! Может быть, какой-нибудь молодчик, не скупящийся на нож и пулю, решил подержать ее подольше и отбить разовых клиентов. Может, еще что-нибудь... Знаю только, что с ней было лучше дела не иметь, а в этом бизнесе для меня достаточно одного слова. Почему бы тебе не спросить кого-нибудь другого?

– Кого? Кого еще здесь спросить? Ты очень правильно понял, что меня интересует. Мне нравится, как ты заговорил. Нравится настолько, что, пожалуй, пусть все узнают, что мы с тобой закадычные дружки. Зачем мне спрашивать кого-то еще, если есть ты...

Его лицо стало неестественно белым. Он потянулся за бокалом и чуть не пролил спиртное.

– Как-то она сказала, что работает в доме...

Кобби проглотил хайбол и, вытерев рот, пробормотал адрес.

Я и не подумал благодарить его. С моей стороны было одолжением молча заплатить за выпивку и уйти.

В Нью-Йорке тоже есть трущобы, и я забрался в самую клоаку. Улица с односторонним движением, упирающаяся в реку, гнезда крыс, двуногих и обычных, салуны на каждом углу...

Я смотрел на номера и вскоре нашел нужный, но это был только номер, потому что дома, собственно, не осталось. Как рот прокаженного, черным провалом зиял дверной проем, обгоревшие окна были мертвы.

Приехали! Я выругался и выключил мотор.

Ко мне подошел мальчик лет десяти и по собственной инициативе объяснил:

– Недели две назад кто-то выкинул из окна спичку на кучу мусора. Большинство девиц погибло.

Эти современные детишки слишком много знают для своих лет...

Я зашел в ближайший бар, так сжав кулаки, что ногти вонзились в ладони. Ну вот, думал я, ну вот! Неужели ни за что не ухватиться?

Бармен ничего не спрашивал. Просто сунул стакан и бутылку мне под нос и отсчитал сдачу с моего доллара.

– Еще?

Я покачал головой.

– На этот раз пива. Где у вас телефон?

– Вон в углу.

Я подошел к аппарату, опустил никелевую монетку и позвонил Пату домой. Мне повезло, потому что он ответил.

– Это я, приятель. Сделай одолжение – в одном из публичных домов был пожар, и меня интересует, про-

ведено ли расследование и каковы его результаты. Можно узнать?

– Наверное, Майк. Адрес?

Я продиктовал адрес, и Пат его повторил.

– Когда выясню, я тебе позвоню. Дай мне твой номер там.

Я повесил трубку, сходил за своим пивом и вернулся к телефону, потягивая эту бурду и ожидая звонка. Он раздался через минуту.

– Майк?

– Да.

– Пожар произошел двадцать дней назад. Было проведено тщательное расследование. Огонь возник случайно, а парень, кинувший спичку в окно, все еще в больнице, выздоравливает. Он единственный, кто остался в живых. Пламя заблокировало парадную дверь, а черный ход был завален мусором, и выбраться было невозможно. Три девушки погибли на крыше, две в комнатах и две разбились насмерть, выпрыгнув из окна.

Прежде чем я успел промолвить слова благодарности, Пат продолжил:

– Выкладывай, что знаешь, Майк. Ты же не из любопытства приехал туда... Услуга за услугу.

– Ладно, проницательный, – рассмеялся я. – Попрежнему пытаюсь разузнать, кто была Рыжая. Мне сообщили, что раньше она тут работала, и вот я здесь.

На этот раз рассмеялся Пат.

– И это все? Спросил бы меня!

Я застыл у телефона.

– Ее имя Сэнфорд. Нэнси Сэнфорд.

– Кто сказал? – выдавил я.

– У нас много людей, Майк. Это узнали двое патрульных.

– Может, тебе известен и убийца?

– Конечно. Тот самый парень. Лаборатория наконец нашла следы краски на ее одежде и кусочки материи на машине. Все очень просто.

– Да?

– Кроме того, у нас есть свидетель. Дворник подметал тротуар и видел, как она тащилась, мертвецки пьяная. Она свалилась, поднялась, шатаясь, прошла еще немного... Потом ее обнаружили неподалеку на обочине, куда ее отбросило машиной.

– Вы нашли родных... кого-нибудь, кто ее знал?

– Нет. Она хорошо потрудилась, уничтожая все следы своего прошлого.

– Итак, теперь обычная процедура. Сосновый ящик... И все.

– А что еще, Майк? За исключением суда над парнем, дело кончено.

– Помоги мне, Пат! – зарычал я. – Если ты опустишь ее в гроб прежде чем я буду готов, я вышибу из тебя дух, будь ты трижды полицейским!

Пат сказал спокойно:

– Мы не спешим, Майк. Время у тебя есть.

Я мягко положил трубку и встал, снова и снова повторяя ее имя. Должно быть, я произнес его слишком громко, потому что на меня вопросительно взглянула стройная брюнетка за угловым столиком. Настоящая красавица, вовсе не подходящая для этой части города. На ней было черное сатиновое платье с вырезом, спускающимся до пряжки пояса.

Ярко накрашенные губы разошлись в улыбке, и она произнесла:

– Нэнси, всегда Нэнси. Все ищут Нэнси. Почему бы им не обратить внимание на малютку Лолу?

– Кто искал Нэнси?

– О, ну просто все.

Она попыталась подпереть подбородок рукой, но локоть соскользнул со стола.

– Думаю, они ее нашли, потому что больше ее здесь не видно. Нэнси мертва. Ты знаешь, что Нэнси мертва? Я ее любила, но она мертва. Может, и Лола сгодится, мистер? Лола милая и живая. Тебе очень понравится Лола, когда ты узнаешь ее ближе.

Черт! Она мне уже нравилась!

Глава 4

Когда я подсел к брюнетке, бармен и трое пьянчужек у стойки обернулись. Пьянчужки не в счет, они сидели слишком далеко. Я воспользовался сочетанием зловещей улыбки и твердого взгляда, и бармен занялся своим делом. Однако он оставался у конца стойки, где мог услышать слишком громко сказанную фразу. Лола закинула ногу на ногу и наклонилась вперед. Широкополая шляпка качнулась у моих глаз.

– Ты приятный парень. Как тебя звать?

– Майк.

– Просто Майк?

– Этого достаточно. Хочешь покататься и немного протрезветь?

– Уммм... У тебя есть блестящий красивый автомобиль для Лолы? Я люблю мужчин с дорогими машинами.

– У меня только одна дорогая вещь. И это не автомобиль.

– Ты говоришь пошлости, Майк...

– Ну так как?

– Идет.

Она поднялась, и я провел ее к выходу, поддерживая за руку и не спуская с нее глаз. Высокая, стройная и красивая. Но рот ее привык произносить вполне определенные слова. Она предназначалась для дешевой распродажи.

Моя старушка разочаровала ее ожидания, но выбирать не приходилось. Лола откинулась на спинку, подставив лицо ветерку; ее глаза закрылись.

У меня не было цели... Я просто ехал, бездумно следуя за грузовиком, водитель которого явно никуда не торопился, потому что не нарушал правил и аккуратно тормозил на красный свет. Огни города скрылись позади, свежий воздух, идущий с океана, оставлял на губах солоноватый привкус. Грузовик повернул налево. Я же поехал по извилистой макадамовой дороге туда, откуда дул бриз.

Мы стояли уже час. Лола спала. Тихо работало радио, разливалась музыка, и все было бы прекрасно, если бы меня сюда привело не убийство.

Сонно разлепив веки, Лола пробормотала:

– Привет.

– Салют, детка.

– Где Лола на этот раз?

– На побережье.

– А с кем?

– С парнем по имени Майк... Мы познакомились в городе, в баре. Помнишь?

– Нет, но я рада, что ты здесь со мной.

Она смотрела на меня без сожаления, без замешательства, просто с любопытством.

– Который час?

– Полночь, – ответил я – Прогуляемся?

– Давай. Можно мне снять туфли и идти по песку босиком?

– Можешь снять все, если хочешь.

Лола взяла меня под руку. Она прижала мою руку к себе так крепко, будто за меня стоило держаться, и я вспомнил слова Рыжей о том, что парням вроде меня никогда не приходится платить...

Она сняла туфли и шла босиком, сбивая ногами песчаные холмики. Дойдя до кромки воды, я тоже скинул ботинки. Мы брели так по берегу, пока не осталось ничего, кроме песка, и даже дома виднелись далеко-далеко позади.

– Мне здесь нравится, Майк, – сказала Лола. Я обнял ее за талию, и мы сели на песок между высокими дюнами. Я протянул ей сигарету и в свете пламени заметил, что лицо Лолы изменилось.

– Холодно?

– Немного прохладно.

Я не предлагал – просто набросил на нее свой плащ и откинулся назад на локти, а она обхватила руками колени и глядела в океан. В последний раз глубоко затянувшись сигаретой, она повернулась и произнесла:

– Зачем ты меня сюда привез, Майк?

– Поговорить.

Лола легла на песок.

– Кажется, понимаю. О Нэнси?

Я кивнул.

– Кто убил ее?

Лола долго молча изучала мое лицо.

– Ты полицейский, да?

– Частный детектив. Но меня никто не нанимал.

– Думаешь, ее убили?

– Лола, я не знаю, что думать. Но мне не нравится, как она умерла.

– Майк... Я тоже считаю, что ее убили.

Я чуть не подскочил.

– Почему?

– Причин много. Если это несчастный случай, значит он произошел как раз перед тем, как должно было произойти убийство.

Я повернулся, и моя ладонь опустилась на ее руку. Матово-лунная белизна треугольного выреза мешала сосредоточиться. Я мог думать лишь о том, какой лифчик находится под таким платьем. Инженерное чудо, не иначе.

– Откуда ты ее знала, Лола?

Ответ был достаточно прост.

– Мы работали вместе в том доме.

– Я думал, все девушки погибли в огне.

– Меня тогда там не было. Я... лежала в больнице. До сегодняшнего дня. – Она уставилась в песок и вывела на нем две буквы: "В.З." – Вот почему я попала в больницу. Вот почему я работала в доме терпимости, а не развлекалась в компании ребят с тугими кошельками. Все это было у меня когда-то, и все это я потеряла. Я ведь не очень хорошая, а, Майк?

– Нет, – ответил я. – Нет. Так зарабатывать себе на жизнь нельзя. Ты не должна была идти на это, и Нэнси тоже. Для таких вещей нет оправдания.

– Иногда есть. – Она провела пальцами по моим волосам и накрыла своей рукой мою ладонь. – Может, потому мы с Нэнси и подружились, что у нас были

какие-то оправдания. Я любила, Майк, страстно любила человека, который оказался подлецом. Я могла выбрать любого, кого захочу, но вот влюбилась в него. Мы собирались пожениться, когда он... Потом я имела все, но не любила. Жизнь стала слишком легкой. Вскоре меня свели с верными людьми. После этого встречи назначались просто по телефону. Вот почему нас называли "девушки по вызову". Сосунки платили щедро, получали, что хотели, и были в безопасности. Но однажды я напилась и стала болтать. Меня вычеркнули из списков; оставалось лишь идти на панель. Однако есть люди, ищущие именно таких – оказавшихся за бортом. Так я стала работать в том доме и познакомилась с Нэнси. У нее тоже были причины – не такие, как у меня, но были, и это ставило нас выше других. Потом я заболела и попала в больницу. Нэнси убили, а дом сгорел. Нет Нэнси, нет моего единственного друга. Я пошла к Барни и напилась.

– И профессионально пыталась подцепить меня.

– Привычка. Привычка плюс опьянение. Ты меня простишь, Майк?

Когда я смотрел на этот вырез, то был готов простить все. Но сперва надо было кое-что выяснить.

– Нэнси... Как она оказалась там?

– Нэнси тоже из "девушек по вызову", только раньше скатилась.

– Попала в больницу?

Лола нахмурилась.

– Нет, она была очень осторожна. Сперва буквально купалась в деньгах, потом внезапно исчезла из виду и выпала из системы... Нэнси всегда опасалась незнакомых людей, будто искала, где спрятаться.

– Спрятаться от чего?

– Не знаю. О таком не спрашивают.

– У нее было что-нибудь ценное?

– Разве что камера. Одно время она снимала парочки на улицах и продавала им фотографии.

Я закурил и дал затянуться ей.

– Как твоя фамилия, Лола?

– Это имеет значение?

– Возможно.

– Берген, Лола Берген. Я родом из Байвиля, маленького городка на Миссисипи. Мои родители думают, что я известная нью-йоркская манекенщица, и маленькая сестричка мечтает стать, когда подрастет, такой же. Если она это сделает, я вышибу ей мозги... Майк, ты любил Нэнси?

– Нет. Она была моим другом. Я видел ее всего один раз и говорил с ней несколько минут. Потом какая-то сволочь убила ее.

– Прости. Как бы я хотела, чтобы ты полюбил меня... Ты бы смог?

Ее голова приютилась на моем плече, и Лола стала водить моей рукой по своей груди до тех пор, пока я не понял, что там не было никакого инженерного чуда, а было лишь чудо природы. Примечательная пряжка на ремне оказалась ключом ко всему ансамблю, и вскоре все потеряло значение. Остались только шелест волн, только наше дыхание, только тепло кожи...

Рыжая была права.

В час-пятнадцать меня разбудил назойливый звонок телефона. Откинув покрывало, я поплелся к столу, сгоняя сон с глаз, и буркнул в трубку "алле".

Это была Вельда.

– Где ты околачивался, черт побери?! Я звоню тебе все утро.

– Нигде не околачивался. Спал дома.

– А что ты делал ночью?

– Работал. Чего тебе надо?

– Утром звонил джентельмен, очень милый. Его имя Артур Берин-Гротин. Я назначила вам встречу на полтретьего в конторе. Надеюсь, ты придешь?

– Хорошо, детка, буду.

Минут десять я плескался в душе, потом перекусил и стал одеваться. Костюм был весь помят, из складок

сыпался песок; картину дополняли следы губной помады на плечах и воротнике. Пришлось его отправить за шкаф. Оставались твидовые брюки; сверху я набросил куртку и надел под нее плечевую кобуру с револьвером. Потом взглянул на себя в зеркало и хмыкнул – прямо-таки тип из детективного фильма.

Мистер Берин-Гротин прибыл ровно в два тридцать. Когда он отворил дверь, я встал и пошел ему навстречу.

– Рад снова видеть вас, мистер Берин. Проходите, садитесь.

– Молодой человек, – начал он, опустившись в кожаное кресло у стола. – С тех пор, как вы меня посетили, я все чаще и чаще возвращался к мысли о бедственном положении той девушки. Той, что была найдена мертвой.

– Рыжая. Ее имя Нэнси Сэнфорд.

Его брови поднялись.

– Вы так быстро выяснили?..

– Нет, это поработала полиция. Я же раскопал только кучу мусора, не имеющую никакого значения.

– А нашли ее родителей? Кого-нибудь, кто позаботится о теле?

– Полиция тоже не всесильна. В горде тысячи подобных девушек. Десять против одного, что она из другого штата и дома давно забыта. Я единственный, кто стремится вернуть ей прошлое. Возможно, мне придется пожалеть об этом.

– Именно потому я и пришел к вам, мистер Хаммер.

– Майк... ненавижу формальности.

– Хорошо, Майк. В общем, когда вы уехали, я думал и думал – о той девушке. Я навел осторожные справки через друзей в газетах, и мне сообщили, что она была просто... э... гулящая. Позор, что такие явления сохраняются в наши дни! Мне кажется, мы все в некоторой мере виновны в этом. Ваша глубокая убежденность передалась мне, и я решил хоть немного помочь. Я ведь постоянно занимаюсь благотворитель-

ностью, но это что-то абстрактное, а тут представляется возможность...

– Я же сказал – о похоронах позабочусь сам.

– Вы неправильно меня поняли. Любое расследование нужно финансировать. Я буду очень признателен, если вы позволите дать вам средства устновить родственников девушки.

Этого я не ожидал.

– Ваше предложение многое упрощает.

Мистер Берин достал из кармана пиджака бумажник.

– Какие у вас ставки, Майк?

– Пятьдесят в день. Без дополнительной оплаты расходов.

Он положил на стол пачку хрустящих новеньких банкнот. Наверху красовалась чудесная пятидесятка.

– Здесь тысяча долларов. Пожалуйста, оставьте эти деньги себе. Если все выяснится быстро, отлично. Если не установите ее прошлое в течение двадцати дней, наверное, это безнадежное занятие и не стоит вашего времени. Устраивает?

– Я краду ваши деньги, мистер Берин.

Его лицо осветилось теплой улыбкой, и озабоченность исчезла из глаз.

– Я придерживаюсь иного мнения, мистер Хаммер. Я навел справки и о вас и знаю, на что вы способны. Поступайте, как считаете необходимым. Если через некоторое время появится нужда в деньгах, вы ведь сообщите мне?

– Обязательно.

– Вот я готовлю себе уход из этой жизни, воздвигая памятник, разбрасывая тысячи, а эта девушка умирает так, будто никогда и не жила... Понимаете, я знаю, что такое одиночество; у моих умерших близких нет даже могильной плиты... Моя жена была страстной спортсменкой. Она любила море, любила слишком сильно. Во время одного из плаваний на яхте, на которой вообще нельзя было выходить из спокойных вод, ее смыло за борт. Мой единственный сын погиб на вой-

не. Его дочь была самым дорогим мне существом. Как и моя жена, она тоже обожала море. И оно забрало ее к себе в шторм на Багамах. Теперь, может быть, вам понятно, почему я построил себе такой мемориал... Потому что над прахом моих родных нет даже камня, за исключением, возможно, креста над могилой сына где-то во Франции. И я не хочу, чтобы были люди, разделяющие мою ношу, люди, у которых не осталось никого, совсем никого. Я рад, что есть вы, Майк, и подобные вам. Моя вера в доброту человека была крайне слаба. Думалось мне, что людей волнуют только деньги. Теперь я вижу, что ошибался.

Я кивнул, выпустив в потолок струю дыма.

– Деньги значат немало, мистер Берин, но иногда на душе становится так тяжело, что деньги просто забываются...

Мой клиент встал и отвесил мне старомодный поклон.

– Если натолкнетесь на что-нибудь интересное, звоните. А вообще меня больше интересуют результаты, а не сам процесс.

– Ясно. Да, между прочим, Финней Ласт все еще с вами?

Его глаза сверкнули, лицо скривилось в усмешке.

– К счастью, нет. Он просто-напросто испугался – сбежал. До свиданья, Майк.

Я проводил его до двери, и мы пожали друг другу руки. Мистер Берин поклонился Вельде и вышел. Она подождала, пока закрылась дверь, и заметила;

– Очень милый старичок. Он мне нравится.

– Мне тоже, крошка. В наше время таких больше не делают.

– И он принес деньги. Мы снова в деле?

– Ага.

Я взглянул на селектор. Тумблер был наверху, и Вельда слышала весь наш разговор. Я рассержено нахмурился, как подобает настоящему начальнику, но ее это ни капли не смутило. Тогда я сел на стол и потянулся за телефоном. Трубку взял Пат.

– Предлагаю выпить кофе. Надо поговорить.

– О чем?

– О том, что должна знать полиция, и не должна знать широкая публика. Или лучше мне все выяснять самому?

– Предпочитаю, чтобы ты был моим должником. Встретимся у Муни. Идет?

– Отлично, – сказал я и повесил трубку.

Пат уже сидел за столиком и потягивал кофе. Я выдвинул стул и сел рядом. У меня не было лишнего времени; как только официант принес мне кофе и пирожные, я перешел к делу.

– Как у нас с системой "девушки по вызову"?

Чашка остановилась на полпути к его рту.

– Черт побери, вот так вопросик...

– Пат, есть вещи, которые присходят независимо от нетерпимости граждан и силы полиции.

– Так, уже лучше... – усмехнулся он. – Мне, собственно, нечего тебе сказать. Мы редко получаем жалобы, потому что вряд ли неудовлетворенный клиент побежит жаловаться. Полиции известно о существующем положении, и она делает, что может. Но не забывай о политике: на нас давят. Кроме того, очень трудно что-либо доказать. Верхушка непосредственно не содержит домов, для этого есть посредники. А неугодных устраняют. В течение года у нас загеристрировано несколь ко смертей, связанных с этим.

– И как вы их квалифицировали?

– Как самоубийства, в основном. Кроме случая Росса Боуэна. Ты слышал... Его нашли продырявленным как решето. Да, Росс был убит, но остальные случаи признаны самоубийствами.

– А ты как считаешь?

– Убийства, Майк, не о чем говорить. Дела еще от крыты, и когда-нибудь мы прищучим их... Не только наемников, выполняющих грязную работу, но и тех, кто заправляет организацией. Тех, кто заманивает в

свои сети невинных и бросает их в грязь и мерзость, а сам ведет красивую порядочную жизнь и считает деньги. Тех, кто может убить и безнаказанно смеяться, слушая, как газеты называют это самоубийством!

Лицо Пата пылало ненавистью. Я перехватил его взгляд.

– Самоубийством... или несчастным случаем?

– Да, и несчастным случаем. Они издеваются...

Гнев исчез, и лицо снова стало дружеским, но что-то новое появилось в его глазах.

– Ты негодяй, Майк. Здорово меня поймал.

– Разве?

Я пытался выглядеть невинным, но это не сработало.

– Что тебе надо?

Я с удовольствием доел пирожное и закурил.

– Ничего мне не надо. Просто ты сам дошел до верной мысли. Я с самого начала утверждал, что Рыжую убили.

Пат сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

– Черт бы тебя побрал, Майк, она погибла случайно, я уверен. Могут ошибаться люди, но не криминалистическая лаборатория!

Забавно было наблюдать, как он бьется головой об стену. Его глаза метали молнии.

– В начале я еще сомневался, допускал, что в чем-то, возможно, ты и прав. Но теперь, я точно знаю, что произошло. Заметь, я говорю не "думаю"... я говорю "знаю"!

– Но... – попытался вставить я.

– Но ты... ты ставишь все вверх ногами, и мне кажется, что я ошибаюсь, даже когда я убежден в своей правоте! Господи, чтоб ты сдох!

Давно я не видел Пата в таком состоянии. Через минуту он закурил из протянутой мной пачки "Лакиз", и я тихо произнес:

– Никто не спорит, твоя контора делает большое дело: вы тянете за кончик нити, распутываете клубок, и негодяй платит обществу за преступление. Все это

так, Пат. Но вы забываете о случайности. Ты так восхищен своим неоспоримым доказательством, что за ним ничего не видишь. Почему убийство не может быть похоже на несчастный случай?

– Ее сбила автомашина, Майк. Водитель признался, лаборатория обнаружила следы. У нас есть свидетели, наблюдавшие, как она, мертвецки пьяная, тащилась по улице незадолго до происшествия. Сбивший ее парень – обыватель, без всяких связей с преступным миром. Мы проверили.

Я кивнул.

– И все равно тебя разбирают сомнения. Так?

Он пробормотал что-то неразборчивое.

– Ты заставляешь меня отвергать все, чему меня учили. И знаешь, почему я сомневаюсь?

– Да, но скажи мне еще раз, Пат.

Он перегнулся через стол и прошипел:

– Потому что здесь... – он постучал по голове, – у тебя кое-что есть. У тебя есть мозги, нюх, хватка и то, чего не достает мне – интуиция.

– Ладно, брось самобичевание. Лучше скажи, кто стоит за всей этой организацией?

– Хотел бы я знать. Мне известны имена только нескольких ребят, которые подозреваются в участии в деле.

– Сойдет.

– Ну нет. Сперва послушаем, что скажешь ты. Давай, Майк, колись.

Это могло занять много времени, и я заказал еще кофе для нас обоих, а потом рассказал Пату все с начала и до конца – кроме некоторых совсем уж интимных деталей.

Когда я закончил, он откинулся па спинку стула и закурил.

– Прелестная коллекция событий, Майк. Теперь думай. Начинай с Рыжей.

– Я задаю себе вопрос: почему ее убили? Выходит, для кого-то она представляла опасность. Однако чем могла угрожать девушка в ее положении? Компромети-

рующими документами? Не верится, что она могла пойти на это... Пат, я потерял голову, и кто-то ответит мне за ее смерть.

– Найди мотив и найдешь убийцу, – сказал Пат. – А как Финней Ласт?

– Как раз он-то способен на шантаж. По его словам, Рыжая украла какие-то материалы, и, так как она все же была той, кем была, от этого нельзя отмахнуться. Но все может быть и наоборот.

– Он мог убить ее?

– Конечно, но без всяких затей. Финней не артист. Он любит ножи и револьверы. Нет, это не его рук дело, иначе Рыжая умерла бы быстро и просто.

Пат затянулся.

– Твой клиент, Майк?

– Берин-Гротин? Исключено! Черт, да он и мизинцем не оказался бы замешанным в этой истории, если бы не газеты. Это человек другого поколения, Пат. Деньги, положение, манеры... все, что можно ожидать у джентельмена старой школы. Он чрезвычайно гордится своим именем... не дай бог, от облачка падет тень. Берин-Гротин не глуп. Нуждаясь в защите, он нанял себе Финнея, но поспешил избавиться от него, как только тот вляпался в дерьмо.

– Ты говоришь, Кобби Бенет и тот, в баре, были чем-то напуганы. Подумай об этом.

– И здесь тупик, Пат. Коротышка – мелкий жулик. Кобби – в таком деле, где всего надо опасаться. Обоих напугать очень легко. Вот почему я не придаю особого значения их страху.

Пат хмыкнул. Я чувствовал, как он размышляет, отыскивая ответ, тасует события, сопоставляет факты и возможности.

– Ребята, которых я знаю, мелкие сошки. У меня есть кое-какие предложения, но с тобой ими пока не поделюсь, потому что ты осатанеешь и впутаешь меня в какую-нибудь историю. – Он уставился в пепельницу. – Послушай, Майк, чего ты хочешь?

– У тебя есть люди. Пусть они поработают, узнают подробности. Действуй, как будто это убийство, и что-нибудь прояснится. Подробности, вот что нам нужно.

– Ладно, Майк. Но сотрудничество должно быть взаимным. И раз я пускаю людей, чего ждать с твоей стороны?

– Черт побери! – воскликнул я. – Сегодня вечером у меня встреча с Лолой. Может быть, у нее найдется подружка.

Глава 5

Приятно было возвращаться к Лоле. Она открыла дверь прежде, чем я дотронулся до звонка, и стояла, с радостной улыбкой глядя на меня, будто я действительно что-то из себя представлял. Она была снова в черном, но без декольте.

Ее голос звучал мягко, как мурлыканье кошки.

– Привет, Майк. Ты не войдешь?

– Только попробуй не впустить!

Я прошел через коридор в маленькую комнату, украшенную безделушками, которые так любят собирать одинокие женщины. Занавеси были накрахмалены, а от свежей краски еще пахло скипидаром. Усевшись в кресло, я поинтересовался:

– Недавно переехала?

Она кивнула и, устроившись напротив, стала смешивать два хайбола из миниатюрного бара.

– Совсем недавно, Майк. Я не могла оставаться в старой квартире. Слишком много неприятных воспоминаний. У меня для тебя сюрприз.

– Да? Какой?

– Я снова манекенщица. В универсальном магазине, за скромную плату, но работа мне нравится.

В самом ее облике, как и в квартире, чувствовалось что-то новое. Забылось то, кем она была, и осталось только будущее.

– Твои бывшие... связи, Лола. Как с ними?

– Никаких привидений, Майк. Все в прошлом. Люди, которых я знала, никогда не станут искать меня здесь, и один шанс из миллиона, что где-нибудь встретиться со мной случайно. Ну, а если и встретятся...

Я закурил "Лакиз", бросил пачку на кофейный столик и смотрел, как она ногтем выбирает сигарету. После первой затяжки Лола подняла глаза и заметила, что я за ней наблюдаю.

– Майк, – произнесла она, – прошлой ночью тебе было хорошо?

– Прекрасно.

– Но ведь сегодня ты пришел... не только за этим?

Я медленно покачал головой.

– Спасибо, приятель, – подмигнула она мне. – А теперь выкладывай, зачем явился.

Я подцепил носком оттоманку и подтянул ее к себе под ноги. Устроившись удобнее, с удовлетворением затянулся и выдохнул струю дыма.

– Нэнси убили. Почему? Если я отвечу на этот вопрос, то найду и убийцу. Она была в древнейшем рэкете в мире. Это денежный рэкет; это политический рэкет. У девушек в нем вырабатывается интересное отношение к жизни – никто не может задеть их, зато они запросто могут кое-кому навредить... если захотят. Я говорю о шантаже. Нэнси не могла им заниматься?

Руки Лолы так дрожали, что она должна была поставить бокал. В ее глазах заблестели слезы.

– Это грубо, Майк.

– Я не о тебе, детка.

– Знаю. Просто мне больно. Нет, не думаю, что Нэнси способна на такое. Она могла быть... мм... нехорошей, но бесчестной ее никто не мог бы назвать. Готова поклясться. В других обстоятельствах Нэнси была бы достойной женщиной. Что-то подтолкнуло ее на тот путь, по которому она пошла. Не знаю, что. Это способ быстро разбогатеть, если у тебя нет моральных устоев.

– Предположим, что причина – деньги. Зачем они ей?

– Не представляю. Мы не делились секретами, просто что-то нас объединяло.

Этот круг начал мне надоедать.

– Ладно, давай вернемся к системе "девушек по вызову". Кто ей заправляет?

Впервые лицо Лолы побелело. Она смотрела на меня со страхом в глазах, плотно сжав губы.

– Нет, Майк! – Ее голос был едва слышен. – Держись от этого подальше, прошу тебя.

– Чего ты боишься, милая?

Только мой тон несколько ее успокоил.

– Не заставляй меня рассказывать о том, что я не хочу вспоминать!

– Но ты ведь не этого боишься, Лола. Ты боишься людей... каких? Почему ты страшишься даже думать о них?

Я наклонился вперед, напряженный, возбужденный, пытаясь извлечь что-нибудь полезное из каждого произнесенного ею слова. Лола сперва колебалась, недоверчиво оглядываясь, будто нас кто-нибудь мог слышать.

– Майк... они злобны и отвратительны. И действуют без угрызений совести. Сломать чужую жизнь им так же легко, как тебе потратить доллар. Если станет известно, что я проговорилась, меня убьют. Да, убьют. Для них это не впервой!

Можно было подумать, что со мной разговаривает Пат. Испуг ушел с ее лица, в глазах засверкал гнев, но в голосе еще слышалась дрожь.

– Деньги – вот все, что им надо, и они их получают. Тысячи... миллионы... кто знает. Это не просто дома... это больше. Маленькая сплоченная группа так все организовала, что никто не смеет шелохнуться, а с человеком, пытающимся вести свою игру, что-нибудь происходит. Майк, я не хочу, чтобы со мной что-нибудь произошло!

Я поднялся, присел к ней на подлокотник кресла и ласково погладил ее по волосам.

– Не бойся, детка, ничего с тобой не случится. Продолжай...

Лола закрыла лицо руками и бессознательно стала всхлипывать; я ждал. Через пять минут она выплакалась, но все еще дрожала и затравленным взглядом смотрела на свои ладони, расцарапанные ногтями до крови. Я зажег сигарету и протянул ей. Лола с благодарностью затянулась и облегченно выпустила дым.

Затем перевела глаза на меня и произнесла:

– Если они узнают, что я что-нибудь тебе сказала, что я сболтнула лишнее, меня убьют, Майк. Они не могут допустить, чтобы у нас развязывались языки. Они не могут допустить, чтобы публика хоть что-то заподозрила. Я боюсь! И ты здесь бессилен... Система будет существовать вечно, пока есть люди. Я не хочу умирать!

Я терял над собой контроль и поэтому слова подбирал очень осторожно.

– Детка, – сказал я ей, – ты меня не знаешь. Ты не знаешь – зато многие знают. Они могут до смерти перепугать достопочтенных обывателей, но поджимают хвосты, видя поблизости меня. Им отлично известно: я не стану с ними церемонится. У меня есть оружие, и мне приходилось пускать его в ход, причем довольно часто. На это у меня имеется разрешение, которого нет у них. И если кто-нибудь будет убит, я дам объяснение в суде. Возможно, мне придется несладко, и я вылечу из дела, но если они нажмут на курок, то сядут на горячее сиденье. Мне нравится стрелять в этих мерзавцев, я делаю это при каждой возможности, и они знают об этом. И не волнуйся, ничего с тобой не случится. Если они и догадаются, откуда исходит информация, то поймут, что я собираюсь играть грубо, что при первом же их шаге они получат пулю в лоб или в грудь. Я не спортсмен и не забочусь, куда стреляю. Я играю в их игру, действуя их же способами, только еще более жестко.

Лола повернулась и поцеловала мою руку, лежащую у нее на плече. Затравленное выражение исчезло из ее глаз. Она была готова к разговору.

– Неизвестно, кто руководит всей организацией. Может быть, один человек, а может, целая группа. Ты не представляешь, какие лица в это вовлечены. Я знаю некоторых девушек с потрясающим положением, а раньше они были ничем не лучше меня. Просто вовремя выбрались – сделали верные знакомства между "заданиями" и вышли замуж.

Видишь ли, система "вызовов" высоко специализирована. Отбираются девушки только высшего качества – красивые, хорошо образованные. Их клиенты – богатейшие люди. Обычно "задание" означает уикэнд на какой-нибудь вилле или круиз на роскошной яхте. Бывают, конечно, и менее заманчивые вызовы, но всегда очень прибыльные: например, кто-нибудь желает развлечь партнера по бизнесу.

За девушкой долго наблюдают, прежде чем пригласить в систему. Все начинается с того, что ее видят в городе со слишком многими мужчинами. В процессе своих передвижений она сталкивается с девушками, уже участвующими в деле; те, кажется, получают все, что угодно, без всяких заметных усилий. Знакомства продолжаются и ширятся, девушке делаются намеки, и вскоре она начинает думать: зачем бесплатно, когда можно и за деньги?

Ее представляют нужным людям, снимают для нее хорошую квартиру и записывают в книгу как определенный тип женщин – вносят в списки. Когда клиент интересуется таким типом, ее вызывают. Из денег, выплаченных за услуги, должная часть поступает на ее банковский счет.

О, все это очень приятно и просто, чудесная сделка. За время службы девушка часто получает даже солидные премии. Ее ничего не связывает. Если посчастливится найти мужа, она совершенна свободна и может выйти из игры. Девушка не будет болтать, потому что не в ее интересах, чтобы всплыли ее прежние связи и знакомства, а организация не будет удерживать ее насильно, потому что нет ничего опаснее истеричек.

Но случается, что одна из девушек становится опасной. В ней может пробудиться совесть, или она напьется и развяжет язык, или в ней проснется чрезмерная жадность и стремление сорвать еще больший куш. Она может попытаться угрожать разоблачением. Тогда организация вынуждена позаботиться о себе. Девушка исчезает... или просто происходит несчастный случай. Это урок для нас, урок, как себя вести.

Когда я потеряла осторожность и заразилась, меня лишили места в системе. Меня вышвырнули. Я внезапно оказалась без дохода, с дорогой квартирой на руках. И с тех пор стала опускаться. Мне было стыдно идти к врачу и, не зная, что делать, я начала пить. Меня подхватили другие люди, "классом ниже", которых не беспокоила моя болезнь. Мне предоставили комнату в доме, и я опять оказалась в деле. В конечном итоге – больница. Когда я вышла оттуда, дом сгорел, Нэнси убили, и появился ты.

Она откинулась в кресле и в изнеможении закрыла глаза.

– Теперь имена, Лола, – сказал я.

Почти не открывая глаз, она проговорила шепотом:

– Мюррей Кандид. Он владеет несколькими ночными клубами, но всегда находится в "Зеро-Зеро". Это посредник. Кандид составляет все встречи, но не он главный. Город разбит на секции, и он руководит секцией моего района. Это очень опасный человек.

– Я тоже не безобиден.

– Что ты теперь собираешься делать?

– Не знаю, крошка. Я не могу обвинить его без доказательств, даже если уверен в своей правоте. Закон на стороне подозреваемого. Мне нужны факты... Как его уличить?

– Есть книги, Майк... если их найти. Они бы предпочитали обходиться без книг, но не могут, потому что не доверяют друг другу.

Я встал, налил себе и выпил.

– Ну, Лола, спасибо. Теперь я представляю, с чего начать. И можешь не тревожиться – ты тут не при

чем. Живи спокойно, а я время от времени буду тебя навещать.

Лола медленно встала с кресла и обвила руку вокруг моей талии. Она положила голову мне на плечо и задышала в шею.

– Будь осторожен, Майк. Пожалуйста, будь осторожен.

Я поднял ее подбородок и улыбнулся.

– Я всегда осторожен, сладость моя. Не волнуйся.

– Ничего не могу с собой сделать. Майк, я без ума от тебя. – Прежде чем я заговорил, она опустила палец на мои губы. – Молчи! Я не набиваюсь – только позволь мне любить тебя. Без обязательств, мистер Хаммер, просто знай: рядом кто-то, кому ты очень нужен, к кому можешь придти в любой момент. Ты чудесный парень, Майк. Если бы у меня хватило ума вести нормальную жизнь, никуда бы ты от меня не ушел.

На этот раз я не дал ей говорить. Горячее тело трепетало в моих руках. Я прижимал Лолу к себе, чувствуя, как дрожь возбуждения пробегает по ее спине. Сочные губы раскрылись полыхающим пламенем, и кем бы она ни была, все забылось.

Мне пришлось оттолкнуть ее. Мы остановились, судорожно дыша, и мой голос мне не повиновался. Наконец я выдавил:

– Сохрани это для меня, Лола. Только для меня.

– Только для тебя, Майк, – повторила она.

Она стояла посреди комнаты, высокая и красивая, со страстно вздымающейся грудью, когда я вышел за дверь.

Клуб "Зеро-Зеро" находился в самом начале Шестой авеню; незаметное, со скромной неоновой вывеской заведение, затерявшееся среди себе подобных. Но посетители его жаловали – в четверть двенадцатого зал, практически скрытый завесой сигаретного дыма, был уже набит битком.

У входа какой-то тип с поклоном и протягиванием руки играл роль портье, и я дал ему двадцатипятицентовик, чтобы он запомнил меня как мелкого спекулянта. В противоположность большинству местечек, здесь обходились без стандартных дешевок и хромированной мишуры. Стены были обиты благородным красным деревом, столики сгруппированы вместе, в нише рядом с площадкой для танцев помещался оркестр.

Судя по лицам, ньюйоркцев было мало, по крайней мере, что касается мужчин. В основном, приезжие, вышедшие вечером на поиски развлечений. Сразу выделялись женатые. Они сидели у стойки и потягивали коктейли, один глаз держа на жене, а другой не сводя с ошивающихся вокруг них заблудших девиц.

Да, атмосфера здесь была... Клуб возвращал во времена салунов Дикого Запада, и денежной публике это нравилось. Рассеянные среди посетителей, в толпе ходили "хозяйки", следящие за тем, чтобы никто не скучал. Я сел за угловой столик, где уже веселилась компания ползунков, заказал подошедшему официанту хайбол и стал ждать.

Через пять минут меня заметила "хозяйка" – крутобедрая блондинка. Она одарила меня широкой улыбкой слишком красных губ и сказала:

– Хочешь позабавиться?

– Не очень.

Я потянулся и выдвинул ей стул. Она огляделась по сторонам и села. Я подал знак официанту, и тот, не спрашивая, принес ей "Манхаттан".

– Это не чай, дружок. Ты платишь за хорошее виски, – заметила блондинка.

– Положено предупреждать?

– Все эти простофили слишком много читали о "хозяйках", пьющих исключительно холодный чай.

Не было смысла убивать время за праздной болтовней. Я прикончил выпивку, заказал еще порцию и спросил:

– Где Мюррей?

Блондинка бросила на меня острый взгляд, посмотрела на часы и покачала головой.

– Он никогда не приходит раньше полуночи. Ты его друг?

– Не совсем. Мне нужно с ним повидаться.

– Обратись к Баки. Он замещает Мюррея, когда того нет.

– Вряд ли он мне поможет... Ты помнишь Нэнси Сэнфорд?

Блондинка опустила бокал и стала водить им по столу, оставляя влажные круги.

– Помню. Она мертва, ты знаешь?

– Да. Я хочу выяснить, где она жила.

– Зачем?

– Послушай, детка, я детектив. У нас есть основания считать, что Нэнси Сэнфорд была не той, за кого себя выдавала. Мы знаем о ней все. Но надо еще кое-что прояснить.

– Почему же ты пришел сюда?

– Нам известно, что она работала здесь.

В глазах блондинки появилась печаль.

– Она работала в доме...

– Он сгорел, – прервал я ее.

– Затем, мне кажется, переехала на квартиру. Я не знаю, куда, но...

– Мы проверили. Там Нэнси обреталась только самое последнее время. А где она жила раньше?

– Понятия не имею. Я потеряла ее след, когда она отсюда ушла. Боюсь, что помочь не могу.

– Между прочим, за информацию назначена премия, – заметил я. – Пятьсот долларов.

При этих словах ее лицо прояснилось.

– Ладно, придержи денежки. Я постараюсь что-нибудь узнать.

Она допила коктейль, махнула мне рукой и удалилась. Ясно, крошка не прочь подработать. Не совсем то, ради чего я сюда пришел, но тоже может что-нибудь дать.

Через полтора часа появился Мюррей Кандид. Я никогда не видел его раньше, но по тому, как засуетились посетители, ставшие подмигивать и выкрикивать приветствия в ожидании ответной улыбки, которая произведет впечатление на подружку, можно было догадаться, что пришел босс.

Мюррей Кандид не походил на содержателя притона. Низенький и толстый, розовощекий, с лучащимся скромностью лицом, он был похож на какого-нибудь любвеобильного дядюшку. По его пятам следовали, как члены семьи, двое типов, к которым единственно подходило слово "мордоворот". Оба были молоды, одеты в безупречно сшитые смокинги. Они сочились улыбками и жали руки знакомым – сильные, смелые, с уверенными взглядами. Работа им явно нравилась. Готов поспорить, что они не пьют и не курят.

Компания приближалась. В тусклом свете я видел, как они прошли в альков, направляясь к месту, которое меня интересовало – к конторе. Я подождал, пока кончился танец, посмотрел номер со стриптизом и в полумраке пробрался к алькову. Там был короткий коридор с двумя дверями. Одна стеклянная, с надписью "Выход"; другая – металлическая, выкрашенная под дерево, без ручки. Контора Мюррея. Я прикоснулся к кнопке, и где-то прозвенел звонок, которого я не услышал, но через несколько секунд дверь отворилась, и мне коротко кивнул один из телохранителей.

– Я бы хотел видеть мистера Кандида. Он здесь?

– Да. Ваше имя?

– Мартин. Говард Мартин из Де-Мойна.

Он протянул руку к стене и снял трубку внутреннего телефона. Пока он звонил, я ощупал дверь. Она была в три дюйма толщиной, с обивкой из звукопоглощающего материала. Приятное местечко.

Парень повесил трубку и отошел.

– Мистер Кандид примет вас.

У него был особенный голос: невыразительный, лишенный малейшей окраски, дающий возможность говорить, не выделяя ни одного слова. Дверь сзади меня

с тихим звуком закрылась, телохранитель открыл другую, и я вошел в кабинет.

Я находился посреди комнаты, когда обернулся на шум и увидел, как закрывается еще одна дверь. В этом месте было слишком много дверей, зато не было и признака окон.

Мюррей Кандид сидел за массивным письменным столом, занимавшим большую часть стены. За его спиной висели фотографии "хозяек" и студийные портреты десятка знаменитостей, все с автографами. Кроме нескольких стульев и дивана, на котором развалился еще один мордоворот, в комнате больше ничего не было.

– Мистер Кандид?

– Мистер Мартин из... э-э... Де-Мойна, верно? – Он с улыбкой поднялся и протянул руку. – Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

Типчик на диване, едва взглянув в мою сторону, равнодушно бросил:

– У него револьвер, Мюррей.

Он чуть было не застал меня врасплох.

– Точно, приятель, – согласился я. – Я полицейский, полиция Де-Мойна.

Однако меня это чертовски разозлило. Заметить кобуру под специально пошитым костюмом... Да, ребята знают свое дело.

Мюррей лучезарно улыбнулся.

– Вы, офицеры, без оружия чувствуете себя голыми. Слушаю вас.

Я закурил, собираясь с мыслями.

– Нельзя ли пригласить несколько девушек на вечер? В начале месяца у нас в городе съезд, и мы хотим хорошо провести время.

Брови Мюррея изумленно полезли вверх, и он в недоумении постучал пальцами по столу.

– Я не совсем понимаю. Вы говорите... девушки?

– Ага.

– Но как я..?

Я одарил его полу-улыбкой, полу-усмешкой.

– Послушайте, Кандид. Я полицейский. Ребята из Нью-Йорка посоветовали обратиться к вам.

Лицо Мюррея выражало полнейшую растерянность.

– Ко мне? Да, я имею дело с туристами, но какая может быть связь?.. Как я могу обеспечить вас девушками? Я ведь не... не...

– Мне советовали обратиться к вам.

Он снова улыбнулся.

– Похоже, здесь какая-то ошибка, мистер Мартин. Сожалею, но ничем не могу вам помочь.

Он встал, показывая, что разговор окончен, но руки на этот раз не предложил. Мальчики любезно кивнули мне, когда я выходил, и дверь позади меня захлопнулась. Я не знал, что думать, поэтому прошел в бар и, держа в руке бокал, тупо смотрел, как поднимаются и лопаются пузырьки.

...Там ничего не было, никакого сейфа, где симпатичный мистер Кандид мог бы хранить книги. Что ж, раз их нет здесь, то они в другом месте – если вообще существуют.

Допив коктейль, я взял шляпу и очистил славное заведение от своего присутствия. Воздух на улице был не очень чист, но после духоты клуба пах получше миллиона зелененьких. Напротив через дорогу находился "Прибежище моллюска" – приятный погребок, специализирующийся на морской пище, где можно спокойно посидеть и одновременно понаблюдать за улицей. Я заказал пива и начал ждать.

Я не рассчитывал, что это произойдет так скоро. У меня оставалось еще полпорции моллюсков, когда у выхода из "Зеро-Зеро" появился Мюррей Кандид. Он постоял немного и важной походкой направился вверх по улице. Через минуту я уже следовал за ним по другой стороне, футах в пятидесяти сзади.

Вскоре я понял, куда он идет. Впереди, на моей стороне, находилась автостоянка, и Кандид шел наискосок, срезая угол; я не мог не ухмыльнуться. Даже если он меня засечет, то лучшего объяснения не придумать – моя машина тоже там запаркована.

Вслед за Кандидом я зашел на стоянку. Служащий взял мою квитанцию и вручил мне ключи от машины, стараясь не заснуть, прежде чем получит на чай.

Не слышалось ни одного звука, кроме шороха моих шагов по гравию. В воздухе разливался только напряженный гул джунглей города и стальное безмолвие, когда тигр затаился и готов прыгнуть.

И вдруг неподалеку кто-то слабо вскрикнул. Через секунду крик повторился, и я сорвался с места.

В узком темном коридоре из хрома и металла машин на мое лицо мягко опустилась тяжелая рукоять револьвера. Не было времени ускользнуть, не было времени развернуться, перед тем, как последовали мощные удары в грудь и в голову. Ноги крушили мои ребра, а торец револьвера методично молотил лицо.

Из моих губ вырывались звуки – низкие звуки боли, закипавшей в легких. Я хотел приподняться, схватиться за что-нибудь, все равно, за что, но получил жестокий удар носком ботинка в подбородок. Моя голова откинулась назад и врезалась в металл, и больше я не мог двигаться вообще.

Лежать было почти приятно. Боли я не чувствовал. Только толчки и ощущение рвущегося мяса. Потом издалека донесся голос:

– Хватит на этот раз.

Другой голос заспорил, утверждая, что вовсе не хватит, но победил первый. Толчки прекратились. Затем исчезли и звуки.

Глава 6

Меня разбудили первые косые лучи солнца. Они упали на крыши домов, отразились в стеклах и хроме машин, вырвали меня из благословенного онемения и вонзились тысячами игл острой боли.

Мое тело облепил гравий, а пальцы так впились в ладони, что их с трудом удалось разжать. Пот, обиль-

но заливавший лицо, пока я вылезал из-под машины, смывал ручейками засохшую кровь.

Чувства возвращались медленно, пропорционально усилению боли, повсеместной и нескончаемой. Голова буквально раскалывалась, в глазах двоилось. Я уже кое-что вспомнил и начал соображать, из разбитых губ вырвались проклятья.

Тяжесть, тянувшая меня вниз, оказалась моим револьвером. Он все еще был под мышкой. Я так и не воспользовался им. Кретин, угодить в такую ловушку! Круглый идиот, вполне заслуживающий того, чтобы ему набили морду!

Каким-то чудом уцелели часы, и теперь стрелки стояли на 6.15; значит, я провалялся здесь всю ночь...

Подняться не удалось, ноги не держали меня, и я привалился спиной к машине, пытаясь отдышаться. Адская боль не позволяла шелохнуться. От одежды остались одни лохмотья. С лица свисали кусочки содранной кожи, а притронуться к затылку вообще было невозможно. В груди стучал и разрывался гигантский молот. Я не мог определить, сломано ли у меня какое-нибудь ребро... судя по боли, не было ни одного целого.

Не знаю, сколько я так сидел, бездумно пропуская сквозь пальцы гравий. Может, минуту, а может, и час. Потом мне надоело процеживать гравий, и я стал кидать мелкие камушки в колесо автомобиля напротив. С коротким тонким звуком они ударялись в декоративный колпак и падали на землю.

Затем вдруг раздался совсем другой звук, и я потянулся за камушком, чтобы попробовать снова. Но это был не камень. Это было кольцо. Знакомое кольцо с гравировкой, поцарапанное и помятое.

Неожиданно я забыл про усталость, забыл про боль. Я вскочил на ноги, и скверная широкая ухмылка разлепила мои губы, потому что кто-то поплатится жизнью, когда попытается забрать у меня кольцо Рыжей. Этот "кто-то" умрет медленно и мучительно, и ставлю

его проклятую голову, что пока он будет умирать, я буду смеяться.

Моя машина дожидалась меня на своем месте. Я открыл дверцу и рухнул на сиденье, стараясь устроиться так, чтобы тело меньше горело и ныло. Выезжая из ворот, я протянул в окошко два доллара в уплату за превышение времени стоянки. Парень взял их, даже не подняв глаз.

Тысячи ножей вонзались в мою плоть, ноги отказывались жать на педали. Чудом никого не задавив, я добрался до Пятьдесят шестой улицы. У дома Лолы была стоянка, я въехал и вырубил мотор. Когда волна боли немного схлынула, я слез с сиденья и поплелся к парадной.

Лестница оказалась пыткой, у меня еле хватило сил, чтобы нажать звонок. Дверь открылась, и глаза Лолы округлились.

- Боже мой, Майк, что произошло?

Она схватила меня за руку и провела в комнату, где я свалился на диван.

– Майк... с тобой все в порядке?

Я с трудом сглотнул.

– Полный ажур.

– Я вызову врача!

– Нет.

– Но, Майк...

– Я сказал нет, черт побери! Оставь меня в покое. Мне нужно отдохнуть.

Лола расшнуровала мои ботинки и подняла ноги на диван. Она была взволнована, но, как всегда, прекрасна, в другом черном платье, казавшемся на ней нарисованным.

– Куда-то собралась, детка?

– На работу, Майк. Теперь, конечно, не пойду.

– Я тебе дам "не пойду"! Сейчас это важнее всего. Только разреши мне остаться здесь, пока я немного не оклемаюсь. Такие переделки для меня не впервой, чепуха. Иди.

– У меня еще час.

Ее нежные руки опустились на мой галстук, развязали его и убрали. Она вытащила меня из пиджака и рубашки без особых для меня страданий, и я удивленно посмотрел на нее.

– Патриотизм, прошла курсы медсестер. Сейчас я тебя вымою.

Лола прикурила сигарету и сунула ее мне в рот, затем прошла на кухню, и я услышал шум воды. Появилась она с кипой полотенец.

Мои мышцы застыли, и я не мог вынуть окурок изо рта, пока это не сделала Лола. Достав ножницы, она разрезала мою майку. Мне было страшно смотреть, но я себя пересилил. По груди расходились полосы, приобретающие густой багровый оттенок. Лола слегка надавила на ребра, ища перелом, и даже это прикосновение заставило меня напрячься. Но зато мы оба убедились, что кости не торчат, все обошлось.

Вода казалась обжигающе горячей и в то же время мягкой. Я лежал, а Лола протирала мне лицо, плечи, грудь, руки, обрабатывала раны и ссадины... Я уже почти спал, когда почувствовал, как пальцы расстегивают ремень. Мои глаза приоткрылись.

– Эй, что... – начал я, но получилась жалкая пародия на речь, и Лола не послушалась. Боль не давала шелохнуться, и мне оставалось лишь закрыть глаза и позволить раздеть себя. Ее пальцы нежными,ласковым прикосновениями,словно легчайшими перышками уносили боль, ручейками горячей мыльной воды смывали грязь.

Это было замечательно. Это было так хорошо, что я заснул, а когда проснулся, было четыре часа, и Лола уже ушла. На столе у изголовья стоял кувшин воды с почти растаявшими кубиками льда, пачка "Лакиз" и записка.

Потянувшись за ней, я обнаружил, что боль поутихла. Записка гласила: "Майк, дорогой, оставайся здесь до моего прихода. Все твои вещи пошли в помойку, так что не пытайся от меня убежать. Я взяла ключи и захвачу из твоей квартиры одежду. Револьвер под дива-

ном, но, пожалуйста, в комнате не стреляй, не то меня отсюда выставят. Веди себя хорошо. Люблю, Лола."

Одежда! Черт, неужели она выбросила... там ведь кольцо! Я откинул простыню и вскочил, несмотря на возникшую боль. Впрочем, это оказалось лишним. Мой бумажник, мелочь и кольцо лежали совсем рядом, на столе за кувшином.

Но, по крайней мере, я смог без дополнительных усилий позвонить. К телефону подошел мистер Берин-Гротин.

– А, это вы, Майк, добрый вечер. Как дела?

– Хвалиться нечем. Только что из меня едва не выбили дух.

– Что? Что такое?

– Я попал в ловушку. Сам виноват... В следующий раз буду умнее.

– Что произошло?

Я услышал, как он тяжело сглотнул. Насилие было противно самой его натуре.

– Меня направили к некоему Мюррею Кандиду. Не найдя у него того, что искал, я последовал за ним к автостоянке и там влип. Один из этих подонков думает, что проявил снисходительность, позволив мне жить, но я начинаю сомневаться в его доброте.

Мистер Берин потерял самообладание.

– Боже мой! Майк... возможно, вам не стоит... я имею в виду...

Я рассмеялся, но в моем голосе звучало все, что угодно, кроме веселья.

– Они избили меня, но не запугали. Так, урок на будущее. В определенном смысле я даже рад, что это случилось.

– Рады?! Боюсь, мне непонятна ваша точка зрения, Майк. Так... чудовищно некультурно! Я просто отказываюсь...

– Один из ублюдков – убийца рыжеволосой, мистер Берин.

– Да? Это очень важно, разумеется... Но как вы узнали?

– Он выронил кольцо, которое снял с пальца Рыжей. Оно у меня.

На этот раз в голосе моего клиента прозвучало нетерпение.

– Вы видели его, Майк? Вы сможете опознать негодяя?

Боже, как мне не хотелось огорчать его.

– Увы, мистер Берин, там было темным-темно.

– Жаль. Майк... что вы теперь намерены делать?

– Не принимать все близко к сердцу, – отшутился я. На меня навалилась усталость. – Простите, я вам перезвоню потом. Сейчас надо хорошенько помозговать.

– Конечно, Майк. Но пожалуйста... будьте осторожней. Если с вами что-нибудь случится, я буду чувствовать себя виноватым.

Я как мог успокоил его, повесил трубку и улегся на диван, взяв телефон с собой. Пата на работе не оказалось, и я позвонил ему домой. Он молча меня выслушал. Я рассказал про все, кроме кольца.

И Пат это понял.

– Есть ведь еще кое-что?

– Почему ты так думаешь? – спросил я

– Слишком ты доволен для парня, которому только что пересчитали все кости.

– Да. Я, кажется, напал на след.

– Кто эти ребята? Мальчики Кандида?

– Не уверен. Конечно, не исключено, что они пришли туда раньше нас и все организовали. Но у меня есть другая идея.

– Выкладывай.

– Когда я пришел, из кабинета Мюррея кто-то уходил. Кто-то, кто меня видел. Я следовал за Кандидом, а тот, другой – за мной. Поняв, куда направляется Мюррей, он с несколькими ребятами нас обогнал.

– Тогда почему не вмешался Мюррей? – возразил Пат.

– Потому что у него такое положение – он должен быть чист и не замешан ни в какие дела.

– Возможно, – согласился Пат. – Пожалуй, тут стоит покопаться... Слушай, для тебя есть новость: я напал на след твоего приятеля.

– Приятеля? Какого?

– Финнея Ласта.

Я чуть не выронил трубку. Одно упоминание этого имени выводило меня из себя.

– Я бы не сказал, что у него хорошая репутация, – продолжал Пат. – Двумя городами на Западном побережье объявлен розыск. В обоих случаях он подозревается в убийстве, но веских доказательств нет.

– Иными словами, не ухватиться?

– Да, Майк.

– А разрешение на оружие, которое он получил на работе у Берин-Гротина?

– Ласт подумал и об этом. Оно возвращено по почте.

– Итак, у него остается другой метод.

– То есть?

– Для ножа разрешение не требуется, дружище, а Финней любит холодную сталь.

Моя спина ныла, и я устал от долгих разговоров, поэтому пообещал Пату позвонить позже и положил трубку. Поставив телефон на стол и устроившись удобнее, я попытался раскинуть мозгами. Кольцо лежало в моей руке, а лицо Рыжей стояло у меня перед глазами. Все жесткие черты разгладились, их место заняла беззаботная счастливая улыбка...

Кольцо оказалось впору для моего мизинца, и я надел его.

В половине пятого меня вывел из состояния забытья звук поворачивающегося в замке ключа. Я очнулся, выхватил из-под дивана револьвер, поцарапав при этом руку, и отвел предохранитель.

Но это была Лола.

Ее так испугало выражение моего лица, что она выронила пакет, который принесла с собой.

– Майк!

– Прости, детка, – нервничаю, – признался я и бросил пушку на стол.

– Я принесла тебе одежду.

Лола развязала пакет и подошла ко мне. Когда она села на край дивана, я притянул ее к себе и поцеловал в губы.

Она улыбнулась, поглаживая меня пальцами по лбу.

– Как ты себя чувствуешь?

– Чудесно, милая. Мне просто нужно было выспаться. Еще несколько дней помучаюсь, но совсем не так, как придется кое-кому. Давно мне не мяли бока... В следующий раз буду держать глаза открытыми и всажу пулю в чьи-то кишки, прежде чем войду в темный переулок.

– Пожалуйста, не говори так, Майк!

– Девушка, вы прекрасны, – искренне сказал я, желая переменить тему.

Она рассмеялась. Затем быстро встала, отдернула простыню и бросила: – Ты тоже красив, – усмехнувшись с дьявольским коварством.

Я издал вопль и схватился за покрывало. Когда Лола ушла на кухню, я распаковал одежду и сообщение, что суп готов, встретил уже при галстуке.

– В естественном виде ты мне нравишься больше, – заметила Лола.

– Будь паинькой и накорми меня.

Закончив суп, она вывалила из сковороды на блюдо свиные отбивные. Их было слишком много, и я уже хотел протестовать, но Лола положила и себе.

Она уловила мое удивление.

– Вот почему я выросла такой большой. Ешь плотнее, и будешь таким же.

Я был слишком голоден, чтобы разговаривать за столом. Закончили мы пирогом.

– Хорошо?

– Восхитительно. Я чувствую себя заново родившимся.

Лола взяла сигарету.

– Что будешь делать, Майк?

– Сперва надо выяснить, зачем мне устроили ловушку, а потом – кто.

– Я предупреждала тебя, что Кандид опасен.

– Эта жирная образина безвредна, душка. За него работают деньги. Они покупают людей, чтобы те делали то, на что он сам не способен.

– Я слышала о Мюррее такие истории, от которых уши вянут. Ты искал книги, да?

– Нет. Он не держал бы их на виду. Я искал потайное место, но там не было и признака сейфа. Если книги вообще существуют – а это под большим вопросом – то запрятаны так далеко, что выкопать их будет непросто.

Я откинулся на спинку стула и затушил в пепельнице сигарету. Сидеть прямо было еще больно.

– Допустим, я раздобуду компромат на Кандида – что это даст? Мне нужен убийца, а не сенсационный материал для газет.

Сейчас я обращался больше к себе, чем к Лоле, пытаясь разложить все по полочкам. Пока что я располагал бессмысленным нагромождением фактов, которые могли оказаться важными, а могли не стоить ни гроша. Словно подъем по бесконечной лестнице: каждый пролет ведет к следующему, а конца не видно.

– Итак, Нэнси была убита. Причем весьма замысловато... Как это произошло, я, черт побери, не знаю, но обязательно выясню. Мотивы? Ее кольцо после смерти исчезло. То, что оно оказалось у одного из ребят, с которыми мне пришлось иметь дело, – лишнее доказательство того, что это убийство.

Однако кому нужна смерть Рыжей? Финней Ласт утверждает, что она украла у него изобличающие документы. Пронесся слух, что с ней лучше не связываться. Финней – крепкий орешек, и мог бы заставить парней держать язык за зубами. Но чего они боятся? Получить по морде? Или получить пулю? Черт побери, в городе не так-то просто стрелять в людей! Попробуй, вытащи пушку и посмотри, как далеко ты уйдешь.

Может, тебе и удастся напугать кого-то, но ненадолго, и рано или поздно придется доказывать, что ты не ограничиваешься пустыми угрозами. Кто пойдет на такое? Лишь тот, кто уверен в своей безнаказанности.

Тут меня прервала Лола.

– Финней Ласт?

– Возможно. Подозревают, что он бандит. Но Финней слишком глуп.

– Думаешь, он мог убить Нэнси?

– Я бы много дал, дорогая, чтобы узнать это, – ответил я.

– Бедная Нэнси... До сих пор не понимаю, почему она им так мешала... почему должна была умереть. Такая хорошая, мягкая, добрая...

– Но ведь что-то толкнуло ее на эту дорожку, верно?

– Да.

– Ты не думаешь, что она поступила так назло бывшему возлюбленному?..

– Конечно, нет! Она чересчур умна!

Лола подалась вперед и посмотрела на меня долгим напряженным взглядом.

– Майк... Что это за люди... те, что убивают?

– Грязные люди, крошка, – сказал я. – Деньги, власть они ценят выше человеческой жизни и убивают, чтобы получить свое, а затем убивают, чтобы сохранить это...

– Тебе приходилось убивать, Майк?

Я почувствовал, как у меня пересохли губы.

– Да, и об этом я не жалею. Ненавижу слизняков. Мой револьвер быстр. Я играю лучше их. Я довожу дело до такой точки, когда они теряют голову и бросаются на меня, и тогда я стреляю. Самооборона, я чист перед законом. Полицейские не могут зайти так далеко, но хотели бы, не забывай. Мы обычно хулим полицию, но там работают отличные ребята, по рукам и ногам повязанные запретами. Конечно, среди них есть и негодяи... А где их нет?

Лола смотрела сквозь меня отрешенным, направленным куда-то вдаль взглядом.

– Чем я могу тебе помочь? – прошептала она.

– Думай, Лола. Вспоминай каждый разговор с Нэнси, все, что было связано или подразумевалось. И если найдешь что-нибудь важное, сообщи мне.

– Да, Майк. Но откуда я знаю, что важно?

Я наклонился и сжал ее руку.

– Слушай, детка... я не хочу напоминать, но ты была в денежном рэкете. Все, что мешало некоторым людям получать доход, могло стать причиной смерти.

– Кажется, поняла.

– Ну и умница.

Я встал и сунул сигареты в карман.

– Ты знаешь, где меня найти. И смотри, сама ничего не предпринимай. Я не желаю никаких "случайностей".

Лола отодвинула стул, мы вместе прошли к двери.

– Почему? – спросила она. – Я что-нибудь значу для тебя?

Она была еще обворожительнее, чем всегда. Высокая и грациозная, с глубокими темными глазами, устремленными на меня.

– Ты значишь для меня больше, чем думаешь. Ошибаться может каждый. Не всякий может исправить ошибку. Ты одна из миллиона.

В ее глазах появились слезы. Нежной мягкой щекой она прижалась к моему лицу.

– Милый, пожалуйста, не надо. Я слишком поздно вышла на верный путь. Просто будь хорошим ко мне... но не очень. Я... я боюсь, что не выдержу этого.

Ответить словами было нельзя. Я потянулся к ее рту, и тут же по ее телу пробежал огонь, который передался и мне. Страсть закипела. Лола крепко прижалась ко мне, и я знал, что мои руки причиняют ей боль, но ей было все равно.

Я вышел, не произнеся ни слова, только сжав ее руки. Но мы оба знали, что это значит. Я шел и чувствовал себя так, будто прошлой ночи не было, будто

мое тело не саднило, а лицо не было поцарапанным и опухшим.

Глава 7

Я сидел в машине, приводя в порядок мысли. Ха, порядок!.. Я был похож на председателя собрания, резиновым молоточком пытающегося успокоить беснующийся зал.

На моем пальце тускло блестело кольцо Рыжей – тоненький золотой ободочек. Я снял его и стал внимательно рассматривать, словно оно могло заговорить. Заговорить... Ну, что ж, может и заговорит. Я тронул машину и с Девятой авеню свернул направо.

Большинство маленьких магазинов было уже закрыто. Я ехал медленно, ища ювелирный магазинчик моего друга. Мне повезло, потому что Нат как раз выключил свет и собирался уходить.

Узнав меня, он расплылся в улыбке и отпер дверь.

– Привет, Нат. У тебя есть немного времени?

Он был сплошная улыбка, добряк-коротышка. Его рука твердо сжала мою.

– Майк, – рассмеялся он. – Для тебя у меня всегда найдется время. Проходи. Поговорим о старых временах?

Я обнял его за плечи.

– На этот раз о новых, Нат. Мне нужна помощь.

– Садись.

Он выдвинул стул, достал бутылку вина и разлил.

Мы выпили. Хорошее вино. Он снова наполнил бокалы, затем откинулся назад и скрестил руки на животе.

– Ну, Майк, что я могу для тебя сделать? Надеюсь, мне не придется, как в прошлый раз, служить приманкой для мошенников?

Я ухмыльнулся и покачал головой, протягивая кольцо Рыжей. Его пальцы автоматически нырнули в карман жилетки за увеличительным стеклом, которое он незамедлительно вставил в глаз.

– Вот и просьба. Можно проследить историю этого кольца?

Несколько минут Нат молчал, вглядываясь, затем стекло упало в ладонь, и он покачал головой.

– Не знаю, что и сказать. Антиквариат. Я видел много подобных вещиц и уверен, что прав. Тем не менее, я всего лишь...

– Ты меня вполне устраиваешь, Нат. Ну?

– Кольцо женское. По-моему, дарственной надписи не было, но, возможно, ее стерли. Посмотри на цвет золота, видишь? Кольцу лет триста, или даже больше. Нет, Майк, сожалею, но ничем не могу тебе помочь.

– Как можно его проследить? Найти кампанию, которая его сделала?

Он пожал плечами.

– Понимаешь, триста лет назад... значит, оно сработано в Старом Свете. В то время не было кампаний, только небольшие семейные дела типа "отец-и-сын". Скорее всего, кольцо сделали на заказ.

Я забрал кольцо и надел его на палец.

– Ну что ж, Нат, попытка не пытка. По крайней мере, теперь я избавлен от массы работы.

– Разве у полиции нет способов выявлять стертые надписи?

– Да, они могут сделать это. Но, предположим, найду я инициалы. Они принадлежат первому владельцу, а так как кольцо женское, оно, без сомнения, передавалось по наследству, переходя из рук в руки. Нет, надпись мало что даст.

Я встал. Нат был разочарован.

– Ты уже собираешься уходить, Майк? Пойдем ко мне, жена хочет тебя видеть. Ты не был у нас целый год.

– Не сегодня, Нат, как-нибудь в другой раз. Передай от меня привет Фло и детям.

– Обязательно. Ребята огорчатся, что я тебя не привел.

Я вышел, махнув ему на прощанье рукой, и сел в машину. Кольцо Рыжей блеснуло на пальце, и я вспомнил, как изящно она пила кофе.

Проклятье... У меня есть ключ, но я не могу найти замка! Почему убийца снял это кольцо с ее пальца, если оно не может вывести на след?

Я словно раздвоился. Одна моя часть вела машину, соблюдая правила движения и останавливаясь перед светофорами. А другая задавалась вопросом: зачем, собственно, меня били? И почему это было так тонко обставлено? Предупреждение?

Конечно. Что же еще?

Мюррей и его мальчики не знали меня, но почувствовали фальшь и посчитали опасным типом, возможно, злоумышляющим против них. А один из "предупредивших" меня мордоворотов убил Рыжую, или во всяком случае был как-то связан с убийством.

И вдруг я понял, что надо делать.

Не уверен, что это был тот самый сторож, что и в прошлую ночь; этот, по крайней мере, не спал.

Я постучал и, когда он открыл окошко, спросил:

– Здесь никто ничего не терял недавно?

– Один парень посеял ключи от машины. А что, нашли что-нибудь?

– Да так, пустяк, дамскую безделушку.

– Посмотрите в газетах. Если вещица даме дорога, она могла дать объявление. С собой?

– Нет, оставил дома.

– А... – протянул он и закрыл окошко. Я собирался уходить, когда на стоянку въехала машина с зажженными фарами. Луч света выхватил из темноты чьи-то ноги.

Кто-то шел по тому же проходу, где прошлой ночью бежал я.

Мое сердце затанцевало, и внутренний голос сказал: вот ради чего ты сюда пришел. Возможно, сейчас тебе повезет. Только на этот раз не делай ошибок!

Фары потухли, хлопнула дверца. Прозвучали шаги по дорожке, и на свет вышел полный мужчина в пла-

ще. Он обменялся парой фраз со сторожем в будке, хохотнул и исчез на улице. Я подождал минуту и двинулся вперед.

Дважды гравий хрустнул под моими ногами, и я, прислушиваясь, замирал. Потом из соседнего прохода донесся легкий звук. Я потянулся к кобуре и достал револьвер.

Парень был так занят, что ничего не слышал. Он стоял на коленях, спиной ко мне, просеивая гравий сквозь пальцы. Еще один автомобиль въехал на стоянку, и парень замер, не шевелясь, пока водитель не ушел. Тогда он снова принялся за свое занятие. Я наклонился и тронул его за плечо.

– Что-то потерял?

Он попытался встать так быстро, что упал лицом вниз. Когда он повторил попытку, ударом в челюсть я швырнул его в машину, но это его не остановило. Я заметил крюк его левой и, поднырнув, провел свою коронную серию двойных ударов. Я не старался играть чисто. Коленом я разбил ему нос, и парень закричал, но захлебнулся собственной кровью. Еще пара ударов головой о металл машины, и он безвольно повис в моих руках с широко раскрытыми глазами.

Я опустил тело на землю, зажег спичку и поднес к его лицу, вернее, к тому, что от лица осталось. И выругался: в жизни не видел этого типа. Он был молод и, возможно, красив. Дорогая одежда явно пошита на заказ. Я снова выругался, обнаружив, что у него нет оружия. В карманах оказались только деньги, пара карточек и водительские права на имя Вальтера Вельбурга. Ключей от машины не было. Очевидно, он искал именно их.

О, черт, кажется, он тут не при чем.

Улица становилась шумной и многлюдной – вечерняя толпа выходила на променаж. Двери всех ресторанчиков распахнулись гигантским, заглатывающим посетителей зевом. Зазывно подмигивал "Зеро-Зеро", и

швейцар зарабатывал серебро, старательно открывая дверцы такси. Он не видел, как вошел я, и упустил чаевые.

Размалеванная девушка-гардеробщица наделила меня профессиональной улыбкой и билетом, а затем, заметив синяки на моем лице, ухмыльнулась.

– Что случилось – она сказала "нет", а ты не поверил?

Я улыбнулся ей в ответ.

– Пришлось выдержать целое сражение, детка.

Она перегнулась через стойку и опустила подбородок в руки, открывая мне прекрасный вид на все, находящееся за вырезом блузки. Всего там было обильно.

– Могу себе представить, – произнесла она. – На ее месте я бы поступила так же.

– И зря.

Я послал ей поцелуй. Она сделала вид, будто поймала его и спрятала за вырез. Ее глаза потемнели и стали чувственными.

– Приходи еще...

Вошла пара в вечерних туалетах, и она поспешила к ним, а я проследовал внутрь. Большинство столиков вокруг танцплощадки было занято. На маленькой эстраде покачивалась певичка, гораздо больше впечатления производившая своими бедрами, нежели голосом. Ни Мюррея, ни его мальчиков нигде не было видно. Я нашел неприметный столик сзади, заказал хайбол и стал наслаждаться зрелищем.

Официант принес коктейль, но не успел я его высосать до половины, как мои волосы взлохматила чья-то рука, и, подняв глаза, я увидел давешнюю улыбчивую "хозяйку". Я хотел подняться, но она толкнула меня вниз, выдвинула стул и села.

– Я тебя искала.

Она закурила сигарету из моей пачки и выпустила в воздух густую струю дыма.

– Ты говорил что-то о пяти сотнях зелененьких...

– Продолжай.

– Пожалуй, я могу тебе помочь.

– Да?

– Но не за пятьсот.

– Грабеж!

– Может быть.

– Что у тебя есть? За пятьсот долларов можно достать многое.

Блондинка еще раз глубоко затянулась и смяла сигарету в пепельнице.

– Я освобождаюсь в час ночи. Встретишь меня на углу. Пройдем ко мне и обо всем поговорим.

– Хорошо.

– И приноси побольше денег.

– Посмотрим.

Она улыбнулась и накрыла мою руку своей.

– Знаешь, ты очень хорошенький. До встречи!

Я не стал ждать, махнул официанту, расплатился и вышел в фойе. Девушка в окошке притворно нахмурилась.

– Ты слишком нетерпелив. Я еще занята.

Подавая мне шляпу, она, с удовольствием ловя мой взгляд, еше раз продемонстрировала место, где спрятала брошенный ей поцелуй. Я вытащил банкноту, свернул ее в длину и сунул в заветное местечко.

– Если не найдет босс, оставь себе.

– Он и не думает сюда заглядывать, – улыбнулась она соблазнительно. Потом выпрямилась, и вся непосредственность исчезла. – Но если желаешь разменять, достань сам.

На сей раз я просто надел шляпу и вышел.

В баре поблизости нашлось несколько свободных мест. Я заказал пиво с бутербродами и настроился приятно провести вечер, но мои мысли все время возвращались к блондинке. Скоро я узнаю что-то стоящее. Пять сотен, половина моего гонорара... Через два часа я решился и прошел к телефонной будке.

Мне ответили, что мистер Берин удалился на ночь, но я настаивал, и вскоре в трубке раздался сонный голос.

– Мистер Берин, это Майк. Простите, что потревожил вас. Есть новости.

– Важные?

– Да. Вам следует их знать.

– Слушаю, Майк.

– Могу получить информацию относительно Рыжей. Сначала я предложил пять кусков...

– Что?

– Пятьсот долларов, если одна дама кое-что выяснит. Но теперь она хочет больше. Следует мне идти на это, или попытаться получить сведения другим путем?

– Но... о чем они?

– Она не говорила. Хочет встретиться со мной позже.

– Понимаю. – Он задумался. – А вы как считаете, Майк?

– Решать вам, мистер Берин, но я бы сказал: посмотри внимательно, и, если это чего-нибудь стоит, покупай.

– На ваш взгляд, информация интересная?

– Возможно. Это дама – "хозяйка" в клубе "Зеро-Зеро" и знала Нэнси, во всяком случае, в последнее время. А здесь, кажется, и зарыта собака.

– Что ж, давайте, Майк. Сумма достаточно тривиальная... для меня, по крайней мере. Поступайте, как находите нужным.

– Договорились. Но она хочет деньги сейчас же.

– Выпишите чек, потом позвоните мне, и я переведу эту сумму на ваш счет.

Я повесил трубку и вернулся в бар, а в полпервого ночи поехал на такси к стоянке, где оставил свою машину.

В пять минут второго я подъехал к углу, где уже стояла блондинка. Она узнала меня, открыла дверцу и скользнула на сиденье.

– Куда?

Я отъехал от тротуара и влился в поток машин, направляющихся к центру.

– Прямо. Я живу на Восемьдесят девятой.

Между ног у нее стояла сумка, и я кивнул:

– Материалы там?

– Ага.

Блондинка достала губную помаду и, несмотря на скудное освещение, стала приводить себя в порядок. Затормозив перед светофором, я внимательно рассмотрел ее. Вовсе не дурная штучка.

Она повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза; затем легкая усмешка тронула ее губы.

– Интересуешься?

– Сумкой?

– Мной.

– Я всегда интересуюсь блондинками.

Она ждала, что я предприму дальше, но свет переменился, и мы поехали. На Восемьдесят девятой я подрулил к тротуару там, где она указала, вырубил двигатель и взял сумку.

– Надеюсь, ты не думаешь с ней удрать? – спросила она.

– Думал, но потом заинтересовался.

– Сумкой?

– Тобой.

Она сжала мою руку, и мы поднялись в старую квартиру с высокими потолками. Стены были выкрашены в различные оттенки пастели. Мебель только выглядела неуклюжей, а на деле оказалась надежной и удобной.

Когда я швырнул шляпу на лампу, блондинка заметила:

– Может, представимся? Меня зовут Энн Минор.

Она сняла пальто, глядя на меня со странным выражением.

– Майк Хаммер, Энн. Я не из полиции, я частный детектив.

– Знаю. Я как раз думала, скажешь ты мне это или нет.

Она с облегчением рассмеялась.

– Кто тебя предупредил?

– Сама догадалась... Я заметила значок.

– И постаралась поскорее выставить меня из заведения?

– Да.

– Почему?

– Мюррей не в восторге от сыщиков, пусть даже частных.

– Чего бояться честному бизнесмену?

– Повтори это снова и выброси одно слово.

Я не стал этого делать, сел на подлокотник кресла и уставился на нее. Энн повесила пальто в гардероб, сняла мою шляпу с лампы, положила на полку и закрыла дверцы. Затем круто повернулась и подошла ко мне.

– Я не ребенок, – сказала она. – Мне кажется, я никогда им не была. В клуб ты пришел не развлекаться. Стоило тебе упомянуть про Нэнси, как я похолодела от мысли, чем это пахнет. Покажи мне, на что ты способен.

Дуло моего револьвера ткнулось ей в живот, прежде чем она успела договорить. Дав ей им полюбоваться, я убрал револьвер в кобуру и стал ждать. Ее глаза расширились.

– Я ненавижу Мюррея. Не могу сказать, что люблю остальных, но его я ненавижу. Мюррея и его ребят.

– А что ты имеешь против них?

– Не строй из себя пай-мальчика, Майк. Он крыса. Мне не нравится, что он делает с людьми.

– Что Мюррей тебе сделал?

– Мне – ничего. Но я видела, что он делал с другими. Он платит мне зарплату, и это все, но я не слепая. Мюррей гладко стелит, однако любыми путями добивается того, что хочет.

Мне не терпелось добраться до сумки. Энн это поняла. Она улыбнулась и нащупала в моем внутреннем кармане бумажник.

– Принес деньги?

– Сколько мог достать.

– Сколько же?

– Все зависит от содержимого. Как ты собираешься распорядиться деньгами?

– Уеду. Сделаю все, чтобы выбраться из этого города. Я устала от него.

Я подошел и поднял не очень тяжелую сумку. Она была испачкана, по бокам виднелись грязные подтеки. Возможно, здесь находится ответ, таится причина смерти Рыжей... Сумка была закрыта на замочек.

– Я нашла ее сегодня утром. У нас есть маленький чуланчик, забитый всяким хламом. И вот сегодня, когда мне понадобилась какая-то мелочь, я натолкнулась на нее. На сумке был автобусный ярлык с именем Нэнси.

– Как она туда попала?

– Недавно Мюррей делал ремонт. Когда убирали помещение, все ненужное сносили в чуланчик. Очевидно, Нэнси тогда не было, а потом она решила, что потеряла ее.

Энн вышла и вернулась с бутылкой и двумя бокалами. Мы молча выпили, затем она снова налила, села на край тахты и принялась за мной наблюдать. Ее поза напоминала кошку – совершенно свободная, но таившая мощь сжатой пружины. Она подтянула под себя ноги, и даже грубый нейлон не мог скрыть упругую округлость ее бедер. При каждом вдохе грудь наполняла складки платья, борясь с материей, и мне казалось, что схватка будет выиграна.

– Ты не собираешься открывать ее?

В голосе Энн сквозила насмешка.

– Мне нужна булавка... спица. Что-нибудь...

Слова давались мне с трудом.

Энн поставила бокал на край стола и соскользнула с тахты. Она прошла слишком близко. Я потянулся и остановил ее, но мне не нужно было тратить усилий, потому что ее рот жадно приник к моему, а сама она оказалась в моих объятиях, прижимаясь ко мне так тесно, что я чувствовал каждую частицу ее восхитительного тела. Я запустил пальцы в волосы Энн и за-

прокинул ее голову, чтобы целовать шею и плечи, а она страстно стонала...

Когда я отпустил ее, глаза Энн тлели темными угольками, готовыми немедленно воспламениться. Улыбнувшись, она вышла, и я услышал шум выдвигаемого ящика и возню с инструментами. Шум стих, но Энн вернулась не сразу. А когда вошла, то платья на ней не было: его и все нижнее бёлье заменил прозрачный халатик. Она намеренно прошла перед лампой, чтобы подтвердить мои догадки.

– Нравится? – спросила Энн.

– На тебе – да.

– А если бы не на мне?

– Все равно нравилось бы.

Она протянула мне одну из тех патентованных штучек, которые якобы разрешают все механические трудности, возникающие в домашнем хозяйстве; потом вытащила из моего кармана сигарету и прикурила от настольной зажигалки. Выдохнув дым мне в лицо, она спросила:

– Это не может подождать?

Я поцеловал ее в кончик носа.

– Нет, милая, не может.

Когда я повернулся и засунул приспособленьице в замок, Энн отошла в сторону. Хитрая штуковина скрипела и проворачивалась и, наконец, погнулась. Я повернул инструмент другой стороной. На этот раз мне повезло: раздался щелчок, и замочек открылся. Но не успел я шевельнуться, как верхний свет погас, и сквозь пелену ночи и табачного дыма лишь слабо пробивался свет настольной лампы.

– Майк... – прошептала Энн.

Я обернулся, чтобы запустить в нее чем-нибудь, и застыл – она сбросила халат и живой статуей в чулках стояла посреди комнаты, куря сигарету, которая оранжевым огоньком отражалась в ее глазах. Энн широко расставила ноги, держа руку на бедре, и каждая мышца этого дерзкого тела разжигала во мне страсть. У моей блондинки оказалась основа брюнетки, но это де-

лало ее только более интригующей, соблазнительной – достаточно, чтобы заставить меня забыть о сумке, избиениях и убийствах.

Я схватил ее в объятья, и она тяжело задышала мне в плечо, затем куснула меня в шею и выскользнула из моих рук на тахту, куда я вынужден был за ней последовать, и мерцающий свет лампы, струившийся по комнате, словно шептал вместе с нашим дыханием, пока не раздался вскрик...

Моя рука дрожала, когда я потянулся за сигаретой. Энн улыбнулась мне и мягко проговорила:

– А я уж сомневалась, что могу еще быть интересна.

Я поцеловал ее снова.

– Не кокетничай. Довольна, что сбила меня?

– Да.

Она не произнесла ни слова, когда я встал и вернулся к столу, но следила за мной неотрывно. Я отложил сигарету, дым которой застревал у меня в груди, и взялся за сумку.

Я присвистнул сквозь зубы. Сумка была набита детской одеждой, совершенно новой. Я медленно ощупывал ее – крошечные свитера, ботиночки, чепчики, другие вещицы, названия которых были мне даже неизвестны. На дне лежали два аккуратно сложенных шерстяных одеяльца.

Десятки предположений носились в моей голове, но только одно имело какой-то смысл. Рыжая была матерью; кто-то был отцом. Изумительная, прекрасная ситуация для шантажа. И причина для убийства... И еще факт: все вещи совершенно новые, с иголочки, на некоторых даже сохранились ценники.

Я открыл молнию бокового отделения: набор булавок, губная помада и карманное зеркальце. В маленьком карманчике лежало несколько фотографий. Я разглядывал их и видел совсем другую Нэнси – молодую девушку лет шестнадцати. Вот она на пляже с юношей, а вот – уже с другим. Снимки, очевидно, были сделаны на загородной прогулке или пикнике. Ребят

было много, но Нэнси, казалось, никому из них не отдавала предпочтения.

Да, тогда она была иной – свежей, как едва распустившийся цветок. Ее глаза улыбались мне, словно зная, что в один день эти карточки окажутся здесь, передо мной. На двух фотографиях были ясно видны ее руки; Нэнси носила кольцо.

Я внимательно вглядывался в фон в надежде понять, где делались снимки, но видел только воду и песок. На обратной стороне тоже не было никаких пометок... Проход оканчивался тупиком. Высокой крепкой стеной, которую я не мог одолеть без лестницы.

– Это тебе помогло? – внезапно произнесла Энн.

Я кивнул, вырвал из чековой книжки листок, подписал его и положил на стол. Я уже определил сумму, но все-таки спросил:

– Сколько ты хочешь?

Она не ответила, и я оглянулся: Энн, все еще обнаженная, лежала на тахте и улыбалась. Наконец она сказала:

– Нисколько. Ты уже заплатил.

Я захлопнул сумку, взял с полки шляпу и открыл дверь. Мистер Берин все равно должен мне пятьсот долларов; Энн получит свою поездку.

Я подмигнул ей, она подмигнула мне, и дверь захлопнулась.

Глава 8

Ночью я не спал – выложил содержимое сумки перед собой на стол и курил одну сигарету за другой, пытаясь понять, какой все это имеет смысл. Детская одежда, несколько фотокарточек, грязная сумка... Вещи Рыжей.

Когда это было?

Где?

В холодильнике стояло пиво, и я медленно потягивал его, размышляя, перебирая в уме все факты.

Лучи солнца пробились сквозь оконные занавески, тщетно пытающиеся удержать ночь, и я вспомнил, что обещал позвонить мистеру Берину. Он сам поднял трубку, и на этот раз сонливость звучала в моем голосе.

– Это снова Майк.

– Доброе утро. Вы рано на ногах.

– Я еще не ложился.

– В преклонные годы вам придется расплачиваться за отсутствие самодисциплины, молодой человек.

– Возможно, – произнес я невыразительно, – но сегодня платите вы. Я оставил моему другу чек на пятьсот монет.

– Отлично, Майк, сейчас же позабочусь об этом. Вы узнали что-нибудь от вашего... мм... источника?

– Все только запуталось. Но я узнаю. Клянусь.

– Тогда я могу считать, что деньги потрачены с пользой. Но, пожалуйста, будьте осторожны, я вовсе не желаю, чтобы вы опять попали в какую-нибудь переделку.

– Это обычная вещь в моей профессии, мистер Берин. Теперь, кажется, я выхожу на след.

– Прекрасно. Вы меня заинтриговали. Секрет?

– Никаких секретов. Я достал сумку, набитую детской одеждой. И несколько фотографий.

– Детской одеждой?

– Вещи Рыжей... или ее ребенка.

Он поразмыслил над этим и признался: это головоломка, просто головоломка.

– Теперь немедленно отправляйтесь спать. Звоните, когда понадобится.

Глаза горели, выпитое пиво мешало думать. Я в последний раз затянулся и отбросил окурок, потом рухнул на диван и тут же провалился в сон, прекрасный, благословенный сон, отгораживающий от злых безобразных вещей бытия и оставляющий только туманную мечту...

Колокол. Он звонил и звонил, я пытался отмахнуться от звона как от назойливой мухи, но безуспеш-

но. Наконец я очнулся. У головы надрывался телефон, и я едва сдержал желание швырнуть его в стену.

Это была Вельда.

– Майк... ты? Майк, отвечай мне!

– Я, дорогуша, я. Чего ты хочешь?

В ее голосе прозвучало облегчение.

– Где тебя черти носили? Я обзвонила каждый салун в городе!

– Здесь был.

– Я звонила четыре раза!

– Спал.

– А, снова гулял всю ночь... Кто она?

– Зеленые глаза, голубые волосы, пурпурная кожа. Ты чего пристаешь? Кто из нас начальник?!

– Рано утром звонил Пат. Что-то насчет Финнея Ласта. Перезвони ему.

– Так бы сразу и сказала!..

Я быстро дал отбой, набрал номер полиции, и дежурный объяснил мне, что капитан Чамберс на работе, но сейчас его нет: ушел по служебному делу. Желаете что-ниубдь передать?.. Я желал только выругаться, но попросил не беспокоиться и бросил трубку.

Было пять минут двенадцатого, день наполовину убит. Я собрал детскую одежду в сумку, положил в боковое отделение фотографии, затем пошел в ванную и принял душ.

Снова зазвонил телефон, и мне, мокрому, пришлось шлепать в комнату.

Пат рассмеялся.

– Как проводишь время, приятель?

– Если бы ты знал, то захотел бы поменяться со мной работой. Вельда сказала, что у тебя новости о Финнее.

Он сразу перешел к делу.

– Утром я получил сообщение с Побережья. Похоже, на Финнея Ласта падает подозрение в убийстве. Но дело в том, что парень, который мог бы его распознать, мертв, есть только описание.

– Это уже кое-что. Финнея Ласта не трудно описать – Масляная голова. Что ты собираешься делать?

– Я дал запрос. Если описание сойдется, то... У меня имеются копии его фотографии – взял с разрешения на оружие – и я отправил их туда.

– Значит, когда понадобится, его можно задержать по подозрению... если сумеем его найти.

– Ну вот и все, просто решил держать тебя в курсе. А я сейчас занят. Смерть. Нужно писать рапорт.

– Кто-нибудь из наших знакомых? – спросил я.

– "Хозяйка" из клуба "Зеро-Зеро".

Моя рука сжала трубку.

– Как она выглядит, Пат?

– Крашеная блондинка, около тридцати. Патологоанатом считает, что это самоубийство. Была найдена прощальная записка.

Мне не надо было спрашивать ее имя. В "Зеро-Зеро", возможно, дюжина крашеных блондинок, но я не сомневался.

– Самоубийство, Пат?

Ему не понравился мой тон.

– Самоубийство, безусловно!

– Ее имя Энн Минор?

– Да... ты... как ты?..

– Тело в морге?

– Да.

– Жди меня там через двадцать минут, слышишь?

Я приехал через сорок минут. Пат нетерпеливо расхаживал снаружи. Увидев мое лицо, он покачал головой.

– Ты только что отсюда? – поинтересовался он. – Я видел более приятных на вид покойников.

Мы вошли. Пат отдернул простыню.

– Знаешь ее?

Я кивнул.

– В связи с делом Сэнфорд?

Я опять кивнул.

– Черт побери, Майк! Патологоанатом совершенно уверен: это самоубийство.

Я взял уголок простыни из его руки и прикрыл лицо Энн.

– Она убита, Пат.

– Ладно, приятель, давай зайдем куда-нибудь и поговорим.

– Я не голоден.

Мне вспомнилась прошлая ночь. Светловолосая улыбчивая Энн хотела убедиться, что она еще не лишена интереса, способна привлекать внимание. Но привлекла она не только мое внимание...

Пат потянул меня за рукав.

– Ну, а я голоден, и морг не портит мне аппетит. Я желаю знать, каким чудом явное самоубийство превратится в убийство.

Неподалеку было кафе, специализирующееся на итальянской кухне, и мы отправились туда. Пат заказал поесть и бутылку красного.

– Ее имя Энн Минор... это тебе, кажется, известно. Она работала "хозяйкой" у Мюррея Кандида. До этого – танцовщицей в мелких клубах, а еще раньше – в балаганном стриптизе. Последнее время, по словам ее коллег, была немного не в себе. Прощальная записка гласит, что она не смогла найти места в жизни и от всего устала. Почерк сличен с образцами на других документах.

– Подделка!

– Нет, Майк. Это подтвердили эксперты.

– Значит следует проверить еще раз!

Пат опустил взгляд, когда увидел выражение моего лица.

– Я прослежу за этим.

Он придвинул тарелку спагетти, подцепил полную вилку и тщательно прожевал.

– Мы считаем, что все произошло так: перед рассветом она вышла на мост у Риверсайд-Драйв, сняла шляпку, туфли, жакет... положила на панель, сверху поставила сумочку и спрыгнула. Очевидно, она не умела плавать, да и все равно ее платье зацепилось за какой-то болт под водой. Около половины девятого ут-

ра на набережную пришли ловить рыбу ребята и заметили сперва ее вещи, а затем и ее саму. Один из них сбегал за полицейским, а тот вызвал спецслужбу.

– Когда наступила смерть?

– Приблизительно за пять часов до обнаружения тела.

Я налил еще вина и выпил.

– Этой ночью до двух сорока мы были вместе.

Глаза Пата вспыхнули.

– Продолжай.

– Я интересовался у нее Рыжей, и Энн передала мне сумку – с детской одеждой, совершенно новой.

Он кивнул.

– Она была испугана? Подавлена?

– Я общался с нормальной счастливой женщиной. Это не самоубийство.

– Черт побери, Майк! Я...

– Когда вскрытие?

– Сегодня... немедленно! Ты снова заставляешь меня сомневаться! Теперь я уже не удивлюсь, если она окажется напичкана мышьяком!

Пат отшвырнул вилку, с шумом отодвинул стул и подошел к телефону. Вернувшись, он буркнул:

– Через два часа будет готово заключение.

– Спорю, что это ничего не даст.

– Почему?

– Потому что кто-то чертовски хитер!

– Или ты чертовски глуп.

Я закурил и улыбнулся ему, вспоминая все, что мне известно об утопленниках.

– На мою глупость можешь не надеяться.

– Думаешь, это связано с Нэнси?

– Да.

– Тогда предоставь мне доказательства, Майк. Без них я не могу и пальцем шевельнуть.

– Ты их получишь.

– Когда?

– Когда в наши руки попадет тот, кто достаточно много знает.

Пат взялся за спагетти, а я прикончил бутылку. Только Пат закончил трапезу, как его позвали к телефону.

Через пять минут он вернулся с ухмылкой.

– Твоя теория провалилась. Специалисты перепроверили записку. Совершенно никаких сомнений, что писала ее Минор. Подделка исключается. Выбрось этот бред из головы.

Я нахмурился – здесь, по крайней мере, ошибки быть не может.

Пат наблюдал за мной.

– Теперь, сам понимаешь, дело у меня заберут.

– Остается еще вскрытие.

– Хочешь на нем присутствовать?

Я покачал головой.

– Нет, лучше пройдусь.

– Хорошо. – Пат посмотрел на часы. – Позвони мне часа через два. Я буду у себя.

– И еще одно...

Пат улыбнулся.

– Я все думал, когда же ты попросишь.

– Сейчас у меня нет времени на такую колоссальную работу. Проверь, пожалуйста, все больницы: лежала ли в акушерском отделении Нэнси Сэнфорд.

– Обязательно, Майк.

– Спасибо.

Я заплатил по счету, простился с Патом и бесцельно побрел по улице, насвистывая какой-то мотивчик. Хороший день, прекрасный день... что за день для убийства!

Да, состряпано все так тонко, что полиция не может назвать это убийством... пока. Ну, а я могу. Готов заложить последнюю рубашку: блондинка задавала вопросы не там, где надо. Кому-то необходимо было заставить ее замолчать.

Обойдя кругом весь квартал, я вернулся к машине. Улицы, как бы для разнообразия были пусты, и мне не пришлось подолгу торчать перед каждым светофором. Добравшись до Девяносто шестой улицы, я свер-

нул к реке и нашел место на первой попавшейся стоянке.

С воды дул легкий ветерок, несущий с собой, несмотря на все очистные сооружения, гарь и вонь промышленного города. Река была серого цвета, а пена, оставляемая проплывающими судами, казалась слишком густой. Почти как кровь. К берегу она прибивалась грязно-коричневой... Смотреть на это еще было можно, но если остановиться и подумать, становилось тошно.

Она сняла шляпку, туфли, жакет... положила на панель, сверху поставила сумочку и спрыгнула. Это не внезапное решение. Так поступает человек, который долго обдумывал свой шаг, привел в порядок все дела. Самоубийство?..

Ноги сами привели меня к траве у воды. Там стоял полицейский – коротенький толстый парень с бутылкой пива в руках, который, очевидно, принял меня за своего, так как кивнул и позволил пройти.

Музыка заиграла у меня в голове – как всегда, когда мне приходят невероятные мысли. Возникла сумасшедшая идея, дикая идея, которая все ставила на свои места. Дело будет у Пата.

В траве на берегу валялась пустая жестянка с дохлыми дождевыми червями. Я выбросил червей, до блеска вытер банку, потом выбросил платок, зачерпнул воды и вернулся назад.

Не звоня Пату, я поехал прямо к нему. Он пожал мне руку, провел в кабинет и сунул заключение.

– Вот, Майк. Она захлебнулась. И время названо верно. Теперь в этом сомнения нет.

Я не удосужился читать заключение, просто швырнул его на стол.

– Патологоанатом здесь?

– Внизу, если еще не ушел.

– Проверь.

Он хотел задать вопрос, но передумал и позвонил.

– Пока здесь.

– Попроси его подождать.

Не сводя с не меня глаз, Пат выполнил мою просьбу, а повесив трубку, перегнулся через стол и спросил:

– Что на этот раз?

Я поставил на стол жестянку.

– Отдай на анализ.

Он взял банку, встряхнул и, нахмурив брови, уставился в поднявшуюся муть. Поняв, что объяснять я ничего не собираюсь, он резко встал и вышел за дверь, и я услышал шум лифта, увозящего его вниз.

Я выкурил почти полпачки "Лакиз", прежде чем снова зашумел лифт. Пат был вне себя от злости. Он швырнул банку на стол и повернулся ко мне с перекошенным лицом.

– Ну?! Вода со всевозможной грязью... Потом мне стали задавать вопросы. Я выглядел совершенным идиотом. Прикажешь всем сообщить, что частный сыщик использует лабораторию полиции как свою собственную?!

– Почему ты не спросил, не то ли нашли у нее в легких? Не в желудке, заметь, – в легких. Захлебываясь, человек начинает задыхаться, потому что в горле закрывается маленький клапан – он предохраняет легкие от всякой всячины. Не много требуется, чтобы удушить таким способом... лишь капля воды – закрыть этот клапан. Вода попадает в желудок, а в легких ее нет. Иди, спроси!

Глаза Пата чуть не вылезли на лоб. Его зубы обнажились в звериной ухмылке, и он произнес:

– Ты, головастый ублюдок...

Разговор по телефону длился не более минуты, но был очень оживленным. Пат опустил трубку и свалился в кресло.

– Перепроверят. Но, думаю, ты прав.

– Я давно это говорил.

– Погоди, Майк. Нужно подождать заключения. Пока рассказывай.

– Все очень просто. Энн Минор задушили, вероятно, у нее дома. Затем бросили в реку.

– Значит, тело тащили от дома до реки, и никто этого не заметил?

– А кому быть на улице в такой час?

– Осталось одно: предсмертная записка.

– Кажется, я могу объяснить и это.

Пат уронил голову на руки.

– Слушай, ты знаешь, я не круглый дурак. Я не первый год в полиции и люблю свою работу; все идет хорошо. Но появляешься ты со своими идеями и... Что я – глупею, старею? Превращаюсь в тупого бюрократа? Что со мной, Майк?

Я мог только рассмеяться.

– Не волнуйся, ничего с тобой не случилось. Просто ты забываешь, что иногда преступник опытнее самого лучшего полицейского. Ставь себя на их место – помогает.

– Чепуха.

– Теперь у нас на руках два убийства. Мы не разобрались в первом, но второе показывет, с кем нам предстоит иметь дело. Это отнюдь не новички-любители.

Пат поднял голову.

– Ты говорил, что можешь объяснить...

– Ну нет, дорогой. Сам трудись.

Снова зазвонил телефон, и Пат взял трубку. Лицо его оставалось безучастным до конца разговора.

– Вода в ее легких чистая. Следы мыла. Очевидно, она была утоплена в ванне.

– Так радуйся.

– Ну да, есть чем гордиться... Теперь меня будут поджидать с поздравлениями – и как это я додумался?! А что я скажу?

Когда я выходил, Пат выругался мне вслед, но уже с улыбкой.

Улыбался и я. Часть дела, слишком большого для одного человека, возьмет на себя полиция. В полиции есть люди и есть оружие. Мозги у них тоже есть. Теперь головы полетят, полетят головы, черт побери, – и скоро!

•

Перед тем, как идти домой, я поужинал в забегаловке. Нагрузив поднос всем, что было, я устроился за свободным столиком, неспеша поел и, закурив сигарету, почувствовал, как на меня снисходит сытая благодать. Все кусочки мозаики, все части этой истории были собраны у меня в голове, но упорно не желали складываться в целую картину.

День заметно потускнел, и вместе с сумерками на город спустился мелкий дождь. Я поднял воротник и под крышами домов пошел к машине. Движение стало гуще. Пока я добрался до дома, дождь усилился, и не было никаких признаков прояснения. Выйдя из гаража, я побежал, но все равно промок до нитки.

Ключ в замке провернулся. Я попробовал еще раз, и он снова провернулся. Тогда я заметил царапины – замок был взломан. Я вытащил револьвер и с силой толкнул дверь. Она с треском распахнулась, и я влетел в квартиру, готовый ко всему, – но только никого, кроме меня, там не оказалось.

В каждой комнате горел свет, и все было перевернуто вверх тормашками. Сквозняк продувал пыльные внутренности тахты и кресел, с которых была содрана обивка. Пустые ящики шкафа валялись на полу. Одежда, с вывернутыми наизнанку карманами, лежала сваленная в кучу. Не обошли вниманием даже холодильник: бутылки, банки, всякая снедь были разбросаны по кухне и собирали мух.

Я схватил телефон и набрал номер интенданта.

– Майк Хаммер, из 9-Д. Меня кто-нибудь искал?

Ответ был отрицательным.

– Сегодня никто подозрительный здесь не ошивался?

Ответ снова отрицательный. Он поинтересовался, не произошло ли чего-нибудь.

– Нет, но скоро, черт побери, произойдет. У меня в квартире похозяйничали, – едва сдерживаясь, ответил я.

Он тут же разволновался, и мне пришлось просить его помалкивать – очень не хотелось отвечать на вопросы и пугать соседей.

Я прошел в спальню и принялся расшвыривать кучу одежды, пока не наткнулся на сумку. Подкладка ее была распорота, молния – открыта, детские вещицы валялись рядом. Оба боковых кармана зияли раскрытыми ранами. Пачка фотографий исчезла.

Я провел тщательную инвентаризацию всего, что было в доме, – поиски стоили мне двух часов, – но единственной пропажей оказались фотографии. Потом, для верности, убедился еще раз. Не стоило беспокоиться. Пятьдесят долларов и часы лежали нетронутыми на тумбочке, а пачка старых выцветших фотографий исчезла.

Эти снимки вовсе ничего не представляли для меня, но что-то значили для кого-то другого. Поэтому умерла Энн. Я опустился на обломки кресла, закурил дрожащей рукой и стал собираться с мыслями. На полу валялась разодранная пачка сигарет. Патроны из-под лампочек были распотрошены, сломанными пальцами висели провода.

Я огляделся еще раз, внимательно всматриваясь в почерк обыска. Взяли фотографии – но искали что-то еще, что-то очень маленькое. Из чернильницы были вылиты чернила, и я вспомнил пустую перечницу и солонку на кухне.

Конечно, все просто. Я поднял руку и улыбнулся кольцу.

– Они еще вернутся, – сказал я ему. – На этот раз ты им не досталось, и они еще вернутся. А мы будем ждать.

...Из забытья меня вывел комариный писк телефона. Из трубки донесся голос Пата.

– Что там?

– Хотел тебе сообщить: мы снова все проверили. Сходится. Осталось только разобраться с этой предсмертной запиской. У тебя была какая-то идея... просто ума приложить не могу.

Я ответил устало:

– Распроси ее друзей. Не заговаривала ли она когда-нибудь о самоубийстве? Возможно, прежде она думала о нем и даже написала записку. Кто-то отговорил ее, а записку приберег – на будущее.

– Ты подумал обо всем.

– Если бы.

– Я изложил наши соображения районному прокурору. Он считает их досужим вымыслом.

– А ты как думаешь?

– Я думаю, ты поймал змею за хвост.

– Это единственно безопасный способ.

– Надеюсь ты прав. Продолжаем игру, Майк?

– Конечно, малыш. Я дам тебе знать, когда появится что-нибудь новенькое. Как сейчас: у меня распотрошили квартиру. Искали кольцо Нэнси. Не нашли, но забрали те фотографии, что я взял у блондинки.

– Дьявол! – взорвался Пат. – Почему ты их не спрятал?!

– Конечно, я запру двери конюшни после того, как лошадь украдена... Я бы и не знал, что они для кого-то важны, если бы их не унесли. Я не жалею. Им нужно было кольцо, зачем – вот вопрос.

– У меня тоже есть новости, – помолчав, заметил Пат. – Я получил ответ из больницы в Чикаго.

Я стиснул трубку.

– Ну?

– Нэнси Сэнфорд лежала там четыре года назад. Незамужем, имя отца сообщить отказалась. Ребенок был мертворожденный. Никто не знает, куда она делась потом.

Мои руки дрожали, голос упал почти до шепота, когда я благодарил его. На прощание он сказал:

– А кольцо... Отдай его лучше мне, Майк.

Я рассмеялся.

– Черта-с-два. Случай Нэнси все еще числится самоубийством в твоих книгах. Вот когда он станет убийством...

Пат начал спорить, но я перебил его.

– Что ты собираешься делать с Мюррем?

– Его сейчас взяли в клубе. Везут сюда. Слушай, насчет кольца. Я хочу...

Я выпалил "спасибо" и бросил трубку. Мюррея собираются допросить. Значит, у меня есть по меньшей мере два часа, хотя у него хороший адвокат и нужные связи. Времени достаточно.

Глава 9

Мюррея Кандида можно было разыскать по двум адресам: в клубе и дома, в респектабельной части Бруклина. По домашнему телефону ответил дворецкий, который с британским акцентом сообщил, что мистера Кандида нет и не ожидается до ночи, но он может передать все, что требуется. Я попросил его не беспокоиться и повесил трубку.

Дворецкий. Золотые канделябры и редкие китайские вазы.

Я опустил руку на диск и, подумав, набрал номер Лолы. Она сразу узнала мой голос.

– Привет, милый. Ты где?

– Дома.

– Я тебя увижу?

Буквально от нескольких ее слов у меня на душе становилось легко и свободно.

– Немного позже. Сейчас я по уши в делах. Может, понадобится и твоя помощь.

– Конечно, Майк. Что?..

– Ты знаешь Энн Минор? Она работала у Мюррея.

– Естественно. Не один год. А что?

– Она мертва.

– Нет!

– Да. Убита, и я знаю, почему. За это дело взялась полиция.

– О, Майк... почему так происходит? Энн не была... одной из нас. Она ничего... Всегда пыталась помочь... О, Майк, почему? Почему?

– Успокойся, дорогая. Сейчас важно другое: где у Мюррея может быть квартира? Не дом в Бруклине, а просто место для развлечений или деловых встреч?

– У него был уголок в Виллидже. Но я не уверена, что он сохранил его за собой. Мюррей регулярно менял такие квартиры, потому что не любил подолгу засиживаться в одном месте. Хотя Виллидж как район ему всегда нравился. Я... была там однажды... на вечеринке. Майк, я не хочу вспоминать.

– И не надо. Примерно, где это?

Она дала мне координаты, и я записал их.

– Тебе придется расспрашивать. Я могу тебе помочь, но...

– Сиди смирно, сам найду. Вовсе незачем рисковать тобой.

– Хорошо, Майк. Пожалуйста, будь осторожен. Береги себя.

Я улыбнулся.

– Обещаю, милая. Я тебе позвоню потом, чтобы ты знала, что все в порядке.

– Буду ждать.

Вечер уже вступил в свои права, когда я кончил одеваться: одел сшитый на заказ костюм с местом для кобуры и, предусмотрительно набив карманы сигаретами, набросил на себя плащ, который вытащил из-под кучи вещей.

В последний раз оглядев кавардак, я вышел за дверь и спустился в гараж. Дождь усилился и косыми струями рассекал воздух, разбиваясь на тротуарах и загоняя пешеходов под крыши. Машины двигались медленно, склонившиеся над рулем водители внимательно смотрели на дорогу, и только быстро и неутомимо, как возбужденные клопы, бегали по стеклам щетки стеклоочистителей.

Я свернул на Бродвей, входя в основной поток автомобилей к центру. Улицы совсем опустели, даже такси предпочитали пережидать под навесами стоянок. Иногда из распахнувшейся двери салуна кто-нибудь выбегал и, с газетой над головой, стремительным бро-

ском несся к другому бару или к метро. Но если и можно было обнаружить в Виллидже жизнь в тот вечер, то только под крышей.

Неподалеку от места, которое обозначила Лола, находилось заведение под названием "Моника". Красная неоновая вывеска мерцала сквозь дождь, и, проезжая мимо, я разглядел бар с горсткой посетителей, уныло склонившихся над выпивкой. Что ж, с таким же успехом можно начать и отсюда.

Я поставил машину, поднял воротник плаща и побежал, преодолевая ощутимое сопротивление стены дождя. Пока добежал, брюки промокли насквозь, в ботинках хлюпало.

Головы в баре, как по взмаху дирижерской палочки, развернулись в мою сторону. Три парня, пойманные здесь в ловушку, равнодушно отвели глаза. Две дамы, интересующиеся более друг другом, чем мужчинами, вернулись к томным чувственным взглядам и пожиманиям ног. Две другие милашки расплылись в зазывных улыбках, готовые бороться за права на вновь прибывшего. "Моника" обслуживала самую пеструю клиентуру.

За стойкой красовался здоровый жирный тип со шрамом на подбородке. Одно его ухо, размером с клецку, окраской и формой смахивало на цветную капусту. Вряд ли это его зовут Моника. Он поинтересовался, что я закажу. Я попросил виски.

– Все меняется, – прокаркал он, брезгливо скривив рот. – Все шиворот-навыворот. – Лесбиянки метнули на него по разъяренному взгляду и оскорбленно отвернулись. – Там, где я работал раньше, девочки готовы были передраться за парня. Здесь дамы не думают ни о чем, кроме дам.

– Верно, в них нет ничего женского, – поддакнул я.

– Там, дальше, есть парочка нормальных. Пойди, может понравится.

Он по-дружески кивнул, и я, взяв стакан, прошел в дальний конец помещения. Там действительно сидела пара деток, только они были уже заняты. Две женщи-

ны в костюмах мужского покроя развлекали их лучше, чем это удалось бы мне.

Поэтому я сел в одиночестве за столик у пианино и стал за ними наблюдать. От стойки оторвался один из парней и с самодовольной ухмылкой сел напротив меня.

– Не правда ли, бармен слишком старомоден?

Я хмыкнул и отхлебнул виски. Эти типы действуют мне на нервы.

– Вы не местный?

– Нет.

– Из центра?

– Да.

– А-а... – Он нахмурился. – Уже... свидание?

Парень явно напрашивался на неприятности, но я передумал и объяснил:

– У меня встреча с Мюррем Кандидом. Он сказал мне, где живет, да я запамятовал.

– Мюррей? Это мой лучший друг! Но он недавно снова переехал. Джорж говорил, что теперь куда-то к бакалейному магазину, в двух кварталах к северу. Вы давно его знаете? Я на прошлой неделе... почему же вы уходите... мы еще не...

Я даже не оглянулся. Если эта гнилушка посмеет пойти вслед за мной, пусть пеняет на себя. Бармен прочирикал мне вслед, что подобная публика мешает бизнесу. Согласен.

Я медленно проехал по улице, развернулся и поехал обратно. В магазине было темно, как и в окнах наверху. У тротуара стояло несколько машин, я втиснулся между ними, и переждав, пока пара педерастов не затерялась в дожде, вошел в подворотню магазина – будто бы прикурить, но больше для того, чтобы оглядеться. Ничего не было видно. Я толкнул дверь, поддавшуюся под моей рукой. На виду висели два почтовых ящика. На одном было написано: "Байл"; это же имя на вывеске магазина. Другой был без надписи и относился к квартире наверху. Вот оно...

Через несколько минут мои глаза привыкли к темноте, и я увидел ступени, дряхлые и шаткие, покрытые вытертым ковром. Я старался подниматься как можно осторожнее, но лестница все равно скрипела. Узкую площадку второго этажа украшала рассохшаяся дверь с табличкой "Байл". Держась руками за стену, я стал подниматься выше. Здесь лестница была новее, и ступени не издавали ни звука. Добравшись до двери, я замер, прислушиваясь к едва уловимому шуму.

Внутри кто-то был.

Дверь открывалась на хорошо смазанных петлях. Внутри царил мрак. Из дальней комнаты доносились приглушенные звуки. Потом что-то упало на пол и разбилось, и кто-то прошептал кому-то, чтобы тот был потише из любви к богу. Итак, их двое.

Затем другой сказал:

– Проклятье, я порезал руку! – Отодвинули стул, покатилось стекло. Раздался звук рвущегося материала. – Черт, не могу перевязать. Придется выйти.

Он пошел в моем направлении, лавируя среди мебели.

Я вжался в стену. Парень на секунду застыл в дверном проеме, темный силуэт на еще более темном фоне, затем его рука задела мой плащ, и он открыл рот для крика.

Я ударил его в лоб стволом револьвера, и его колени подогнулись, не выдержав тяжести тела. Он свалился прямо в мои объятья, со свесившейся на бок головой, и я услышал, как капает на пол кровь. Все было бы хорошо, если бы мне удалось тихо опустить тело; но оно повернулось в моих руках, и из кобуры вывалился пистолет.

Наступила тишина. Я зашаркал ногами и вполголоса выругался, как будто только что ударился об стену.

Донесся едва слышный голос:

– Рэй... это ты, Рэй?

И я вынужден был ответить:

– Да, это я.

– Иди сюда, Рэй.

Я снял с себя плащ и положил на пол – этот малый примерно моей комплекции, может, сойду за него. Нагнулся я вовремя – в дверях комнаты стоял парень с револьвером, нацеленным на то место, где должен был быть мой живот.

Имя его приятеля было не Рэй, а я на него отозвался.

Язычок пламени с каким-то слабосильным щелчком вылетел в моем направлении, но я уже катился в сторону, и пуля врезалась в стену. Я вскочил на ноги и задействовал свою пушку с грохотом, от которого ходуном заходила вся комната. А потом, не дожидаясь ответного выстрела, кинулся под кресло, слушая, как парень искал прикрытия поблизости.

Я не знал, видно меня или нет, и только заставлял себя лежать неподвижно и дышать тихо. Тому парню это не удавалось. Он судорожно, с хрипом втягивал в себя воздух; потом, испугавшись, что его услышат, начал быстро двигаться. Пусть попотеет. Теперь я знал, где он, но не стрелял. Он снова переменил место, удивляясь моему молчанию и думая, не задел ли меня первым выстрелом. У меня свело ногу, от напряжения затекла рука.

Парень, наконец, справился со своими нервами. Я навел револьвер в том направлении, где, по моим ожиданиям, он должен был появиться и, не фиксируя взгляда на какой-нибудь точке, стал ждать. Из-за задернутых штор еле-еле пробивался свет, углублявший тени, и на этом фоне светлым пятном вдруг выделилось лицо. Он был прямо у меня на мушке.

И тут начал возвращаться к жизни парень в передней. Его ноги засучили по стенке, ногти заскребли по полу. Он лежал несколько секунд, вспоминая, как сюда попал и что случилось, затем выругался и пополз к двери.

Это словно спустило пружину. Прятавшийся парень резко вскочил и случайно опрокинул на меня кресло – как раз в тот момент, когда я поднимал револьвер. Прежде чем я успел отбросить кресло, комната

опустела. По лестнице загрохотали шаги, потом на улице взревел автомобильный двигатель, и все стихло.

Преследовать их не было смысла. Я чиркнул спичкой, нашел выключатель и зажег свет. Стоило мне оглядеться, как я понял, что они здесь делали. Одну стену занимал большой стеллаж. Половина книг лежала на полу, в беспорядке разбросанные, часть разодрана.

Я сунул револьвер в наплечную кобуру и продолжил их работу с того места, где они остановились. При свете дело пошло лучше. Вдруг одна из книг легко раскрылась, и из вырезанной в страницах ниши выпала маленькая книжечка.

Кто-то крикнул на улице, этажом ниже хлопнула дверь. Я упрятал книжечку за ремень сзади, схватил шляпу и плащ и совершил сумасшедшую пробежку по лестнице, причем последний пролет к открытой парадной двери пронесся, перепрыгивая через две ступени.

Что-то невообразимо тяжелое ударило меня в шею, и в голове взорвался фейерверк диких звуков и вращающихся огней. Тело больше мне не принадлежало. Оно превратилось в жидкую кашицу: но боли не было, а было какое-то светло-розовое оцепенение, внезапно нарушенное другим цветом, но на этот раз ярко-красным. Я почувствовал удар в грудь и в последний момент просветления понял, что попал в ловушку – кто-то в упор влепил в меня пулю.

Сколько я лежал там, сказать не могу. Меня заставил очнуться звук – высокий плачущий вой сирены. Я вскарабкался на ноги, держась за перила, машинально подобрал шляпу и, пошатываясь, вышел за дверь. На улице собралась толпа, но если меня и заметили, то виду никто не подал. Сейчас я был рад дождю и мраку, окутавшим меня непроницаемой пеленой, и поплелся на поиски машины. Найдя же ее, свалился на сиденье и из последних сил захлопнул за собой дверцу. Грудь казалась смятой в лепешку, а в голове, как в кузнице, с грохотом работали гигантские меха, раздувающие языки пламени по всему телу.

Визжали тормоза полицейских машин, слышался топот ног, возбужденно гудела толпа, разрастающаяся с каждой минутой... Терпеть больше не было сил. К дьяволу все и вся. Я позволил глазам закрыться и свалился вниз, ткнувшись носом в залежи пыли.

...Струйки дождя били в открытое окно и ручейками стекали по телу. С трудом разлепив веки, я уперся руками в пол и с грехом пополам сел за руль.

Толпа разошлась, полиции не было, улица опять опустела. Только дождь – потоки воды, омывающей тротуары, – и черные квадраты окон. Мой мозг медленно очищался от тумана. Я сунул руку под пиджак и вытащил револьвер, вернее то, что от него осталось. Пуля угодила в спусковой механизм и сплющилась в опасную уродливую амебу. В груди горело адское пламя, но кожа не была даже поцарапана.

А кто-то думал, что мне каюк.

Я потянулся к поясу – книга была на месте. Прошло еще десяток минут, пока я не почувствовал себя в состоянии держать руль. Я врубил мотор и зажег фары.

Кольцо Рыжей не блеснуло мне в тусклом свете приборной панели. На моем пальце, откуда его в спешке содрали, красовалась свежая царапина. Кольцо исчезло. За ним пришли раньше, чем я ожидал.

Глава 10

Время ничего не значило для Лолы. Она сказала, что будет ждать, и ждала. Во всем доме светилось только ее окно, и я видел, как дважды падала на шторы ее тень.

Я шел от машины и жалел, что на тротуаре нет ковра, который хоть немного смягчил бы боль в ногах. Каждый шаг отдавался в голове, будто горящей огнем, а когда я закурил, дым судорогой свел легкие и тысячью ножей впился в ребра.

Лестница казалось длиной в милю. Я поднимался на пару ступенек, отдыхал, затем снова поднимался.

Добравшись до двери, нажал на звонок и, не отпуская кнопки, привалился к косяку.

Послышались торопливые шаги. Дверь распахнулась.

Я не предполагал, что выгляжу так плохо. Лола вздохнула:

– О, Майк! – и нежно погладила мое лицо. Потом взяла меня за руку и ввела в комнату.

– Я сейчас не совсем в форме.

Мне нелегко было улыбаться.

Лола посмотрела на меня и покачала головой.

– Когда-нибудь... ты придешь ко мне... когда не будешь нуждаться в больничном уходе?

Она была прекрасна, эта женщина, почти такая же высокая, как я, в зеленом переливающемся платье, под которым при каждом движении вырисовывались контуры ее тела. Я любовался ей, вдыхая запах ее духов. Ее мягкие нежные волосы волной спадали на плечи. И хотелось закрыть глаза и зарыться в них лицом. В Лоле появилась новая красота; или эта красота была всегда, а сейчас раскрылась с особой силой.

Я медленно притянул ее к себе... Ей не надо было говорить, что она – моя. Я знал это.

– Майк...

– Что, милая?

– Я люблю тебя, Майк. Молчи!.. Мне предстоит большой путь...

– Нет, детка. Забудь все, что было. Кто я, черт побери, такой, чтобы поучать других? Я делал то же самое, но для мужчины это почему-то считается естественным. Главное не то, что делаешь, а то, что думаешь. Да я встречал бродяг в притонах, готовых сделать для тебя больше, чем половина прихожан в церкви!

– Но я хочу, чтобы все было по-другому. Я так стараюсь быть хорошей!

Я притянул к себе ее лицо и поцеловал закрытые глаза.

– Ты всегда была хорошей, Лола. Я знаю тебя недолго, но ручаюсь, что ты всегда была хорошей.

Она сжала мою руку и улыбнулась.

– Благодарю вас, мистер Хаммер. С вами так легко... Поэтому я вас люблю. – Пальчиком она закрыла мне рот. – Но все-таки мне еще предстоит долгий путь. Я хочу быть достойной твоей любви.

Я попытался поцеловать ее в нос, но сделал резкое движение и невольно сморщился. Лола сразу все поняла. Озабоченные линии появились в уголках ее глаз. Она указала мне на кресло.

– Опять, Майк?

– Опять.

– Плохо?

– Могло быть хуже. Целились в грудь, но пуля попала в револьвер. Теперь никогда не буду оставлять Бетси дома. Угостили меня и ударом по шее – чуть не оторвали голову.

– Кто... кто это сделал?

– Ха. Было темно, а нас в спешке забыли представить.

Лола ослабила мне узел галстука и расстегнула ворот рубашки, села на подлокотник кресла и погладила меня по шее. Ее пальцы, длинные и прохладные, ласкали раны и убирали боль. Я откинул голову и закрыл глаза, наслаждаясь прикосновениями, ее близостью. Она напевала песню, низким грудным голосом, пока я совсем не расслабился.

– Они отняли кольцо Нэнси.

– Да.

Это был не вопрос, а, скорее, утверждение, что она готова слушать меня, когда я смогу говорить.

– Я разыскал пристанище Мюррея. Двое его ребят рылись там в книгах. Он, наверное, не успел им сказать, где это лежит.

– Нашли?

– Нет, нашел я.

Ее руки гладили мои плечи, массируя мышцы.

– Что же это?

– Книжка. Маленькая книжка, спрятанная внутри другой книги.

Не открывая глаз, я потянулся и вытащил ее из кармана. Послышался шорох страниц.

– Здесь какая-то тарабарщина.

– Не удивительно.

Я отвел с шеи руку Лолы, поцеловал ее и взял книжку.

Блокнот в кожаном переплете, как раз по размеру внутреннего кармана пиджака. Строчки шли по странице прямо, будто проведенные по невидимой линии. Почерк мелкий и аккуратный.

Буквы, числа. Заглавные буквы, маленькие буквы. Бессмысленные, на первый взгляд, знаки. И все же во всем этом чувствовался порядок. Я быстро пролистал страницы. Примерно четверть книжки оставалась пустой.

Лола смотрела через мое плечо.

– Что это, Майк?

– Код.

– Ты можешь его прочесть?

– Нет, но специалисты смогут. А может и тебе удастся. Посмотри, нет ли чего-нибудь знакомого.

Прикусив нижнюю губу, Лола внимательно следила за моим пальцем, скользящим по строчкам. В конце каждой страницы она качала головой, и я переворачивал на следующую.

Она знала не больше меня. Я уже собирался закрыть книжку, когда ее рука сжала мое запястье.

– Что, это? – подсказал я.

– Нет, не может быть.

Лола нахмурилась.

– Скажи мне, детка.

Ее палец дрожал, указывая на значок.

– Очень давно... я как раз зашла в контору Мюррея, когда ему позвонили. Он поговорил и что-то записал в блокноте. Мне кажется... мне кажется, вот это... Позже он сообщил мне о "задании".

– Кто это был?

– Я... я должна?

Она молила меня не заставлять ее вспоминать.

– Только сейчас, крошка.

– Имени не помню, – быстро проговорила Лола. – Он был не из города. Жирный и скользкий; я ненавидела его. Майк, пожалуйста, не надо больше, не надо.

– Хорошо, хватит.

Я закрыл книжку и положил ее на стол. Мяч пошел в игру; скоро покатятся головы. Я потянулся за телефоном.

Пат был в постели, но не спал. В его голосе сквозило напряжение.

– Я ждал твоего звонка. Что происходит?

– Хм, недурно бы знать. Может, поделишься?

– Конечно. В конце концов, эту кашу заварил ты.

– Осложнения, Пат?

– Еще какие. Мы допросили Мюррея. Естественно, тот ни сном ни духом. По его словам, Энн Минор – взбалмошная истеричка. Он давно хотел ее рассчитать и уверен, что она почувствовала это и еще больше взбесилась. Не был удивлен, когда мы сказали, что она покончила самоубийством.

– Ясно.

– Конечно, Мюррей сообразил, что дело не только в Энн Минор, что здесь кроется нечто большее. Через тридцать минут после того, как мы его отпустили, как будто ад взорвался. И все шишки посыпались на меня. До сегодняшнего дня я не подозревал, что политики настолько грязны. Да, заварил ты кашу, братец.

– Я ее и расхлебаю. А в квартире Энн... никаких отпечатков?

– Практически ничего. Ванна чиста, как зеркало. Нашли несколько ее волосков, но все остальное смыто. Мы взяли пробу воды. Сработало – следы того же мыла.

– Вы расспрашивали о предсмертной записке?

– Черт побери, у меня не было времени! Двое моих людей начали болтать кое с кем из "Зеро-Зеро", но

их сразу же позвали к телефону. И посоветовали не ввязываться в это дело во избежание неприятностей.

– Ну, а они?

В тоне Пата появилась злость.

– Не испугались. Выяснили, что звонили из автомата у метро. Тогда они связались со мной, и я велел действовать смелее и напористей.

Я засмеялся.

– Ага, сердишься?

– Еще как! Люди платят за защиту. Интересно, за кого они принимают полицию? За частную прислугу?

– Некоторые, да, – раздраженно подтвердил я. – Слушай, Пат, у меня тут кое-что для тебя есть. Понимаю, уже поздно и все такое прочее, но дело важное. Приезжай поскорее, хорошо?

Он не задавал вопросов. Я продиктовал ему адрес Лолы и повесил трубку.

Лола сходила на кухню за пивом, открыла бутылку и протянула мне большой стакан.

– Что там? – спросила она, устроившись в кресле напротив.

– Думаю, кое-кого мы хорошенько потрясем.

– Мюррея?

– И его тоже.

Мы молча потягивали пиво. Лола переместилась на диван, соблазнительно свернувшись калачиком.

– Ты пойдешь ко мне, или я пойду к тебе? – шаловливо улыбнулась она.

– Я пойду к тебе.

Лола подвинулась, освобождая для меня место.

– Одну руку мы удержим от осложнений.

– А что с другой рукой?

– Пускай попадает в осложнения.

Я рассмеялся и с такой силой прижал ее к себе, что она засопела в мое плечо:

– Майк... это довольно приятно.

Я не мог с ней не согласиться. Когда пиво кончилось, Лола принесла еще и вернулась в мои объятия. Возможно, мне следовало думать о Нэнси, что-то орга-

низовывать, куда-то спешить, но было так хорошо просто сидеть с ней рядом, смеясь над глупостями... Такая девушка может вернуть вам то, что, казалось, давным-давно потеряно.

Пат приехал слишком быстро. Лола с улыбкой открыла дверь, а я крикнул:

– Лола, познакомься с Патом Чамберсом, прекраснейшим из прекрасных.

– Привет, Лола, – произнес Пат, входя в комнату и швыряя шляпу на диван. Он не собирался тянуть время. – Выкладывай. Что там у тебя?

Лола взяла со стола книжку, и я вручил ее Пату.

– Из коллекции Мюррея. Шифр. Вы сможете разобраться в нем?

Его губы сжались в узкую бледную линию.

– Код памяти. Проклятье!

– Что?

– Это код памяти, ставлю руку на отсечение. Каждый символ обозначает вещь, известную только одному человеку.

Я опустил стакан.

– Ребята в Вашингтоне ведь разгадали шифр япошек, а?

– Да, но это совсем другое дело. – Пат покачал головой. – Вот представь себе. Предположим, ты сказал мне слово, значения которого я не понимаю. Как мне догадаться? Если ты не будешь повторять его, используя различные символы и сочетания букв, которые ты держишь в памяти, я не смогу даже подступиться.

– Нужна хорошая память?

– Собственно, запоминать не так-то много. – Пат постучал по книжке. – При известном усердии может каждый.

Я потянулся за стаканом и плеснул в него то, что оставалось в бутылке.

– Похоже, Лола узнала один из знаков. Мюррей употреблял его для обозначения некоего "заказчика". Эта маленькая книжица – список клиентов и весь бюджет.

Пат вскочил на ноги, и в его глазах сверкнул огонь.

– Где ты ее достал?

– На квартире Мюррея в Виллидже. Пока вы задавали ему вопросы, он послал за ней своих ребят. А я их там застал. Из-за этого проклятого шифра они пытались меня пристукнуть.

– Можешь сказать, кто "они"?

– Нет, лиц я не видел. Но у одного должен быть порез на руке и красный синяк на лбу. Порасспрашивай в клубе. Думаю, это телохранители Мюррея.

– Я передам книжку экспертам. Если что-нибудь получится, сразу же сообщу.

– Хорошо.

– Как мне с тобой связаться?

– Я сам с тобой свяжусь.

– Не понимаю, Майк. Ты?..

Он замолчал, увидев выражение моего лица.

– Меня считают мертвым.

– Боже мой!

– Там у Мюррея было трое парней. Один – отдельно. Ему нужно было только кольцо Рыжей. Он стрелял в меня и весьма удивится, обнаружив, что я жив.

Пат сообразил сразу.

– Тот же парень убил блондинку, обыскал твою квартиру и следил за тобой, пока не представился удобный случай.

– Ага. В темном подъезде.

– И его интересовало только кольцо?

Да. У меня была эта книжка, но он даже не удосужился поискать.

– Итак, существуют две группы. Обе охотятся за тобой, однако по разным причинам.

– Возможно, причина одна, но им это неизвестно.

По его лицу расплылась усмешка.

– Они желают увидеть твое тело. Они захотят узнать, что с твоим телом.

Я кивнул.

– Пусть помучаются. Пусть думают, что полиция специально держит все в тайне. Пусть решат, что у вас козырной туз в рукаве. Посмотрим, что выйдет.

Пат удовлетворенно хмыкнул и направился к двери, на ходу уже прикидывая различные варианты. Он повернулся, рассеянно махнул и вышел.

Лола взяла пустую бутылку и искоса посмотрела на меня.

– Если ты такой мертвый, то мне не терпится дождаться твоего воскрешения.

Я послал ей воздушный поцелуй, и она пошла на кухню. Вернулась Лола с несколькими бутылками пива и уже в другом настроении.

– Ты можешь рассказать мне... об обыске?

Я описал, опуская некоторые детали, самое основное, что произошло. Она буквально впитывала каждое слово, пытаясь следовать за моими рассуждениями. Я закончил и дал ей время переварить информацию.

– Детская одежда, Майк... Сходится.

– Что сходится?

– У Нэнси на животе были следы операции. Я никогда не спрашивала ее...

– Ребенок родился мертвым.

– Отец?

– Неизвестен.

Лола о чем-то задумалась, покусывая ногти.

– Фотографии, которые были украдены...

– Ее снимки в юности.

– Не это.

– А что тогда?

– Тот тип, что тебя подстерег, такой небрежный... ты сказал, он взял только кольцо... не искал книжечку, которая была у тебя...

– Он не знал, что она у меня.

– Нет, я не то имею в виду. Может быть, он просто взял фотографии. Взял, не глядя.

Я начал понимать, но хотел убедиться.

– К чему это ты, Лола?

– У Нэнси была камера – одно время она работала в фотоателье "Момент". Может, они искали карточки, которые она снимала. А эти прихватили случайно.

Разумно. Я поцеловал ее в шею.

– Но, умница моя, ты же сказала, что Нэнси не пойдет на шантаж.

– Я сказала: думаю, что Нэнси не пойдет на шантаж. Я и сейчас так считаю. Однако, кто знает?

– Понимаешь, мы опять выходим на Финнея Ласта!

Лола накрыла мою руку своей, погладила пальцы.

– Майк, не горячись. Надо все хорошенько взвесить. Обычный головорез...

– Нет, это он. Возможно, я его недооценил. Итак, у Нэнси имелся материал для шантажа... По словам Финнея, фотографии одного типа в отеле с девочкой. Кто этот тип и кто крошка? Может, сама Нэнси? Если у нее был хороший аппарат, съемка могла вестись автоматически, через определенные интервалы времени. Финней пронюхал об этом и решил заполучить снимки. Черт побери! Они вместе могли задумать этот шантаж!

Одно мы знаем: Финней обыскал ее комнату. Ублюдок не брезговал ни малейшей возможностью. Но вот загвоздка: у Финнея есть алиби. Когда Нэнси была убита, он сопровождал Берин-Гротина.

– К тому же полиция уверена, что парень наехал на Нэнси случайно, – добавила Лола. – Как ты это совместишь?

У меня снова заболела грудь, и я откинулся на спинку дивана.

– А, не знаю. Какая-то белиберда! Если это несчастный случай, то кто и зачем снял кольцо? И почему так необходимо было получить его обратно? Какова роль кольца?

Я закурил сигарету, глубоко затянулся и закрыл глаза. Тишину нарушила Лола.

– Майк, послушай. У Нэнси были какие-то важные снимки. Их искали в ее квартире и, очевидно, не на-

шли. Тогда переворошили твою квартиру и забрали фотографии, которые, судя по всему, интереса не представляют. Хорошо... а где же нужные?

Боже, какой невообразимый идиот! Я смял сигарету в руке и не почувствовал ожога. Фотографии, фотографии... У Нэнси были снимки всех и каждого, и она была готова пустить их в ход, когда вмешался Финней Ласт.

Конечно, как может быть иначе? Дешевый бандит с большими претензиями, увидевший путь к достижению своих целей. Но Нэнси попала под машину и погибла. Возможно, Финней поставил следить за ней парня, который знал достаточно, чтобы догадаться снять кольцо и украсть документы. А зачем? Потому что, когда ее личность будет установлена, кто-то другой может добраться до материала первым. Выходит, кольцо – случайность, а Нэнси – просто шантажитстка...

Чепуха. Она все равно была моим другом. Возможно, Финней не убивал ее, но собирался это сделать и дорого заплатит!.. Блондинка мне тоже нравилась.

– Фотоаппарат, Лола, где он может быть?

Она ответила мне вопросом:

– Разве Нэнси не жаловалась тебе? Дела шли плохо – Финней отгонял клиентов. Ей нужны были деньги. Она заложила камеру.

Каждая мысль порождала следующую. Призрачные пальцы подбирали осколки и раскладывали их по порядку. Этакая игра: сперва кладет соперник, потом я...

У Рыжей наверняка было место, где она могла спокойно оставить снимки, которые и сейчас ждали ее, пока кто-то ищет их и зря тратит время, думая, что я мертв. Финнея Ласта ждет большой сюрприз.

– Завтра начнем, Лола. Я куплю новый револьвер, и мы начнем.

– Кто это "мы"?

– Я и ты, дорогуша. Меня считают мертвым, не забывай. Покойнику не пристало бродить по улицам. Так что завтра твоим бедным ножкам предстоят тяж-

кие испытания – обойти все ломбарды. На квитанции на камеру должен быть адрес, а это все, что нам надо.

Лола усмехнулась, вытянула ноги и медленно, соблазнительно опустила чулки, обнажая округлость икр.

– Говоришь, ходьбы много? – лукаво произнесла она.

Я наклонился и поднял чулки, что было совсем не похоже на меня; но дело стоило того, потому что Лола откинула голову назад и засмеялась, и я поцеловал ее, прежде чем она успела закрыть рот. Ее руки обвились вокруг моей шеи, и она прошептала.

– Я люблю тебя, Майк, я люблю тебя, люблю тебя, люблю...

Я хотел сказать ей то же самое, но Лола поняла это и остановила меня поцелуем. Затем встала и разложила постель. Я сбросил туфли и швырнул галстук на стул.

– Иди спать. Отметим твое воскрешение в другой раз. Спокойной ночи, Майк.

Я лежал и думал, просто ли я устал или влюблен.

Я решил, что просто устал, и, улыбаясь, заснул.

Глава 11

Меня разбудили ароматы кофе и шипящей на сковороде яичницы с беконом. Я зевнул, потянулся и ожил, когда вошла Лола, такая же красивая утром, как и ночью.

– Завтрак подан, мой господин.

Она вернулась на кухню, а я влез в брюки и последовал за ней. За столом выяснилось, что Лола уже звонила на работу, сказалась больной и получила разрешение несколько дней оставаться дома.

– Я вижу, у тебя там солидное положение.

Она сморщила носик.

– Им нравится моя техника моделирования.

Закончив завтрак, Лола прошла в спальню и одела костюм, уложив волосы под шляпку и решительно убрав почти всю косметику, что вовсе не портило ее вид.

– Надо выглядеть так, чтобы все решили, что я могу делать покупки только в комиссионках и ломбардах, – объяснила она.

– В это никто не поверит, милая.

– Прекрати подлизываться.

Лола стояла перед зеркалом, там и тут внося последние поправки.

– Так что мне говорить, Майк?

Я развалился в кресле и вытянул ноги.

– Возьми телефонную книгу, составь список всех магазинов и действуй. Ты знаешь камеру... она может быть на витрине, может быть на полках. Как увидишь, покупай. Помни, нам нужен адрес на квитанции. Придумай какую-нибудь историю... веди себя естественно.

Я достал бумажник и выбрал несколько банкнот.

– Возьми. На такси, чаевые и камеру. Если найдешь ее.

Лола положила деньги в кошелек.

– Майк, только честно: ты веришь в успех?

– Видишь ли, это единственный шанс. Другой нити у нас в руках нет.

– Ты будешь здесь?

– Возможно, не знаю.

Я записал свой домашний адрес и адрес конторы, а затем добавил телефон Пата.

– Ищи меня в этих местах. Если попадешь в переделку, а меня поблизости не будет, обратись к Пату. Все ясно?

Она кивнула.

– Кажется, да. Должна верная жена, отправляющаяся на работу, получить прощальный поцелуй от ленивого супруга?

Я схватил ее за руку и притянул к себе, чувствуя, как по телу разливается огонь возбуждения.

– Не хочу уходить, – сказала Лола. Она улыбнулась и с порога махнула мне.

Как только она ушла, я подошел к телефону и набрал номер конторы.

– Простите, мистера Хаммера сейчас нет, – ответила Вельда.

– А где он?

– Не могу сказать. Он... Майк! Где тебя черти носят?! Почему бы тебе не заняться делом? Я никогда...

– Спокойней, цыпка. Мною интересовались?

– Еще как! Я не успевала отвечать.

– Кто звонил?

– Во-первых, человек, который пожелал остаться неизвестным; по его словам, дело конфидециальное, обещал позвонить позже. Затем два возможных клиента; я объяснила, что ты занят, но каждый из них считал, что ради него ты бросишь все остальное.

– Они назвались?

– Да. Оба по имени Джонсон. Марк и Джозеф Джонсоны, не родственники.

Я хмыкнул. Джонсон, пожалуй, самая распространенная фамилия в телефонном справочнике.

– Кто еще?

– Тип по имени Кобби Беннет. Я замучилась, пока записывала его имя, потому что он был почти в истерике. Кричал в трубку, что ты ему немедленно нужен, зачем – не говорил. Номера не оставил, с того времени звонил трижды.

– Кобби!.. Ладно, продолжай.

– Мистер Берин-Гротин. Хотел узнать, вовремя ли поступил в банк его чек. Я сказала, что ты с ним свяжешься. Он попросил не беспокоиться, если все в порядке.

– Все не в порядке, но беспокоиться уже поздно. Сиди у телефона, детка. Отвечай в таком же духе любому. Запомни одно: ты понятия не имеешь, где я, и ничего обо мне не слышала со вчерашнего дня. Поняла?

– Да, но...

– Без "но". Говори свободно только с Патом и с девушкой по имени Лола. Если у них будут новости, попробуй найти меня дома или здесь.

Я продиктовал номер Лолы и подождал, пока она его записала.

– Майк... что это? Почему ты не можешь...

Мне уже надоело повторять.

– Меня считают мертвым, Вельда. Убийца думает, что я не ушел.

– Майк!

– Не волнуйся, я даже не поцарапан. Пуля попала в револьвер. Кстати... надо купить новый. Пока, малышка, до встречи.

Я повесил трубку и сел на край стула, потирая руками лицо. Кобби Беннет в истерике и желает меня видеть; не говорит, зачем... Интересно, кто из звонивших был убийцей, желающим удостовериться, что я покинул бренный мир?.. По крайней мере, мне известно, кто такой Кобби.

Я надеялся, что сумею его разыскать.

Пальто помялось – лежало на стуле, – а костюм без револьвера под мышкой висел мешком. Кобура заполнила пустое пространство, но заменить оружие не могла. Я захлопнул дверь, спустился по лестнице и вышел на улицу.

На Девятой авеню я взял такси и поехал в оружейную на Ист-сайд. Владелец магазина, судя по возрасту, стрелял еще из кремневых ружей. Не задавая вопросов, он изучил мою лицензию, сравнил фотографию с оригиналом и кивнул. Я выбрал армейский револьвер 45-го калибра и забрал свою покупку вместе с напоминанием сообщить в полицию об изменении номера оружия в билете.

...Если бы солнце сейчас клонилось к закату, мне бы ничего не стоило найти Кобби Беннета. В разгар дня сделать это было гораздо труднее. В табачной лавке на углу я наменял кучу мелочи и устроился в телефонной будке, обзванивания все его любимые заведения. И везде мне давали одинаковый ответ. Кобби Беннет исчез. Многие желали знать, кто я. "Друг", – отвечал я и вешал трубку.

Город в определенном отношении как джунгли – потеряться в миллионах его жителей проще простого. Сегодня я был этому рад. Можно бродить по улицам неделю, не будучи узнанным, если, конечно, быть достаточно осторожным, чтобы не привлекать внимания. Мимо проехало такси. Я свистнул и, когда оно остановилось, с удовольствием сел. Сказав, куда ехать, я задернул шторку и стал массировать шею.

Кольцо Рыжей потеряно. Нэнси – шантажистка? У меня из головы не выходил ее взгляд – в тот момент, когда я протянул деньги. Никогда не забуду его, потому что я сказал ей: этот род занятий – убийство.

Я и не знал, насколько был прав.

Нэнси, девушка с манерами леди и привычками бродяги. Девушка, которая вынуждена была продавать себя, чтобы жить. Нежная добрая девушка, которая должна проводить вечера дома, готовя ужин для любимого человека. Вместо этого ее терроризировал бандит. Я предложил ей помощь, и ее глаза засветились, как свечи на алтаре...

– Приехали, мистер, – сказал шофер.

Я просунул в окошко деньги и вышел, ища знакомую голубую форму. Я собирался найти Беннета кратчайшим путем. Полицейский шел мне навстречу, и я уставился в витрину, пока он не миновал меня, а потом ленивым шагом направился вслед за ним.

Люди привыкли к полицейскому. Для них он незаметный постовой или заурядное лицо в патрульном автомобиле. Они забывают, что у полицейского есть глаза и уши, и он может думать. Они не догадываются, что иногда полицейскому может нравиться его работа. Улица – его владения. Он знает каждого, знает, кто чем занимается и как проводит свободное время. Иногда ему даже не хочется принимать повышение, потому что оно отрывает его от друзей и приковывает к столу. Мой полицейский походил именно на такого человека. В его походке чувствовалась устремленность, в осанке – гордость. Он здоровался с женщинами, сидя-

щими у дверей, и кивал малышам. Когда-нибудь, если случится беда, они будут кричать и звать его.

Полицейский зашел в бар, вскарабкался на табурет, а я занял место рядом с ним. Он снял фуражку, заказал корнбиф с капустой. Я взял то же самое. Ели мы оба в молчании. Вскоре двое сидевших рядом парней расплатились и ушли. Это была возможность, которую я ждал.

Развернув перед собой, как экран, газету, я достал удостоверние и значок. Полицейский, увидев их, нахмурился.

– Майк Хаммер, частный детектив. – Я говорил тихо, не переставая жевать. – За меня может поручиться Пат Чамберс. Мы работаем вместе по одному делу.

Он еще больше помрачнел, и на его лице появилось недоверие.

– Мне нужно найти Кобби Беннета, – продолжал я. – Немедленно. Вы знаете, где он?

Полицейский разменял мелочь, прошел в телефонную будку и закрыл за собой дверь.

Через минуту он вернулся и вновь принялся за корнбиф. Затем отодвинул тарелку, придвинул к себе кофе и, казалось, впервые заметил меня.

– Прочитали газету, приятель?

– Да.

Я передал газету. Он выбрал из кармана очки в роговой оправе и углубился в бейсбольные счета. Губы его шевелились, как бы при чтении:

– Кобби Беннет прячется в доме кварталом западнее. Испуган до смерти.

У нас забрали грязную посуду. Я взял пирог и еще кофе, неспеша поел, потом заплатил и вышел из бара. Полицейский все еще читал газету. Он ни разу не оторвал от нее взгляда и будет сидеть так, вероятно, еще минут десять.

Я нашел дом, а Кобби Беннет нашел меня. Он выглянул из окна, и я заметил белое, искаженное ужасом лицо.

– Сюда, сюда, Майк!

Теперь я внимательно смотрел, куда иду. Здесь было полно подозрительных углов. Едва я добрался до площадки, как Кобби схватил меня за рукав и втянул в комнату.

– Господи, как ты меня нашел?! Я никому... Кто тебе сказал, что я здесь?

Я оттолкнул его.

– Тебя не трудно найти, Кобби. При достаточной сноровке можно найти любого.

– Не говори так, Майк! Боже, ты меня нашел, это плохо. Предположим...

– Заткнись! Ты хотел меня видеть? Я здесь.

Кобби задвинул засов на двери и забегал по комнате, теребя руками лицо и волосы.

– Они меня ищут, Майк. Я вовремя убрался.

– Кто "они"?

– Ты должен мне помочь. Господи, Майк, из-за тебя я влип, ты меня должен и вытянуть. Меня ищут, понимаешь? Надо смыться из города!

– Кто "они"? – повторил я.

До него, наконец, дошло.

– Не знаю. Не знаю. Что-то большое. Что-то бурлит в городе, что-то готовится... Не понимаю, что. Знаю одно: мне каюк, потому что меня видели с тобой. Что делать, Майк? Здесь оставаться нельзя. Ты их не знаешь. У них не бывает осечек.

Я встал и потянулся, стараясь показать, что мне это надоело.

– Ничего не могу тебе посоветовать, Кобби, пока ты все не расскажешь. А не хочешь – пошел к черту.

Он схватил мой рукав и повис на нем.

– Нет, Майк, не надо... Я все скажу, только я ничего не знаю. Я просто что-то почувствовал. Насчет Рыжей. Прошлым вечером видел в городе кое-каких людей. Не местных. Они приезжали сюда прежде, когда были неприятности, и после этого исчезло несколько парней. Ясно, зачем они явились – за мной... и за тобой, возможно.

– Продолжай.

– Существует рэкет, понимаешь? Мы платим за защиту, и платим немало. Пока мы платим, все идет гладко. Но, черт побери, кто-то видел, как я с тобой болтаю, и вот...

– Как они узнали, что ты мне говорил?

Лицо Кобби стало мертвенно-белым.

– Кого это волнует? Я связан с тобой, а ты связан с этой Рыжей!.. Почему она не сдохла раньше?!

Я ухватил его за рубашку и подтащил к себе.

– Заткнись, – процедил я сквозь зубы.

– Ах, Майк, я не хотел... Я только пытаюсь рассказать...

Я отпустил его, и он попятился назад, вытирая лоб рукавом. В слезинке, покатившейся по щеке, блеснул лучик света.

– Я не хочу умирать, Майк. Ты можешь что-нибудь сделать?

– Не исключено.

Кобби с надеждой посмотрел на меня и облизал пересохшие губы.

– Да?

– Думай, Кобби, думай. Думай о парнях, которых ты видел. Кто они такие?

Морщины на его лице углубились.

– Убийцы. Мне кажется, из Детройта.

– На кого они работают?

– Наверно на того, кто заправляет всем рэкетом.

– Имена, Кобби.

Он беспомощно покачал головой.

– Я маленькая сошка, Майк. Откуда мне знать? Каждую неделю я передаю четверть выручки парню, который передает ее дальше по цепочке. Я даже не хочу знать. Я... я боюсь, Майк. Ты единственный, к кому я могу обратиться. От меня теперь будут шарахаться, как от чумы.

– Кто-нибудь знает, что ты здесь?

– Ни одна живая душа.

– А домохозяйка?

– Я не представлялся. И ей все равно. Как ты нашел меня, Майк?

– Не беспокойся, этим способом твои знакомые не воспользуются. Вот что нужно тебе сделать: сиди тихо, из комнаты носа не высовывай, даже на лестницу. К окну не подходи и убедись, что двери заперты.

Кобби схватил мою руку, глаза его расширились.

– У тебя есть план? Ты думаешь, я смогу выбраться?

– Посмотрим... Еды достаточно?

– Консервы и две бутылки пива.

– Хватит. Запоминай: завтра вечером ровно в девять тридцать ты должен отсюда выйти. Спускайся по улице, заверни направо и иди себе, будто ни в чем не бывало. Здоровайся с каждым знакомым. Только все время иди. Понял?

Маленькие капли пота выступили у него на лбу.

– Господи, ты хочешь, чтобы меня убили? Я не могу...

– Тогда тебя пристукнут здесь... если не подохнешь раньше с голоду.

– Нет, Майк, я не возражаю! Но, боже, идти по улице!..

– Ты согласен? У меня нет времени, Кобби.

Он рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

– Д-да. Да. В девять тридцать. – Его голова дернулась, на глазах навернулись слезы. – Что ты придумал? Ты можешь мне скзать?

– Не могу. Делай, что велено. Тогда исчезнешь из города и спасешь свою шкуру. Но я хочу, чтобы ты кое-что хорошенько запомнил.

– Что?

– Никогда не возвращайся.

Я оставил его плачущим и дрожащим.

На город спустились преждевременные сумерки, небо застилали тяжелые тучи. Не успел я дойти до станции, как вновь зарядил дождь. Поезд только что ушел, и в оставшиеся пять минут я позвонил Лоле. Никто не ответил. Тогда я набрал номер конторы, и Вельда

сообщила, что день выдался на редкость спокойный. Трубку пришлось повесить, прежде чем она начала задавать вопросы: уже подходил поезд.

На Пятьдесят девятой я схватил такси и приехал к стоянке, где бросил машину. Мне показалось, что навстречу идет знакомый, и ничего не оставалось делать, как спрятаться. Неприятно все-таки играть покойника.

Усилился ветер, больно хлестали косые струи дождя. Редкие незадачливые пешеходы пытались ловить неостанавливающиеся такси и жались под навесы. Каждый раз, стоя перед светофором, я видел размытые очертания бледных лиц за витринами магазинов. Все с тоской глядели на низвергающиеся потоки воды...

Дождь мог сильно затруднить поиски камеры, а время так дорого! Проклятая камера. Зачем она вообще понадобилась Рыжей? Стоп! Лола говорила о работе в каком-то фотоателье, вроде "Момент"... Я подъехал к магазину, дождался секундного затишья, выскочил из машины и пробился через небольшую толпу, собравшуюся у входа.

В телефонном справочнике ничего похожего на "Момент" не оказалось. Я купил сигарет и спросил у продавца, нет ли у него старого манхаттанского указателя. Он сперва покачал головой, потом скрылся в задней комнате и вернулся с потрепанной книгой, покрытой пылью.

– Обычно их забирают, – пояснил он, – но эту забыли. Вчера случайно заметил ее на полке.

Я принялся листать. Вот: телефон и адрес на Седьмой авеню. Когда я набрал номер, раздались потрескивания, и оператор сообщил, что такого абонента нет.

Вот и все. Почти. Может быть, контора еще существует, только без телефона.

Узнав, что я еду в центр, один парень попросил подвезти его. Всю дорогу он развлекал меня непрекращающейся болтовней, которую я не слышал, затем поблагодарил меня и, шлепая по лужам, исчез в дожде.

Сзади прозвучали сердитые гудки и предупреждающий свисток полицейского. Я очнулся и стал внимательнее смотреть по сторонам. А через минуту не сдержал грязного слова: в киоске у метро продавали вечерние газеты, и каждая кричала на весь мир, что полиция начала чистить город.

Кто-то заговорил.

Остановившись у очередного светофора, я крикнул мальчишке, чтобы принес газету, и дал ему даллар за труды. Ну да, вот: шапки, заголовки и подзаголовки. Полиция располагает сведениями о гигантской преступной организации.

Пат, наверное, сошел с ума. Теперь все крысы дадут деру! Черт бы побрал эти газеты! Почему они не могут помолчать?

Зажегся зеленый свет, и я тронулся с места. Пришлось объехать квартал с односторонним движением и втиснуться между грязным грузовиком и маленьким седаном. Нужный мне дом оказался старым, обшарпанным зданием с заколоченной лавкой тканей на первом этаже.

Я позвонил; через минуту зашумел лифт. Открылась узкая дверь, и на меня выжидательно посмотрел парень с недельной щетиной на лице.

– Где можно найти сторожа?

– Фто фы фосисе?

Я вытащил значок и монету.

– Частный детектив.

Он сплюнул табачную жвачку в шахту лифта и засунул монету в карман.

– Я сторож. Слушаю вас.

– Меня интересует ателье "Момент". Оно было зарегистрировано здесь.

– Э-э, когда еще... Уже больше года, как выехали.

– Теперь никого нет?

– Никого. Какой идиот захочет арендовать помещение в такой дыре?

– Можно посмотреть?

– Конечно, пойдемте.

Мы поднялись на четвертый этаж. Здесь сторож остановился и включил свет в коридоре.

– Комната 209.

Дверь была заперта. Парень поколдовал над выключателем, и комната осветилась.

Кто-то убирался отсюда в такой спешке, будто за ним по пятам гнался дьявол. На полу, покрытом паутиной, валялись пленки и негативы. Занавесей на окнах не было, но толстый слой грязи надежно защищал от солнечных лучей. И повсюду тончайшей пудрой лежал гипосульфит.

Я поднял несколько фотографий: парочки, гуляющие под ручку; парочки на скамейках парка; парочки, выходящие из бродвейских театров. На обратной стороне снимков карандашом были проставлены номера.

Боковую стену занимал стеллаж с выдвижными ящиками. На одном было написано: "Нэнси Сэнфорд". Там лежали квитанции и смятая записка – напоминание заказать пленку. Изящный почерк, очень женственный. Наверняка Нэнси. Я взял записку и положил ее в карман.

Сторож торчал в дверях, молча за мной наблюдая. Он несколько раз вздохнул и, наконец, промямлил:

– Знаете, это место было не таким, когда они выезжали.

Я замер.

– Не понял.

Он сплюнул на пол.

– Тогда все аккуратно было сложено в углу. А сейчас будто расшвыряли.

– Кому принадлежало дело?

– Забыл имя этого типа. – Он пожал плечами. – Однажды прикатил сюда на нескольких машинах, сложился, заявил, что выезжает – и только его и видели. Жмот страшный – за все время и цента не дал.

– Ну, а люди, которые у него работали?

– Ха, пришли и, обнаружив, что он смылся, разворялись на всю округу. Ну, а я тут при чем? Что мне им, зарплату платить?

Я пожевал спичку, оглядел в последний раз комнату и вышел. Сторож закрыл дверь, снова поколдовал над выключателем, затем зашел за мной в лифт, и мы спустились.

– Узнали, что хотели? – спросил он.

– У меня, собственно, не было определенной цели. Я... э-э... проверяю владельца. Он задолжал некоторую сумму. За пленку.

– Тут внизу еще что-то есть. Меня попросили оставить кое-какие вещи. Я разрешил, когда она дала мне доллар.

– Она?

– Ну. Здесь работала. Рыженькая такая... милая крошка.

Он снова плюнул сквозь коричневые, как глина, зубы, и плевок разбился о стену.

– Ты газеты читаешь? – спросил я.

– Иногда смотрю карикатурки. Четыре года назад разбил очки и все никак не соберусь заказать новые. А что?

– Да так, ничего. Пойдем, взглянем на эти вещи.

Я сунул ему еще пятерку, и она исчезла в том же кармане.

Мы опустились в подвал. Воздух здесь был сырой и пыльный, с затхлым душком, почти как в морге. Ко всем прелестям добавлялся еще и непрекращающийся шорох крыс. Свет не горел, однако у парня оказался фонарь, которым он освещал стены. В темноте блестели бусинки глаз. По спине у меня поползли мурашки.

Луч перешел на пол, и мы остановились перед ящиком, поломанной мебелью и всякой хранимой годами дрянью. Мой гид поворошил этот хлам ручкой метлы, но только вспугнул несколько крыс. Вдоль стен стояли заваленные бумагами полки. Счета и расписки, ветхие гроссбухи и пачки серых листов.

Свет ушел в сторону, и сторож произнес:

– Кажется, вот.

Я подержал фонарь, а парень вытащил скособоченную коробку, перевязанную бечевой. Сверху красным фломастером на ней было выведено: "Осторожно!"

– Точно.

Он кивнул и сжал губы, выискивая, куда бы сплюнуть. Наконец увидел крысу и выпустил заряд. Я услышал, как крыса дернулась, поскребла лапками и свалилась в груду бумаги. Эта штука, которую он жевал, была отравлена, не иначе.

Я развязал веревку. Возможно, я ожидал слишком многого. Моя рука с фонариком слегка дрожала, и, нагнувшись, я затаил дыхание.

Коробка была выложена промокательной бумагой, чтобы поглащать влагу. А на дне, аккуратно разделенные карточками с датой съемки, в два ряда стояли фотографии.

Я разразился всеми грязными словами, которые только знал. Еще одна куча снимков с улыбающимися в объектив парочками!.. Я бы их бросил там, если бы не вспомнил, что они стоили мне пять зелененьких.

У лифта сторож попросил меня расписаться в книге посетителей. Я нацарапал "Дж. Джонсон" и вышел.

В четверть девятого я позвонил Пату домой. Он еще не приходил, и пришлось искать его на работе. Как только я услышал его голос, то понял: что-то стряслось.

– Майк? Ты где?

– Тут поблизости. Что-нибудь новенького?

– Да. – Он глотал слова. – Я хочу с тобой поговрить. Можешь подойти через десять минут в гриль-бар?

– А что?..

– Узнаешь, – перебил Пат и бросил трубку.

Ровно через десять минут я был на месте и нашел Пата в отдельном кабинете. На лбу у него собрались морщины, которых прежде я не замечал. Это его старило. Увидев меня, он выдавил слабую улыбку и махнул на кресло.

На столике лежала расстеленная вечерняя газета. Пат выразительно постучал по кричащему заголовку.

– Что ты об этом скажешь?

Я сунул в рот сигарету и закурил.

– Тебе лучше знать, Пат.

Он скомкал газету и в ярости отшвырнул ее.

Официант принес два пива, и Пат прикончил свое и заказал еще, прежде чем тот ушел.

– На меня давят, приятель. Знаешь, сколько на свете пройдох? Миллионы. Девять десятых из них живут в нашем городе. И все могут голосовать. Они звонят какой-нибудь шишке и говорят, чего хотят. Очень скоро эта шишка получает много одинаковых звонков; значит, надо реагировать. И вот начинается давление. Здорово, да? У тебя на руках такой материал, а ты должен его бросить!

Второе пиво последовало за первым. Я никогда не видел Пата в таком состоянии.

– Я старался быть настоящим полицейским, – продолжал он. – Я старался следовать букве закона и честно выполнять свой долг. Какой обман!.. Мне звонят, напоминают, что я всего лишь полицейский капитан. Сиди, мол, тихо и не рыпайся!

– Ближе к делу, Пат.

– Все сводится к одному: убийство Энн Минор, конечно, можно расследовать, но без далеко идущих последствий.

Я стряхнул пепел с сигареты.

– Ты хочешь сказать, что с системой "девушек по вызову" связаны большие люди, которые не желают, чтобы всплыли их имена?

– Да. Или я продолжаю работу и самым милым образом получаю отставку, или сдаюсь и спасаю свою шкуру.

Я насмешливо покачал головой.

– Такова плата за честность... Что же ты выбираешь?

– Не знаю, Майк.

– Скоро тебе придется решать.

Наши взгляды встретились, и Пат медленно кивнул. Скверная улыбка раздвинула его губы.

– Подскажи.

– Ты делаешь свое дело, а я позабочусь о тех, кто тебя беспокоит. Если понадобится, я вколочу им зубы в глотку с превеликим удовольствием. Дорогостоящие девицы – только одна сторона организованной проституции. Рэкет, шантаж – все тесно переплелось. И ниточки тянутся на самый верх. Но стоит развязать один узел, как посыпется вся сеть. Надо поймать кого-нибудь, кто расколется, и, чтобы спасти шею, начнут колоться остальные. Так мы получим доказательства.

Я стукнул рукой по столу и сжал пальцы в кулак так, что кожа на суставах побелела.

– Сейчас они испуганы, заметают следы. Это паника, а в панике неизбежны ошибки. Нам нужно лишь быть наготове и ждать.

– Да, но сколько?

– Один из их людей взят ими на заметку, потому что болтал со мной. Завтра вечером, ровно в девять тридцать субъект по имени Кобби Беннет покинет дом, где сейчас прячется, и пойдет по улице; где-то они его обязательно засекут. Вот и все: накрыв их там, мы откроем счет. Это снова здорово напугает их. Надо показать, что политикам не удалось замять дело.

– Беннет знает о плане?

– Он понимает, что должен сыграть роль подсадной утки. Это его единственный шанс остаться в живых, другого выхода нет. Ты расставишь по пути своих людей, готовых вмешаться... А Беннет пусть потом убирается. Больше он не вернется.

Я написал на обратной стороне конверта адрес Кобби, пометил маршрут, каким он пойдет, и протянул конверт Пату. Тот осмотрел его и сунул в карман.

– Это может стоить мне работы.

– Это может стоить тебе и головы, – напомнил я ему. – Но если выйдет, звонить и предупреждать не будут, а поспешат смыться из города. Мы ничего не пе-

ределаем – игра стара, как Ева, – но кто-то одумается и станет жить нормально, а кто-то поскорее сдохнет.

– И все из-за одной рыжеволосой девушки.

– Да. Из-за Нэнси. Все из-за того, что ее убили.

– Мы этого не знаем.

– Брось, Нэнси была приговорена. Но я чувствую что-то еще...

– Страховая компания согласна выплатить родственникам, если таковые найдутся.

– Тут-то и зарыта собака, как сказал поэт. – Я поднялся и допил пиво. – Позвоню тебе завтра утром, Пат. Я хочу присутствовать на операции. Дашь мне знать, если расшифруете книжечку.

Он все еще ухмылялся; а в глазах его уже горел огонь, от которого у кого угодно душа могла уйти в пятки.

– Кое-что получается. У Кандида нашли заметки, сейчас их сравнивают с символами в книжке. Так что ему придется попотеть, когда мы его найдем.

Я застыл с открытым ртом.

– То есть как это "найдем"?

– Мюррей Кандид исчез, – сказал Пат.

Глава 12

Сев в машину, я начал думать над тем, что сообщил мне Пат. Исчез Мюррей? Почему? Проклятье, вечно "почему"!.. Удрал на всякий случай? Или его убрали – слишком много знал? Мюррей ловкач и наверняка имел подстраховку – объемистую папку в сейфе адвоката, которая в случае гибели владельца попадает в полицию. Большие люди вынуждены оставить его в живых из боязни замарать себя.

Нет, Мюррей целехонек. Город достаточно велик, чтобы спрятать даже его, но рано или поздно он покажется. Пат предусмотрел это, и теперь каждый автобус, каждый поезд осматривают полицейские. Готов поспорить: не одна только крыса Мюррей спешит покинуть тонущий корабль.

На улице шел дождь – моросящий, холодный, противный. Вечерние толпы заметно поредели. Магазин у дома Лолы еще работал, а буженина выглядела слишком привлекательной, чтобы пройти мимо. Нагрузившись таким количеством продовольствия, которое невозможно съесть и за месяц, я прикрыл голову целофановым пакетом и побежал к подъезду.

Лола лежала в постели с влажным полотенцем на лбу.

– Это я, милая.

– А я подумала, это лошадь несется по ступеням.

Я положил пакет на стул и присел на край постели, потянувшись к полотенцу. Лола улыбнулась.

– О, Майк, как хорошо тебя видеть!

Она обняла меня за шею, закрыла глаза и потерлась волосами о мое лицо.

– Тяжелый день, крошка?

– Ужасный, – пожаловалась она. – Я промокла, выбилась из сил и чертовски голодна. А камеру не нашла.

– По крайней мере, я могу тебя накормить. Все закуплено. И ничего не надо готовить.

– Ты прекрасный человек, Майк. Я бы хотела...

– Что?

– Ничего. Давай поедим.

Я подхватил ее на руки и поднял. Глаза Лолы заблестели, что могло означать многое.

– А ты, оказывается, большая девочка.

– Я должна быть такой... для тебя. На кухню, н-но-о-о!

Она игриво ударила меня по спине.

Я накрыл на стол. Лола сварила кофе. Вместо тарелок были салфетки, между ними лежал нож. Наши колени, когда мы сели, соприкасались.

– Расскажи мне, как прошел день.

– Не о чем рассказывать. Я начала с самого начала списка и обошла пятнадцать магазинов. Ни в одном из них камеры не было и нет. А продавцы встречались такие предприимчивые, что чуть не уговаривали меня купить другую.

– Сколько еще осталось?

– Работы на неделю, Майк. Не слишком ли долго?

– Ничего другого не остается.

– Хорошо. Не беспокойся, я беру это на себя. Между прочим, камеру искал кто-то еще.

Моя чашка застыла в воздухе.

– Кто?

– Какой-то мужчина. Причем – я расспросила продавцов, – его интересовала именно эта камера.

Теперь стоило хорошенько подумать, прежде чем пускать Лолу на поиски.

– Возможно, совпадение... но вряд ли.

– Я не боюсь, Майк.

– Если это не случайность, он скоро узнает про тебя и где-нибудь подстережет. Нет, мне это не нравится.

Она помрачнела.

– Как ты сказал, Майк, я большая девочка. Мне не впервой справляться с мужчиной, если он пристает на улице. Точный удар коленом может наделать много хлопот для парня, а если это не сработает, ну... громкий крик соберет массу героев, готовых защитить честь девушки.

Я рассмеялся.

– Хорошо, хорошо. После такой речи мне страшно будет поцеловать тебя на ночь.

– Майк, с тобой я беспомощней котенка и нема как рыба. Пожалуйста, поцелуй меня на ночь, ладно?

– Я подумаю. Сперва нам предстоит работа.

– Какая?

– Смотреть на фотографии. У меня целая куча снимков, сделанных Нэнси. За них уплачены деньги, так что грех бездельничать.

Мы расчистили стол, и я выбрал фотографии из коробки.

– Половину смотришь ты, половину я. Будь внимательна, вдруг что-нибудь найдем.

Лола кивнула и взяла верхнюю; я сделал то же самое. Сперва я рассматривал каждую карточку очень

тщательно, но фотографии следовали одному образцу, и вскоре я заторопился. Лица и еще раз лица; улыбки, порой удивленные, нарочитые позы... Все снято опять на Бродвее.

На двух снимках мужчина пытался загородить лицо; камера остановила его движение. Я отложил их в сторону – открытая часть лица казалась мне знакомой.

– Майк... – внезапно произнесла Лола.

Она прикусила губу и указала на фотографию: приятная молоденькая девушка улыбалась мужчине средних лет, который сосредоточенно хмурился в объектив.

– Она... одна из нас. Мы вместе... вместе ходили на "задания".

– А мужчина?

– Его я не знаю.

Через пять минут Лола нашла другой снимок: кукольная девушка с застывшими чертами манекена и мужчина, низенький и толстый, в одежде, которая должна была сделать его выше и худее, но делала только еще более низеньким и толстым.

– Она тоже, Лола?

– Да. Но в Нью-Йорке пробыла недолго – умная игра позволила ей выйти замуж. Помню и этого мужчину. У него игорный дом в городе. Кроме того, он немного занимается политикой и на свидания обычно приезжал в государственной машине.

Вот оно. Детали, объясняющие почему. Мелкие подробности, способные превратиться в вопросы первостепенной важности. Стопка откладываемых фотографий росла. Может быть, каждый снимок имел непонятное для нас значение; может быть, большинство из них – лишь камуфляж для обмана посторонних.

Я перевернул снимок и увидел надпись, сделанную карандашом: "Смотри С-5".

Нэнси вела досье?

Осколки начали складываться в одно целое, и уже можно было представить всю картину.

Со следующей фотографией повезло мне. Я так ненавидел некоторых людей, что их лица запечатлелись

в памяти как живые... Со снимка улыбалась молодая двадцатилетняя пара, лучилась надеждой юности, у которой впереди жизнь. Но меня интересовал задний план: мой клиент входил в какое-то здание. На его руке висела трость; за ним закрывал дверцу машины Финней Ласт в униформе шофера. Но главным было выражение лица Ласта – ядовитая ухмылка, полная ненависти, с которой он смотрел на проходящего мимо человека.

А тот был обуян ужасом; даже на снимке было заметно, что он пятится от Финнея.

Да, ему стоило бояться. Его звали Росс Боуэн, и позже он был найден изрешеченный пулями.

Мои челюсти сжались, кожа на висках напряглась. Лола что-то сказала, но я не расслышал. Тогда она схватила мою руку и заставила посмотреть на себя.

– Что случилось, Майк? У тебя такой вид...

Я положил перед ней снимок и показал группу на заднем плане.

– Этот парень мертв. А рядом – Финней Ласт.

Ее глаза медленно, недоверчиво расширились. Она покачала головой.

– Финней?.. Не может быть.

– Не спорь, малышка. Это Финней Ласт. Фотография сделана, когда он работал у мистера Берина.

Лола внимательно посмотрела на меня. Затем ее взгляд переместился на снимок, и она снова покачала головой.

– Его имя Миллер, Пол Миллер. Он один из тех, кто... кто снабжает дома девушками.

– Что?!

– Да. Мне показала его одна подруга. Он работал на Западном побережье – подбирал их там и посылал на восток в синдикат. Я уверена, что это он!

Хорошо, Финней, думал я, очень хорошо. Респектабельная работа для прикрытия темных делишек. Боже мой, если б об этом узнал нетерпимо-щепетильный Берин-Гротин!.. А снимок отличный. Я даже разобрал

надпись над дверью здания: "Альбино-клуб". Очевидно, любимое место мистера Берина.

– Тебе известен этот, перепуганный?

– Да. Он заправлял несколькими домами. Его убили, да?

– Убили...

Лола закрыла глаза и склонила голову. Потом глубоко вздохнула и призНесла:

– На обратной стороне что-то есть.

Другая надпись. "Смотри Т 9-20". Значит, с фотографией связаны одиннадцать страниц какого-то досье. Подробности убийства Росса Боуэна? Возможно ли, что Рыжая знала о них? Если так, то вмешательство Финнея не удивительно.

Больше я ничего не смог найти. Тогда мы с Лолой поменялись снимками и начали все сначала. Я опять ничего не обнаружил, зато Лола отложила с дюжину фотографий и предложила мне обратить внимание на женщин. Ее бывшие подруги. Она знала в лицо и некоторых мужчин. Их одежда была дорогой, на пальцах блестели перстни.

Эти снимки я положил в конверт и сунул в карман, а остальные бросил в ящик стола.

– Мне нужно выпить.

– В доме ничего нет, – заметила Лола.

Я потянулся к шляпе.

– Одевайся, пойдем.

– Но ты ведь мертв?

– Не настолько. Собирайся.

Она надела сапожки, накинула на себя плащ.

– Я готова, Майк. Куда идем?

– Сама увидишь.

Всю дорогу к центру я молчал. Лола прижалась ко мне, и даже сквозь одежду согревала теплом своего тела. Она не хотела отвлекать меня и лишь изредка с любопытством поднимала глаза, положив голову мне на плечо и сжав мою руку. Не сказал бы, что это помогало мне сосредоточиться.

Туда и сюда сновали пустые такси в тщетных поисках клиентов. Дождь серой сеткой затянул город, разогнав зрителей по домам. Только тигры бродили по улицам этой ночью.

Мы проехали "Зеро-Зеро", и Лола оглянулась, но смотреть было не на что. Клуб был погружен во мрак, на двери висела табличка "Закрыто". Пат поработал.

Мы оставили машину на полупустой стоянке, вошли в первый попавшийся бар и сели у стойки. Четверо парней на другом конце, до нашего появления явно скучавшие, неожиданно нашли тему для разговора, и четыре пары глаз забегали по Лоле. Один из этих типов велел бармену поставить Лоле коктейль.

На меня нахлынули воспоминания. Рыжая потягивала кофе, изящно оттопырив пальчик с кольцом; теперь она лежит со скрещенными на груди руками и без кольца, а Масляная голова торжествующе ухмыляется...

Я заказал еще пива. Перед Лолой стояли уже два мартини и один пустой бокал. Парни смеялись, разговаривая достаточно громко, чтобы быть услышанными. Один из них встал, отпустил какую-то грязную шутку и с гнусной усмешкой направился к нам.

Он обнял Лолу за талию и стал стаскивать ее с табурета, когда я зажег сигарету между пальцами и щелчком швырнул ее. Горящий конец попал ему в глаз. Сладкая речь сменились воплем боли и потоком ругательств.

Дружки тут же повскакивали со стульев – но позже меня. Я подошел к парню и въехал ему в брюхо так, что он брякнулся на пол, как куль с железом. Его команда спокойно заняла свои места у стойки, даже не оказав пострадавшему первую помощь.

Следующий мартини я заказал Лоле сам.

Парень на полу застонал: его вырвало.

– Уйдем отсюда, Майк, – поросила Лола. – Я так дрожу, что не могу поднять бокал.

Я кинул мелочь тупо ухмыляющемуся бармену, и мы ушли.

– Когда ты заговоришь со мной? – поинтересовалась Лола. – Моя честь спасена, а ты не снизошел даже до улыбки победителя.

Я улыбнулся.

– Так лучше?

– Майк, когда-нибудь я попрошу тебя рассказать, откуда взялись эти царапины у глаз и шрам на подбородке.

– Это тайна, покрытая мраком.

– Женщины в твоей жизни, а?

Когда я весело кивнул, она ткнула меня в бок кулаком и сделала вид, что обиделась.

Дорога была пустынна. Мы пропустили несколько машин и, подняв воротники, перебежали на другую сторону. Мы неслись по улице, смеясь без всякой причины, держась за руки, и капельки дождя тысячами искр сверкали в волосах Лолы... мне пришло в голову, что сейчас мы похожи на те влюбленные парочки, которые с удовольствием приобретут фотографию на память о счастливом мгновении.

Интресно, сколько Рыжая с этого имела – пять центов с каждой пары высланных снимков? А Финней Ласт и ему подобные купаются в деньгах и проводят уикэнды с дорогостоящими проститутками. Наживаются на тех, кого уговорили продать свою душу и тело.. Кстати, Энн Минор вряд ли успела реализовать чек на пятьсот долларов. Он, должно быть, так и лежит в ее квартире, никто не посмеет взять его, пока газеты трубят об убийстве и расследовании.

– Куда мы идем?

– В "Альбино-клуб". Слыхала о таком?

– Краем уха. Почему туда? Я думала, ты не хочешь, чтобы тебя видели.

– Меня там не знают. Зато, возможно, встречусь с клиентом и отдам ему пять сотенных.

Через десять минут мы дошли до бара, и швейцар в ливрее радостно приветствовал новый источник доходов. "Альбино-клуб", расположенный в полуподвале, оказался заведнием средних размеров, без мишурного

блеска "Зеро-Зеро". Вместо хрома и позолоты – мореный дуб и мягкое мерцание настенных светильников. Небольшой джаз-оркестр наигрывал спокойные тихие вариации, не отвлекающие от беседы или приема пищи.

Несколько столиков было занято припозднившимися обедающими. В углу сидели шесть мужчин в деловых костюмах и оживленно обсуждали какую-то проблему. Четыре бармена за длинной стойкой от безделья протирали стаканы; пятый наливал виски двум дамам.

Лола вздрогнула и прошептала мое имя. Я понял, что она имела в виду: среди сидевших у стойки был Финней Ласт, а рядом – парень, которого я избил на стоянке. Тот самый, который якобы искал ключи от машины. Меня сильно порадовала его подпорченная внешность.

Мы не вошли в "Альбино-клуб". Я схватил свою шляпу и вытолкнул Лолу в фойе. Пораженный швейцар, собрав остатки самообладания, все же вежливо пожелал нам спокойной ночи.

Мы вышли на Бродвей. Я усадил Лолу за столик в кафе, а сам побежал звонить.

Пат оказался дома. Он, должно быть, только пришел, потому что тяжело дышал, как после подъема по лестнице.

– Это Майк. Финней Ласт сейчас в "Альбино-клубе". Ты не можешь послать "хвоста"? Я бы сам последил за ним, да нет времени.

– Ха! – взорвался Пат. – Вот уже два часа, как его ищут все полицейские патрули города!

– Что?..

– Я получил телеграмму с Западного побережья. Ласт официально в розыске. Он полностью подошел под описание убийцы.

– А что это было за убийство, Пат?

– Драка. Начал с ножа, а когда выронил его, просто свернул одному парню шею.

Холодок пробежал по моей груди. Сомнений не оставалось: Финней владел разнообразной техникой.

– "Альбино-клуб", Пат. Ты знаешь, где это. Я собираюсь поспорить в скорости с патрульной машиной, и если выиграю, придется тебе заказывать похоронный фургон.

Я бросил трубку и стал проталкиваться сквозь толчею у стойки к выходу. Лоле не надо было говорить, что что-то случилось. Когда я прошел мимо, ничего не замечая вокруг, она окликнула меня и рванулась следом, опрокинув стул. Но к тому времени я уже был на улице и бежал, бежал так, как не бежал ни разу в жизни, и редкие прохожие застывали, разинув рты.

В груди у меня стучал огненный комок, и я мог думать только о том, с каким вожделением разобью поганую морду Финнея рукояткой револьвера... Из-за угла донесся нарастающий рев сирены, еще более усиливший мое желание попасть туда первым.

Мы опоздали. В желтом свете уличных реклам я увидел, как от обочины рванулся автомобиль. В "Альбино-клубе" Финнея Ласта и его дружка не было.

Почему – я узнал через минуту. В баре стояло радио, и Финней для смеха уговорил бармена настроиться на частоту полиции. Вот уж посмеялся.

Глава 13

Пат приехал спустя семь минут. Лола уже прибежала и стояла рядом со мной, с трудом переводя дыхание. Как обычно, вокруг собралась толпа зевак, и полицейские уговаривали их разойтись.

– Не заметили номера машины? – спросил Пат.

Я покачал головой.

– Нет. Швейцар тоже ничего не видел. Черт побери, это меня бесит!

Сквозь кордон протолкался бойкий репортер, и Пат сухо произнес:

– Официальное заявление будет сделано позже.

Мне нельзя было испытывать судьбу. Я считался мертвым, и хотел оставаться им как можно дольше. Мы прошли к машине.

– Как дела, Пат?

– Хорошего мало. На меня жмут со всех сторон. Вообще, создалась какая-то напряженная атмосфера: всюду снуют почуявшие сенсанцию газетчики, политиканы меня травят... Помнишь, я говорил тебе о местах, известных полиции, которые все же приходится терпеть? Мы провели несколько рейдов. И застукали таких людей... Одним словом, теперь у нас есть имена и конкретные факты. Кое-кто при этом пытался подкупить моих людей и поплатился за это.

– Друг!

– Они напуганы, Майк. Они не знают, какой информацией мы располагаем, и не смеют рисковать.

– Не удивительно.

Пат облизал губы и стал ждать продолжения. Я взглянул на Лолу.

– Через пару дней мы тебе сможем кое-что рассказать.

– Моим бедным ножкам придется изрядно потрудиться, – вздохнула она.

– О чем это вы? – спросил Пат.

– Узнаешь. Между прочим, ты все приготовил к завтрашнему вечеру?

Пат вытащил сигарету и закурил.

– Майк, я начинаю сомневаться: кто руководит моим отделом? – Потом улыбнулся и добавил: – Да, мы готовы. Люди подобраны, но задание я им не сообщил – нам ни к чему утечка информации.

Толпа поредела, но тут подъехала машина с газетчиками. Меня знали слишком многие, а я не хотел быть опознаным, поэтому распрощался с Патом, и мы с Лолой заторопились прочь.

Я проводил ее домой, и она настояла, чтобы я поднялся выпить чашечку кофе. Здесь было тихо и спокойно в эти предутренние часы, когда весь город спал. Улица замерла. Даже случайный автомобильный сиг-

нал звучал дико и нелепо в этой неестественной тишине.

Из печальных раздумий меня вывел голос Лолы.

– Кофе готов, Майк. Замечтался?

– Ага. – Я взял чашечку с подноса. Лола добавила туда молока и сахара. – Иногда так приятно помечтать...

– А иногда нет. – Она улыбнулась. – И мечты у меня изменились. Они стали лучше. Я люблю тебя, Майк.

Я промолчал. Она и не ждала ответа.

– Тебя можно назвать некрасивым, если разобрать твое лицо на кусочки и рассматривать их по отдельности. В тебе есть что-то грубое, жестокое, и поэтому тебя ненавидят мужчины. Но, может быть, женщине нужен зверь. Может быть, ей нужен мужчина, который способен ненавидеть, и все же сохраняет доброту. Сколько я тебя знаю? Несколько дней? Достаточно, чтобы сказать: я люблю тебя, и будь все по-иному, я бы мечтала об ответной любви. Но это невозможно, и мне все равно. Я просто хочу, чтобы ты знал.

Лола застыла, полуприкрыв глаза, и мне она показалась воплощением совершенства. Разум и тело, очищенные от всякой грязи, порождающей несвободу души. Я никогда не видел ее такой: спокойной, безмятежной, счастливой в сознании своего несчастья. Ее лицо излучало необычайную красоту, волосы живым потоком струились по плечам. Высокая упругая грудь, не стесненная оковами лифчика, манила к себе.

Я поставил чашку на край стола, не в состоянии отвести взгляда.

– Мы будто давно женаты, – произнесла Лола. – Сидим себе как ни в чем не бывало, а нас разделяет целая комната.

Комнату пройти нетрудно. Лола протянула мне навстречу руки; я поднял ее на ноги и сжал в объятиях, упиваясь терпкой сладостью ее губ и языка.

Я не хотел ее отпускать, но она выскользнула из моих рук, достала сигареты, заставила меня закурить, а сама исчезла в спальне.

Окурок обжигал мне пальцы, когда она позвала меня. Только одно слово.

– Майк...

Лола стояла в центре комнаты, в тени абажура, повернувшись ко мне спиной. Она смотрела в открытое окно, в ночную тишину, и казалась творением гениального скульптора, столь нежна и красива была ее поза. Легкий ветерок плотно прижимал прозрачный шелк ночной рубашки, вырисовывая каждую черту, каждую линию.

Я замер в дверях, не осмеливаясь дышать, боясь, что это чудесное видение исчезнет. Ее голос был едва слышен.

– Тысячу лет назад я решила, что надену эту рубашку в свадебную ночь. Тысячу лет назад я вырвала из груди сердце... И вот встретила тебя.

Она повернулась грациозным порывистым движением и шагнула мне навстречу.

– Никогда у меня не было ночи, которую я хотела бы запомнить. Так пусть ею будет эта.

В глазах Лолы горел ярко-жгучий танец страсти.

– Иди ко мне, Майк.

Требование, которое было ненужным. Я схватил ее за плечи, и мои ногти впились в нежное тело.

– Я хочу, чтобы ты любил меня, только сегодня, – выдохнула она. – Я хочу любви такой же сильной, и такой же яростной, как моя, потому что "завтра" для нас может не наступить, а если и наступит, то так больше не будет. Скажи мне, Майк, скажи.

– Я люблю тебя, Лола. Я сказал бы тебе это раньше, но ты не позволяла. Тебя нельзя не любить. Когда-то я решил для себя, что не способен на любовь. Я был не прав.

– Только сегодня...

– Нет. Нет. Всегда...

Пальцами она закрыла мне рот. Потом взяла мою руку и положила себе на плечо, к бретельке.

– Эта рубашка одевается лишь один раз. И есть лишь один способ снять ее.

Дьявол соблазнял мою плоть. Я любил дьявола.

Я рванул шелковую материю, та разошлась с торжествующим треском...

– Я люблю тебя, Майк, люблю, – повторила Лола.

Ее рот был холоден, но тело пылало.

Эта была ночь, которой, она думала, у нее никогда не будет.

Это была ночь, которую мне никогда не забыть.

Я проснулся в одиночестве. Рядом к подушке была приколота записка. "Теперь надо закончить ту работу, которую ты мне поручил. Завтрак готов – только подогрей".

К черту завтрак. Уже больше двенадцати. Я жевал на ходу, одеваясь и бреясь. Пока остывал кофе, я включил радио. Диктор, казалось, впервые в жизни был искренне возбужден. Он говорил быстро, взахлеб, еле успевая вздохнуть между фразами. С тех пор, как я видел Пата, полиция провела еще два рейда, и ее сети охватили тайные закоулки гигантского города.

Железный кулак замахнулся на могущественную организцию, взявшую в кольцо джунгли Нью-Йорка. Он попадал в места и людей, о которых я и не слышал. Зловещая улыбка появилась на моем лице. Я вспомнил, как Пат утверждал, что он бессилен...

Теперь ничего остановить нельзя. Сенсацию подхватили и разнесли газеты. Публика с яростным негодованием осуждала то, что только вчера поддерживала своим безразличием. Просто новая забава: смотреть, как мараются грязью известные имена. Новое развлечение: смаковать теневые стороны жизни.

Но основные главы еще не написаны. Действие в них разыграется позже, в судах, после заявлений, протестов, аппеляций, необходимых для того, чтобы про-

тянуть время. А потом, может быть, на кого-то наложат штраф, кого-то оправдают за недостатком улик...

Доказательства! Полиция делает все возможное, но если доказательств не будет, преступники выйдут из судов, твердо решив ничего подобного впредь не допускать. Сильные люди, богатые люди, властолюбивые, они будут мало-помалу подтачивать закон, как волны незаметно подмывают основание могучего утеса, пока он не падает в воду.

Я позвонил Пату. Несмотря на смертельную усталость, он был рад меня слышать.

– Читал газеты?

– Да, и слышал радио. Вижу, что началось.

– Мы берем их десятками, и у многих развязываются языки. Но это всего лишь подручные, мелкие сошки. О крупных шишках, держащих в руках всю организацию, им ничего не известно. И еще клиенты.

– Они поддерживают систему.

– И заплатят за это дороже, чем ожидали. Показалось много грязных рож, по которым не терпится смазать.

– И ты это сделаешь?

– Сделаю, Майк. Мне угрожают, предлагают взятки, уговаривают... Клиенты не вооружены, не оказывают сопротивления при аресте и у всех отличные адвокаты. Нам не к чему прицепиться.

Мои ладони вспотели.

– Это говорят большие деньги, Пат... Что происходит? Мы снова на Диком Западе?

– У нас связаны руки. Кроме того, им как-будто известен каждый наш ход.

Проклятье! Я ударил кулаком по спинке стула. Хорошо, пусть себе играют жестоко. Пусть спокойно, планомерно отступают и пользуются услугами наемных убийц, чтобы убрать ненадежных. Пусть. Но их легко напугать. Только надо играть смелее, резче, жестче – и они побегут, побегут в панике и будут бежать, пока не подкосятся ноги.

– Майк, ты слушаешь?

– Да-да. Извини, задумался.

– Ну, я домой, завалюсь спать. Придешь вечером на представление?

– Ни за что не пропущу.

– Хорошо. Лишь бы тебя не было видно – районный прокурор кое о чем догадывается, и если узнает, что ты приложил свою руку к этому делу, сидеть мне без работы.

– Не беспокойся, пока меня нет в живых. Я велел Лоле в случае необходимости связаться с тобой. Сделай одолжение, не задавай ей вопросов, просто поступай, как она скажет. Это очень важно. Если она найдет то, что ищет, ты быстро закончишь дело. Ну, пока.

Я положил трубку. Конец был близок, или, по крайней мере, не за горами. Моего участия в финальной сцене не требовалось. Мне нужен был Финней... Но где он сейчас может быть? Город слишком велик, слишком много в нем лисьих нор, чтобы начинать охоту. Надо заставить Финнея выйти из укрытия, поймать его на открытом месте.

Я решил позвонить своему клиенту. Междугородная долго не соединяла, а потом дворецкий сообщил, что мистер Берин недавно уехал в город и, наверное, остановится в пансионе "Суник-хауз". Он спросил, кто звонит, но я поспешил повесить трубку.

Вельда, должно быть, вышла поесть – я трезвонил добрых пять минту, но никто не ответил. Черт побери, нельзя же спокойно сидеть здесь, когда снаружи стремительно развиваются события! Я тоже решил устроить свою личную мелкую охоту. Что-то зазвенело в кармане плаща – ключи, которые дала Лола, с брелком-медальоном в форме сердечка. Я открыл сердечко и увидел улыбающуюся мне Лолу. Я тоже улыбнулся и сказал ей все, что она не позволила сказать этой ночью.

В воздухе еще пахло дождем. Рыхлые серые облака тяжелым покрывалом опускались над крышами домов.

Холодный ветер с реки нанес гнилостный туман, улицы были мокрыми и скучными.

Экстренные выпуски газет вышли с фотографией на первой полосе: два олдермена и крупный промышленник в полицейском участке. Броские заголовки вещали о компрометирующей информации, имеющейся у полиции. Интересно, удалось ли расшифровать код записной книжки Мюррея?

В баре на углу я приметил свободное местечко и заказал пива. Здесь обсуждали только одну тему, и обсасывали ее до косточек. Маленький тип с крысиной мордой заявил, что ему это не нравится: полиция слишком много стала себе позволять. Какая-то девица крикнула, чтобы он заткнулся.

Я сидел там часа два, потягивая пиво, слушая разные точки зрения. Когда мне надоело, я тяжело отвалился от стойки, прошел в телефонную будку и набрал номер пансиона. Портье сообщил, что мистер Берин прибыл. Что же, надо будет зайти к нему и отдать деньги, пятьсот долларов.

Я перешел в другой, более веселый бар и сидел там до полного изнеможения, а в восемь часов, не вытерпев, сел за руль машины. Снова полил дождь. Вечерние сумерки сгустились в ночь, непроницаемую черную ночь. Капли барабанили по крыше, стекали по ветровому стеклу и гипнотически блестели в мерцающем свете ночной рекламы... Я настроил радио на выпуск новостей, затем передумал и нашел музыку.

Через сорок минут мне надоело бесцельно колесить по городу. Я подъехал к погруженному во тьму дому Кобби Беннета и стал ждать.

Я был одинок в диком хаосе стали и бетона. Машина растворилась в чернильной пустоте улицы. Откуда-то выбежал человек, держа над головой газету, и скрылся за углом; разбрызгивая мелкие лужицы, пронеслось несколько автомобилей с зажженными фарами... Поднятый воротник плаща прикрывал поля моей шляпы и, разморенный теплом, я чуть не задремал под убаюкивающий шорох дождя.

В это время дверь дома Кобби Беннета открылась, и в проеме показался мой знакомец. Он вышел на пять минут раньше срока. Во рту у него торчала сигарета, но рука так тряслась, что спичка погасла, и он с отвращением швырнул сигарету на тротуар.

Несмотря на дождь, Кобби шел неспеша, тщательно избегая освещенных мест и время от времени поглядывая в витрины – не идет ли кто за ним.

Я позволил ему завернуть за угол и поехал вслед. Если полиция и находилась где-то рядом, то видно ее не было. Ночь застыла: на улицах ни души, будто все вымерли, и мы вдвоем остались в необитаемом городе. Я знал маршрут Кобби и решил опередить его. Поэтому рванулся вперед по улице одностороннего движения, сделал разворот, проехал ему навстречу и стал ждать.

Еще работали магазины. На верхнем этаже одного из домов шла ссора: кто-то бросил чашку, она вылетела в окно и разбилась. Из мрака вынырнул Кобби и остановился, чтобы закурить. На сей раз ему это удалось.

Он почти поравнялся со мной, когда рядом у тротуара резко затормозил автомомбиль. Кобби застыл от ужаса, и только после того, как вышедший из автомобиля мужчина забежал в магазин, он осмелился затянуться и пошел дальше.

Я вылез из машины и, используя тактику Кобби, пошел за ним. Дождь был теперь мне на руку.

Десять минут одиннадцатого. Нет ни Пата, ни его людей. Только я и Кобби.

Признаюсь, я не ожидал: напряжение не может длиться долго, тело и мозг скоро привыкают... Беннет внезапно оцепенел и вскрикнул от ужаса, инстинктивно закрыв лицо.

Если бы парень выстрелил сразу, Кобби был бы готов. Он же решил действовать наверняка и стал приближаться, с револьвером в руке. Кобби страшно закричал. Револьвер опустился на уровень груди Кобби, но выстрела не последовало, потому что из парадного

выскочило черное пятно и ударило парня в спину с такой силой, что оба упали к ногам Кобби.

Вытащив свой револьвер, я побежал. Я был от них футах в пятидесяти, когда двое упавших разделились. Один немедленно вскочил на ноги, другой и не подумал вставать. Он тщательно прицелился и выстрелил. Пуля, должно быть, попала в голову, потому что шляпа парня двигалась быстрее, чем он сам, и была еще в воздухе, когда ее владелец рухнул на асфальт.

Стрелявший перевел револьвер на меня. Я поднял вверх руки и сказал:

– Майк Хаммер, частный детектив. Удостоверение в кармане.

Коп поднялся.

– Я тебя знаю, приятель.

Вдали раздались выстрелы, кто-то закричал. Из-за угла с отчаянным визгом выскочила патрульная машина, и из нее посыпались полицейские. Я побежал вслед за ними, пересекая улицу по диагонали – туда, где происходили события.

В домах захлопали окна, повысовывали головы перепуганные обыватели. Им не очень вежливо советовали сидеть тихо. Кто-то закричал: "Он на крыше!" – и раздался еще один выстрел.

Как по мановению палочки зажглись прожекторы. Их длинные пальцы потянулись наверх и вырвали из темноты шесть человек, бегущих за кем-то по крыше.

Улица, освещенная искусственной зарей, была полна полицейских. Мы с Патом увидели друг друга одновременно.

– Откуда вы взялись? Только что не было ни души.

Пат ухмыльнулся.

– Мои люди весь день следили за этими парнями, а те и не подозревали. Кобби засекли, как только он вышел из квартиры. Эти вонючки держали между собой связь по телефону. Когда они увидели, что Кобби завернул сюда, один из них спрятался впереди, а второй остался на подстраховке.

– Сколько вас?

– Было девять, потом еще приехали патрули. А что с тем парнем, который стрелял?

– Убит.

С крыши донеслась новая серия выстрелов и чьй-то крик. К нам подошел полицейский.

– Он мертв. Пришлите санитара, у нас раненый.

– Проклятье! – зарычал Пат.

Началась суматоха, на крышу потянулась раскладная лестница, стали подъезжать новые машины.

Мне здесь делать было нечего. Я пробился сквозь толпу и зашагал по улице. У тела убитого уже собрались зеваки. Два шустрых ребенка пытались убежать от родителей и пробиться поближе к покойнику.

Кобби Беннета нигде не было видно.

Глава 14

Хорошо выполненная работа всегда приносит удовлетворение. Я был горд – ублюдки проиграли собственную игру. В машине я включил радио и поймал новости. Да, сегодня эти "крепкие" ребята притушат свои металлические улыбки. Мяч в игре, и колеблющиеся спрыгивают на ходу, чтобы оказаться на стороне победителей.

Хотя час был уже поздний, я решил повидать своего клиента. Старик обрадуется, когда узнает, как обстоят дела. По крайней мере, он не зря тратил деньги. Имя Берин-Гротина будут помнить долго после того, как пески времен источат его мраморное надгробие. Этого он и хотел – оставить память...

Я подъехал к респектабельному фасаду пансиона и бросил ключи от машины посыльному, который годился мне в отцы. Входя в парадное, я услышал, как он завел двигатель. Лишь бы не врезался по дряхлости в первый же столб...

"Суник-хауз", старомодный фешенебельный пансион, давал приют лишь самым состоятельным лицам мужского пола, причем преклонного возраста. Торжествен-

ная тишина, царившая там сейчас, была обычной в любое время дня. В холле – плющ, позолота и кожа. Свет старинных, явно антикварных люстр едва достигал стен, отделанных панелями красного дерева. Монументальные картины рассказывали о городе столетней давности, когда он еще жил спокойной жизнью и не дрался сам с собой.

Я спросил портье, у себя ли мистер Берин.

Он важно наклонил голову.

– Я уверен, мистер Берин не желает, чтобы его беспокоили, сэр. Он останавливается у нас весьма часто, и я хорошо знаю его привычки.

– Возникли непредвиденные обстоятельства, папаша. Позвони ему, а?

– Боюсь, что помочь не могу, сэр. Полагаю...

– А если я сейчас начну свистеть, бегать по лестницам и дико орать – что будет?

Его брови взлетели до того места, где у людей помоложе растут волосы.

– Сэр, не заставляйте меня обратиться в полицию!

Я широко улыбнулся, засунул два пальца в рот, а другой рукой указал на телефон. Портье побелел, затем покраснел, не зная, как поступить в подобной ситуации, и, очевидно решив, что лучше побеспокоить одного гостя, чем всех, снял трубку внутреннего телефона.

Пока никто не подходил, портье неврно поглядывал на меня, облизывая пересохшие губы. Затем ему ответили – вероятно, довольно резко, потому что он поморщился.

– Извините, сэр... но к вам посетитель. Он настаивает.

Раздался такой рык, что трубка затряслась. Портье с трудом сглотнул.

– Скажите ему, что это Майк Хаммер, – подсказал я.

Нелегко было прервать тираду моего клиента. Наконец, портье это удалось.

– Здесь Майк Хаммер, сэр... мистер Хаммер. Да, сэр. Да. Он прямо здесь. Немедленно, сэр. Очень хорошо, сэр.

Портье с облегчением вытер лицо платком и одарил меня неприветливым взглядом.

– Номер 406.

Я кивнул и, не обращая внимания на лифт, подался к лестнице.

Мистер Берин, бодрый, с аккурантно зачесанными снежно-седыми волосами, поджидал меня на пороге и, казалось, был только рад принять гостя.

– Добрый вечер, Майк. Проходите.

– Благодарю.

Он провел меня через гостиную с роялем в маленький кабинет, уставленный книжными полками. Стены украшали головы диких зверей и фотографии в рамках, на которых был запечетлен сам хозяин апартаментов в молодости.

– У вас очень уютно, мистер Берин.

– Да, это моя городская резиденция со всеми преимуществами отеля. Присаживайтесь.

Он предложил мне необъятное, обитое кожей кресло, и я легко в нем утонул.

– Сигару?

– Нет, спасибо.

Я достал пачку "Лакиз" и закурил.

– Простите, что поднял вас с постели.

– Что вы, Майк! Правда, должен признать, я был весьма удивлен. Знаете ли, стариковские привычки... Но у вас, наверное, веские причины для встречи со мной.

Я выдохнул облачко дыма.

– Нет, просто хотелось поговорить. У меня ваши пятьсот долларов – вот и предлог.

– Пятьсот долларов... – Мистер Берин вспомнил. – Вы имеете в виду те деньги, которые я послал вам на покрытие... э-э, расходов?

– Да, верно. Они не понадобились.

– Но вы же сами хотели пустить их на информацию. Или передумали?

– Нет, просто девушка, которой предназначался чек, не успела его реализовать. – Его лицо выразило недоумение, потом изумление. – Меня выследили. Девушку убили и пытались обставить это как самоубийство. Не вышло. Потом обыскали мою квартиру.

– Вы знаете кто?.. – Его голос дрожал.

– Финней Ласт. Вас бывший слуга, мистер Берин.

– Боже мой! – Его пальцы сжались так, что побелели суставы. – Что я наделал, что наделал?..

Он прикрыл глаза и опустил голову, сразу постарев и обессилев.

– Вы тут ни при чем. Наоборот, вы сделали все, чтобы этому помешать.

– Спасибо, Майк.

Я встал и положил руку ему на плечо.

– Не огорчайтесь. Вы не должны чувствовать себя виноватым. Знаете, что творится сейчас в городе?

– Да, я... я слышал.

– Это сделали ваши деньги. Вы наняли меня, чтобы раскрыть имя рыжеволосой. Вместо этого мы нашли кучу грязи. Однако в один прекрасный день солнце снова радостно засияет, и город сможет гордо поднять свою голову.

– Но ведь девушка так и осталась без имени?

– Нет. Скоро оно у нее появится. Вы не возражаете, если я воспользуюсь телефоном?

– Конечно. Он в гостиной. Я пока приготовлю что-нибудь выпить, по-моему, мне это необходимо. Я не привык к таким мучительным известиям.

Сквозь его показную бодрость просвечивала печаль, которую я не мог спокойно наблюдать. Старику было действительно тяжело... Я нашел телефон и позвонил Вельде домой. Она была зла как черт.

– Это я, милая. Как там дела?

– Слушай, Майк, ты выбираешь самое удобное время для звонков! Я ждала тебя в конторе весь вечер.

Эта девушка... Лола?.. прислала с посыльным конверт. Там закладная квитанция и больше ничего.

– Закладная квитанция? – Мой голос сорвался. – Она нашла ее, Вельда! Черт побери, она нашла ее! Где квитанция?

– Я оставила ее на столе.

– Проклятье, здорово!.. Послушай, детка, я забыл ключи от конторы дома. Подъезжай туда через час, нет, лучше через полтора. По такому поводу не грех сперва выпить. Сейчас я звякну Пату, и мы приедем вместе. Пока, крошка!

Я быстро набрал номер Лолы. Она ответила, не успел отзвучать первый гудок.

– Лола, детка...

– Майк! Ты получил мой конверт?

– Только что узнал от Вельды, что он в конторе, скоро заберу. Где ты ее нашла?

– В маленьком магазинчике в Буэри. Камера была выставлена прямо в витрине.

– Великолепно! Где она сейчас?

– У меня.

– Зачем тогда возня с квитанцией?

Новая тревожная нотка появилась в голосе Лолы.

– Ею интересовалась не я одна. В пяти магазинах мне говорили, что я уже вторая, кто ищет эту камеру.

Холодок прошел у меня по спине.

– Ну?..

– Я решила, что, кто бы это ни был, он пользуется тем же методом – идет по списку из телефонной книги. Тогда я начала с конца списка и нашла первая.

Вошел мисер Берин и предложил мне хайбол. Я с благодарностью кивнул и сделал маленький глоток.

– Продолжай.

– Я боялась оставлять квитанцию у себя. Вложила ее в конверт и послала с мальчиком к тебе в контору.

– Умница. Я люблю тебя, всю до капли. Ты не представляешь, как я тебя люблю.

– Майк, пожалуйста...

Я засмеялся – свободно, радостно, захлебываясь от счастья, которого не испытывал уже очень давно.

– Брось, Лола. Скоро все будет кончено, а у нас целый мир и вся жизнь, чтобы им наслаждаться. Скажи мне, Лола, скажи...

– Майк, я люблю тебя, я люблю тебя! – Она всхлипнула.

– Запомни, милая: я скоро приду. Подождешь меня?

– Конечно... Только поторопись – я так хочу тебя видеть!

Положив трубку, я залпом опорожнил бокал. Если бы я мог передать мистеру Берину хоть частицу своего счастья...

– Кончено, – сказал я.

Ответа не было – лишь медленный наклон головы.

– Очевидно, мне следует радоваться. Но я не могу примириться со смертями... В них доля и моей вины. – Он содрогнулся и поставил бокал. – Хотите еще?

– Да, пока есть немного времени.

Он взял поднос и, выходя, откинул крышку проигрывателя. Я слушал мерный ритм оперы Вагнера и следил за завитками дыма, поднимающегося от кончика тлеющей сигареты.

На этот раз мистер Берин принес с собой бутылку виски, ликер и ведерко со льдом.

– Расскажите мне, Майк, – без подробностей, только самое главное, – попросил он, опустившись в кресло. – Причины... почему такое случается? Может быть, когда я все узнаю, то смогу успокоиться.

– В этом деле подробности – самое главное, их нельзя опускать. Мы искали имя, а нашли преступление. Мы расследовали преступление, а нашли имена. На сей раз не зевает и полиция. Каждую минуту, которую мы здесь сидим, какой-нибудь сволочи в городе прищемляют хвост. Вы можете гордиться, мистер Берин. Я – горжусь, я дьявольски горжусь. Я потерял Нэнси, но нашел Лолу... и какую-то частицу самого себя.

– Если бы мы только сделали что-ниубдь для этой девушки...

– Нэнси?

– Да. Она умерла в таком одиночестве!.. Но ведь каждый сам выбирает себе путь. Если, как вы говорите, она действительно имела внебрачного ребенка и шла по стезе греха – кого тут винить? – Он грустно покачал головой. – Если бы они имели хоть немного гордости... хоть малейшее представление о чести, ничего бы этого не было. И дело не только в Нэнси – сколько еще подобных ей?

– Жизнь сложная штука, мистер Берин. Кто не допускает ошибок? Но так жестоко расплачиваться...

Бутылка опустела наполовину, прежде чем я взглянул на часы и поднялся.

– Уже поздно. Вельда меня съест.

– Я был рад вашему приходу, Майк. Вы хороший человек. Приходите ко мне завтра. Я хочу знать, что происходит.

На пороге мы пожали друг другу руки и, спускаясь по лестнице, я слышал, как закрылась дверь. Портье был на месте: прижимал палец к губам и умолял меня сохранять тишину – я, черт побери, не мог не свистеть! "Осталось совсем немного", – подумал я, выводя машину со стоянки.

Вельда отчаялась меня дождаться. Я заметил ее, когда она переходила улицу, как тростью размахивая своим зонтиком.

– Кто-то обещал прийти через полтора часа! – гневно сказала Вельда.

– Извини, радость, замешкался.

– Ты всегда мешкаешь.

Она становилась дьявольски хорошенькой, когда выходила из себя.

Мы расписались в книге ночных посетителей, и сонный лифтер вознес нас на четвертый этаж. Вельда искоса поглядывала на меня, стараясь сдержать любопытство, и, наконец, не выдержала:

– Обычно я знаю, что происходит, Майк.

– Камера. Рыжая фотографировала.

– Естественно.

– А фотографии можно было использовать для шантажа. Из-за этого и заварилась каша... И нам они понадобятся как доказательства.

– Ага.

Она не поняла, но решила, что все ясно. Позже мне придется рассказать ей подробно. Позже, но не сейчас.

Мы дошли до конторы, и Вельда своим ключом открыла дверь и включила свет. Я так давно здесь не был, что комната показалась мне чужой. Пока Вельда поправляла перед зеркалом прическу, я подошел к столу.

– Так где квитанция, крошка?

– На самом виду, у тебя под носом.

– Не вижу.

– О-ох, ну вот же... – Ее взгляд медленно скользнул со стола на меня, глаза расширились. – Она пропала, Майк.

– Пропала! Как это?!

– Отлично помню, что перед уходом положила ее на стол. У меня всегда все в порядке...

Вельда замолчала. Ее рука опустилась на чистую записную книжку. Лицо утратило всякий оттенок.

– Говори же!

– Вырвана страница... та, где я записала телефон и адрес Лолы.

– Боже!

Я распахнул настежь переднюю дверь, рассматривая ее на свету. Вокруг замочной скважины блестели мелкие царапины, оставленные отмычкой. Я, наверное, закричал, потому что в ушах стоял пронзительный звук, когда я мчался по лестнице. Ступеньки прыгали перед глазами, сливаясь в дрожащий серый ряд.

Акселератор был вжат в пол до предела, но моя нога дрожала от напряжения, стараясь вдавить его еще глубже. Стрелка спидометра подпрыгнула к ограничителю и там остановилась. Тормоза протестующе визжа-

ли на поворотах. Я был благодарен дождю и позднему часу: мне не мешали ни прохожие, ни машины. Мои глаза смотрели только вперед, а рука намертво вцепилась в руль.

Я не смотрел на часы, но время, казалось, растянулось, и прошла целая вечность, прежде чем я бросил машину у подъезда. Ни разу не оступившись в кромешной тьме, я добежал до двери, рванул ее, и крик застрял в горле твердым комком.

Лола лежала на полу с распростертыми руками; верх платья был пропитан кровью. Я свалился рядом на колени и приподнял ее голову. Рана в груди клокотала. Она еще дышала.

– Лола...

Ее веки дрогнули. Она увидела меня, и губы, совсем недавно такие алые и сочные, разошлись в слабой улыбке.

– Лола...

Я пытался помочь ей, но ее глаза сказали мне, что было слишком поздно. Слишком поздно. СЛИШКОМ ПОЗДНО.

Каким-то образом она сумела указать пальцем на телефон, потом на дверь, и рука ее бессильно упала. Лола не издала ни звука, но губы шевельнулись, и она сказала в последний раз: "Я люблю тебя, Майк".

Я наклонился и нежно, мягко поцеловал ее, ощутив соленый привкус слез.

Ее глаза закрылись. Улыбка осталась на лице, но Лола была мертва. Знай – я люблю тебя. Знай, что всегда, всегда буду любить тебя. Только тебя.

Я был опустошен. Внутри у меня все выгорело – ни эмоций, ни боли. Да и что чувствовать, что делать?.. Я закрыл глаза и произнес молитву, молитву без слов. Когда я открыл глаза, Лола все также указывала на дверь – даже сейчас, мертвая, пыталась мне что-то сказать.

Пыталась сказать, что убийца притаился на лестнице, не успев убраться! Он ждал от меня очевидного: что я вызову врача и полицию и, тем самым, подарю

ему драгоценные секунды. Но если есть что-нибудь святое на свете, он не уйдет! И тут я услышал шорох...

Ну нет!!!

Я не старался не шуметь, я перепрыгивал через ступеньки, едва не отрываясь от перил на площадках. Убийца тоже больше не пытался таиться и бросился на улицу; взревел мотор. Я влетел в машину, и мы почти одновременно вырвались на шоссе.

Глава 15

Кто бы ни сидел за рулем, он явно осатанел от ужаса и несся по дороге без малейшего опасения за свою жизнь. Может быть, он услышал мой дикий смех, когда расстояние между нами начало сокращаться; может быть, он мысленно видел мое лицо: глаза, горящие жаждой мщения, и зубы, стиснутые так, что крошилась эмаль.

Тело превратилось в клубок мышц, раздираемых яростью. Я не мог дышать, я мог только втягивать воздух, задерживать его как можно дольше и выпускать с протяжным свистом. За нами погнались было полицейские машины, но быстро отстали и затерялись.

Каждую секунду видеть, как уменьшается расстояние, каждую секунду подбрасывать еще больше угля в огонь, разъедающий мои внутренности и затуманивающий зрение, пока не остался один только узкий туннель света и в конце его – машина. Мы ехали уже почти бампер к бамперу, и я чувтствовал, как становлюсь на два колеса при поворотах. Страх заставил меня притормозить – страх, что потеряю его. На крутом вираже он выиграл время и вырвался на полквартала вперед. Я знал, куда он стремится – на Вестсайдскую автостраду, надеясь побить меня там в скорости.

Не уйдешь. От смерти нельзя уйти. Под капотом рвались и кричали от напряжения сто сорок черных лошадей, а я смеялся, как безумный, пока по щекам

не покатились слезы. Автострада выросла внезапно, и он попытался свернуть на нее, отчаянно ударив по тормозам. Колеса с диким визгом скользнули по бетону, машина пошла юзом и влетела в дорожное ограждение. Раздался скрежет металла, во все стороны брызнули осколки стекла. Скрежетанье моих торомзов добавило новую ноту к этой неземной симфонии разрушения.

Из разбитой машины выскочил Финней с пистолетом в руке, но я выскочил еще раньше и упал на землю. Пуля только раздробила ограждение за моей спиной, я уже тянулся к револьверу. И тут Финней побежал.

Беги, Финней, беги. Беги, пока твое сердце не будет готово выпрыгнуть из груди и разорваться, и тогда ты свалишься бездыханный, не в силах шевельнуться, но видя приближающуюся смерть. Беги, беги, беги. Беги. БЕГИ. Слушай, как ноги позади тебя бегут только чуть быстрее. Остановись на одну секунду – и ты будешь мертв.

Он повернулся, выстрелил наугад и забежал в какой-то склад, утонувший в кромешной тьме. Не раздумывая, я последовал за ним, налетел на груду ящиков и замер. В наступившей тишине послышался шум падения тела и сдавленные ругательства. Я хотел закрыть глаза – они, казалось, пылали так ярко, что могли выдать меня в темноте. Предметы медленно начали принимать очертания: башни коробок и ящиков, громоздившихся до потолка, и черные проходы между ними. Я скинул туфли и беззвучно нырнул во мрак.

С противоположного конца помещения доносилось судорожное дыхание загнанной лошади – Финней Ласт ждал, пока я подойду к зияющему проходу и стану виден на синем фоне спящего города.

Но его нервы не выдержали, и он выстрелил. Пуля просвистела в нескольких дюймах от моей головы, но я его засек, и когда увидел руку с пистолетом, снова возникшую из чернильной тьмы, я послал пулю пря-

мо в середину этой ненавистной руки и прыгнул ей вслед.

Я ударил Финнея ногами в грудь, он захлебнулся собственным криком, и мы, сплетясь в дергающийся, неистовый клубок, рухнули в пыль.

Мне не нужен был револьвер... только руки. Мои кулаки молотили в бледный овал его лица, пальцы рвались к горлу. Он подтянул ноги, и я едва успел увернуться и принять удар на колено.

Мои руки, наконец, сомкнулись у него на горле. Финней тщетно пытался прохрипеть "Нет!", а я сжимал пальцы и яростно, с исступлением колотил его головой о бетонный пол, пока не исчез твердый звук удара, и раздавалось лишь мерзкое чавканье.

Только тогда я с трудом разжал руки и посмотрел на Финнея, или на то, что от него осталось. Меня стошнило.

Надрывное завывание сирен, крики. Завизжали тормоза, захлопали дверцы машин. Как сквозь туман до меня донеслись голоса. Я сидел на полу, пытаясь отдышаться, и рылся в карманах Финнея, пока не нащупал продолговатую карточку, которая стоила Лоле жизни.

Меня вывели на свет прожекторов и выслушали то, что я сказал. Потом связались по рации со штабом, и Пат подтвердил, что я не сумасшедший бандит, а частный детектив, действующий по заданию полиции. Проверка привела к Лоле. Решающий аргумент лежал в кармане у Финнея – обагренный кровью нож.

Я оказался в некотором роде героем, и со мной были очень любезны – даже не потрудились снять показания. Меня отвезли домой в полицейском фургоне, а коп пригнал мою машину. Полицейские были участливы: завтра, все завтра, сегодня мне следует отдохнуть.

В квартире надрывался телефон. Я машинально ответил, слушая, как кричит в трубку Пат, обещает приехать... Я оборвал разговор, даже не сказав ни слова.

Пат был забыт, все было забыто. На ватных ногах я спустился по лестнице и, обогнув дом, постучал в дверь моего приятеля Джо.

Через минуту зажегся свет, и на пороге появился Джо. Мужчина способен понять мужчину и, когда надо, промолчать. Джо закрыл за мной дверь и опустил шторы. Потом, не говоря ни слова, прошел за стойку, достал с полки бутылку и щедро плеснул в стакан.

Я не ощущал вкуса.

Я выпил еще и снова ничего не почувствовал.

– Потише, Майк, – заметил Джо. – Все, что хочешь, но потише.

Раздался голос, мой голос. Он лился сам по себе, назнакомый и отчужденный.

– Она была прекрасна и любила меня больше всего на свете, а я только начинал любить ее. Все могло быть так хорошо... Он убил ее, ублюдок, и я сделал кашу из его головы. Даже дьявол теперь его не узнает.

Я полез в карман за сигаретами и наткнулся на квитанцию. Имя – Нэнси Сэнфорд, адрес – отель "Морской" на Кони-Айленде.

Он заслужил смерть. Он хотел убить и рыжеволосую, но тут все обошлось без него. Парень с большими амбициями и большими планами. Он убил блондинку, он убил Лолу. Он собирался прикончить и меня, но тогда его отговорили – меня еще рано было убивать, незапланированное убийство слишком легко раскрывается.

Мне вспомнилось, что перед тем, как зайти в контору Мюррея Кандида, я видел закрывающуюся дверь и слышал кашель. Это был Финней. Он засек меня в клубе и предупредил Мюррея. Было ли у него кольцо? Каким образом оно тут замешано?!

Я слепо уставился на полку бара. Кольцо с геральдической лилией, кольцо Нэнси. Где оно сейчас?

В груди, раздирая ребра, застучал молот. Мои глаза не отрывались от длинного ряда бутылок.

Да. Да! Я понял, где кольцо!

Как я мог быть настолько глуп! Так невероятно, чудовищно недогадлив!

И Лола, которая послала меня в догонку за Финнеем, пыталась сказать кое-что еще...

Я выскочил за дверь, прежде чем Джо успел раскрыть рот. Можно было не торопиться, потому что времени, чтобы доехать до отеля "Морской" на Кони-Айленде и сделать то, что необходимо сделать, хватало. Я знал, что найду. Нуждаясь в деньгах Нэнси заложила камеру, а при выезде из отеля оставила там вещи, зная, что они будут в безопасности.

Я нашел его на заброшенной улице. Может, с крыши и открывался вид на море, но только не с того места, где стоял я. Облезлые стены, заколоченные окна и огромный щит: "Закрыто до начала сезона". Пониже мелкие буквы сообщали, что здание охраняется таким-то неизвестным детективным агентством. Я в последний раз затянулся и швырнул сигарету в песок, набившийся в водосточный желоб.

Одного взгляда на тяжелую дверь и массивные запоры на окнах было достаточно, чтобы понять: таким образом сюда не проникнуть. Снова полил дождь; а я стоял и улыбался. Милый дождь. Чудесный, прекрасный дождь. Через пять минут все следы на пустыре исчезнут.

Я полез вверх по отвесной стене. Ногти ломались, не удерживаясь в выбоинах кирпичей; дважды я соскальзывал вниз, в кровь раздирая лицо... Потом долго лежал на крыше, пытаясь восстановить дыхание и силы.

Посреди крыши был люк. Я навалился на него всей тяжестью тела, почувствовал, как шурупы петель вылезают из прогнившего дерева, и заглянул в черный провал – чердак отеля "Морской".

Это был какой-то склад старья, где вперемешку валялись тюбики из-под крема, консервные банки и полуистлевшая бумага. Я спрыгнул вниз и зажег малень-

кий фонарик. Луч выхватил из темноты другую дверь, густо оплетенную паутиной. Я сорвал паутину фонариком и повернул ручку.

При любых обстоятельствах "Морской" считался бы ночлежкой. Из-за песчанной почвы и того, что запах океана иногда пробивался сквозь вонь сосисок и человеческих тел, его назвали летнем отелем. Коридоры были грязными и облупившимися, ковер на полу протерся до дыр. Двери в номера еле держались на проржавевших петлях, грозя вот-вот упасть на бесчисленные крысиные следы, отпечатывающиеся в пыли.

То, что я искал, оказалось на другом этаже. Дверь в кладовую украшал старый замок поразительных размеров, который поддался лишь третьей отмычке. Я положил его на пол и толкнул дверь.

Этот склеп когда-то служил большой спальней, а теперь превратился в морг запакованных простыней, матрасов, грязной посуды... У дальней стены, среди поломанной мебели, была целая выставка: дешевые бумажные сетки, хозяйственные сумки, небольшие кошелки. К каждой к ручке был прикреплён ярлык. В углу стоял чемоданчик – цель моих поисков.

Я открыл его почти с благоговением и увидел, что там лежало. Теперь мне не было стыдно за Нэнси. Мне было стыдно за себя, за то, что я подозревал ее в шантаже. В этом чемоданчике заключался смысл ее жизни, полное разоблачение всей организации – записи, документы, фотографии. Фамилии и лица. Знакомые лица. Больше, чем просто олдермены. Больше, чем промышленные воротила. Нить шла в Сити-Холл. Парк-авеню содрогнется от удара. Когда...

Мои уши уловили слабый шум, тихий металлический скрежет. Я закрыл чемоданчик, вышел и запер дверь на замок, а потом сдул на него пригоршню пыли, собранной со стен.

В коридор проник желтый лучик керосиновой лампы, по лестнице зазвучали приглушенные шаги. Я скользнул в боковую комнату и засунул руку с часами в карман, чтобы свечение циферблата не выдало моего

присутствия. Шаги приблизились. В коридоре запрыгали чередующиеся полосы света и тени.

Над замком ему пришлсь возиться дольше, чем мне.

Услышав, как он вошел в комнату, я вынул из кармана револьвер. Звук моих шагов потерялся в шуме, который он производил, вытаскивая и открывая чемоданчик.

– Мистер Берин-Гротин, – позвал я.

Мне надо было молчать и стрелять в спину. Он вскочил с невероятной скоростью, при этом опрокинув лампу, и нажал на курок. Пуля ударила мне в грудь и отбросила в сторону. Другая пуля вошла в ногу.

Я покатился по полу, застонав от боли, наугад стреляя в темноту. Разлитый керосин внезапно ярко вспыхнул, и я увидел глаза Берина – безумные глаза. Он застыл на руках и коленях, на миг ослепленный огнем.

Револьвер дрожал, а отдача вообще выбила его из моей руки. Но этого было достаточно. Пуля сорок пятого калибра нашла свою цель.

Все вокруг полыхало, языки пламени лизали стены и рвались к потолку. С ревом занялись банки с краской и какая-то жидкость в бутылках. А мне становилось все тяжелее что-нибудь чувствовать, даже жар. В углу застонал и приподнялся Берин. Он увидел меня, беспомощно лежавшего на полу, и его рука потянулась за пистолетом.

Он бы прикончил меня. Но стена брызнула искрами, одна из балок потеряла опору из проржавевших болтов и, словно гигантское дерево, обрушилась вниз, пригвоздив проклятого убийцу на месте.

Я смеялся как дьявол, смеялся, смеялся и смеялся. Плевать мне было на то, что я погибну сам.

– Ты проиграл, Берин! Ты проиграл!

Он боролся с тяжелой балкой, не обращая внимания на огонь, и я почувствовал едкий запах паленого мяса.

– Сними ее с меня, Майк! Сними... пожалуйста! Ты получишь все, что хочешь!

– Я не могу... Я не могу даже шевельнуться. Если бы... но мне не сдвинуться с места.

– Майк...

– Ничего не выйдет, гнида. Я умру вместе с тобой. Я умру – но и ты тоже. Ты ведь не ожидал, что все так кончится? У тебя было кольцо и, вроде бы, время. Ты не знал, что я убил Финнея и забрал квитанцию.

Меня ждала Лола. Ты подслушал наш разговор по телефону и позвонил Финнею, а, отвлекая меня, включил проигрыватель. Лола... Она ждала меня, а дождалась убийцу. Ну, а ты задерживал меня, чтобы у Финнея было время вломиться в мою контору, найти и убить Лолу, потому что она знала адрес на квитанции.

Финней доложил тебе сразу же, как воткнул в нее нож, но она была еще жива и все поняла. Ты велел ему где-нибудь ждать – конечно, вдруг Финней сам наложит лапы на материал! Но я догнал его... О, ты играл умело, до самого конца. Интересно, как ты ушел из пансиона?

– Майк, я горю!

Его волосы задымились, и он снова закричал. Противоположная стена превратилась в сплошную завесу огня.

– Я не видел связи до сегодняшнего дня. В конечном итоге все решило кольцо. Я сидел и смотрел на бутылку виски, на этикетке с изображением трилистника геральдической лилии – такой же, как и над твоим мавзолеем, такой же, как на кольце. Тут я понял.

Берин отчаялся справиться с балкой. Его лицо исказилось от боли. Секунду я смотрел на него, потом вновь засмеялся.

– Трилистник был часть твоего фамильного герба. Не так ли? Признак верности... Ты и твоя проклятая честь, ублюдок! Нэнси Сэндфорд твоя внучка. Она ждала ребенка, и ты ее вышвырнул. Ты подумал о ее чести? Она притыкалась то там, то тут, живя под вымышленным именем. Так она познакомилась с подон-

ками типа Финнея и Росса Боуэна и стала проституткой. А однажды увидела их вместе с тобой.

Могу себе представить, что творилось у нее в голове, когда она осознала: ты – такой благородный и чистый! – живешь на деньги, выжатые из девичьих тел, за фасадом благопристойности и респектабельности... Все шло хорошо, пока не появилась Нэнси, с одной мыслью: уничтожить чудовищную организацию.

Только она была вынуждена оставить вещи и документы – до поры до времени. И тут на что-то наткнулся Финней.

Берин извивался и корчился под тлеющей балкой. Его глаза были прикованы к потолку, где трескалась и осыпалась штукатурка. Огонь бушевал уже по всей комнате, поглащая все, к чему прикасался. Скоро загорится пол – и наступит конец.

Я засмеялся. Берин повернул голову. Горящий кусок дерева упал ему на щеку, но он даже не почувствовал этого.

– Нэнси должна была быть убита, – продолжал я. – Кто мог предположить, что девушка, которой свернули шею и выбросили из автомобиля, сумеет подняться и угодить под колеса другой машины?

Ты обеспечил алиби Финнея в ночь убийства.

Все честь и гордость!.. Богатый бездельник, быстро оставшийся без гроша – но ложная честь не позволила тебе стать нищим. Сперва мелочи, потом более и более серьезные дела, которые захватили тебя и увлекли – и вот уже вся система – в твоих руках. Ты организовал самое чудовищное, самое аморальное занятие, но принять и простить родную внучку тебе не позволила гордость. А потом те же самые гордость и честь не могли потерпеть вмешательства в твои дела.

Мой голос был едва слышен в гудении пламени. Снаружи доносились завывания моторов и крики людей.

– Но твоя честь лежит в этом чемоданчике. Ты сдохнешь, и твое славное имя будет смешано с грязью!

– Не-ет! Черт побери, нет! Все сгорит! Кроме того, я здесь с тобой! Да-да! Ты будешь моим алиби! И мое имя не покроет позор!

Он был прав. Он был так прав, что закипевшая во мне ярость вытеснила боль из груди. Берин увидел, что я собираюсь сделать и закричал. Я оскалился: он был лыс – грешник, поджаривающийся в аду за убийства.

Обжигая руки, я ухитрился каким-то образом оторвать чемодан от пола и швырнул его в окно. Послышался возбужденный гул и резкий возглас: "Там кто-то есть!"

Ветер из разбитого окна полыхнул мне в лицо огнем, и я почувствовал, как горят мои волосы, увидел, как языки пламени овладели ногами Берина. Его пистолет лежал прямо под моей рукой.

Ему не следовало так говорить со мной. Это придало мне сил. Я крепко сжал пистолет.

– Твой мавзолей не будет пустовать. Там будет лежать девушка – девушка, которую погубила твоя честь. А ты будешь гнить в поле, рядом с Финнеем Ластом. Я расскажу полиции, что произошло. Солгу, но это будет похоже на правду. Я скажу, что прикончил одного из убийц, которых ты за мной послал. Тебя никогда не найдут, хотя бы искали век. И когда бы ни упоминалось твое имя, оно всегда будет сопровождаться проклятьями. Это будет смерть, которой ты страшился больше всего... Звери будут бродить по твоей безымянной могиле, заброшенной всеми, без надгробья.

Ужас метался в его глазах.

– Но я не откажусь от удовольствия убить тебя, крыса – за блондинку, за Лолу! И после этого смогу жить снова. Через минуту здесь будут люди. Меня спустят вниз, и я скажу, что подниматься не имеет смысла. Ты сгоришь дотла, так что никто не сможет тебя распознать.

Струя воды ударила в стену и превратила комнату в кипящий ад.

– Сейчас сюда втолкнут лестницу. Когда она появится, я выстрелю. Подумай об этом!

В коридоре что-то обрушилось, взметнулись искры. Дом задрожал. Потолок над нами треснул и начал расходиться, в щели било пламя.

Я посмотрел на Берина и засмеялся. Он повернул голову и уставился в дуло собственного пистолета. Его лицо застыло в кошмарной маске ненависти. О, как он молился, чтобы потолок накрыл нас обоих...

Что-то ударило в окно и влезло в комнату – два стержня, соединенных перекладиной. Лестница содрогалась, по ней кто-то лез.

Берин дико разинул рот, крича, как все фурии ада, но мой смех был громче.

Он все еще кричал, когда я нажал на курок...

Р. Желязны

ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ

1

Чайка сорвалась с места, взмыла в воздух и на миг, казалось, застыла на распростертых крыльях.

Черт Таннер большим и указательным пальцем швырнул окурок и угодил прямо в птицу. Чайка издала хриплый крик и резко забила крыльями. Она поднялась на пятьдесят футов, и, если и крикнула второй раз, то звук потерялся в реве ветра и грохоте прибоя. Одно серое перо, качаясь в фиолетовом небе, проплыло у края скалы и полетело вниз, к поверхности океана. Таннер ухмыльнулся в бороду, скинул ноги с руля и завел мотоцикл.

Он медленно поднялся по склону, свернул на тропу, затем прибавил скорость и, выходя на шоссе, шел уже шестьдесят миль в час. Дорога принадлежала только ему. Таннер слился с рулем и дал газ. Через забрызганные грязью защитные очки мир казался мерзким и пакостным – таким же, каким казался ему и без очков.

Все старые знаки с его куртки исчезли. Особенно жаль старой эмблемы. Может быть удастся раздобыть такую эмблему в Тихуане и заставить какую-нибудь крошку пришить ее... Нет, не пойдет. Все это мертво, все в прошлом. Надо продать "Харли", двинуться вдоль побережья и посмотреть, что можно найти в другой Америке.

Он проскочил Лагуна-Бич, Капистрано-Бич, Сан-Клементе и Сан-Онофре. Там заправился и прошел Карлсбад и множество мертвых поселков, что заполняли побережье до Солана-Бич Дель Мар. А за Сан-Диего его ждали.

Таннер увидел дорожный блок и развернулся. Они даже не сообразили, как он сумел это сделать – так быстро и на такой скорости. Сзади послышались выстрелы. А потом раздались сирены.

В ответ он дважды нажал на клаксон и еще плотнее прилип к рулю. "Харли" рванулся вперед; от на-

пряжения работающего на пределе мотора гудела стальная рама. Десять минут – оторваться не удалось. Пятнадцать минут...

Он взлетел на подъем и далеко впереди увидел второй блок. Его взяли в тиски.

Таннер огляделся в надежде найти боковые дороги. Боковых дорог не было.

Тогда он пошел прямо на блок. Можно попробовать прорваться.

Бесполезно!

Машины перегораживали все шоссе, даже обочину.

В самую последнюю секунду он притормозил, встал на заднее колесо, развернулся и помчался навстречу преследователям.

Их было шестеро; а за спиной уже завыли новые сирены. Он снова притормозил, взял влево, ударил по газу и спрыгнул. Мотоцикл понесся вперед, а Таннер покатился по земле, вскочил на ноги и бросился бежать.

Послышался скрежет тормозов. Потом звук удара. Потом выстрелы. Он продолжал бежать. Они стреляли поверх его головы, но он этого не знал. Его хотели взять живым.

Через пятнадцать минут его загнали к каменной стене.

Под дулами винтовок он отшвырнул монтировку и поднял руки.

– Ваша взяла, – проговорил он. – Берите.

На него надели наручники и втолкнули на заднее сиденье в одну из машин. С обеих сторон уселось по полицейскому. Еще один, с обрезом на коленях, сидел рядом с водителем.

Водитель завел двигатель и на задней передаче выехал на шоссе. Человек с обрезом повернулся и пристально посмотрел через бифокальные очки. Секунд десять он не сводил взгляда, а потом произнес:

– Это очень глупо с твоей стороны.

Черт Таннер смотрел на него так же пристально, пока человек не повторил: – Очень глупо, Таннер.

– О, я не знал, что ты обращаешься ко мне.

– Я смотрю на тебя, сынок.

– А я смотрю на тебя. Привет!

Водитель, не сводя глаз с дороги, сказал:

– Жаль, что мы должны его доставить в целости – после того, как он разбил машину своим проклятым мотоциклом...

– Всякое еще может случиться. К примеру, он может упасть и сломать парочку ребер, – заметил полицейский слева от Таннера.

Тот, что сидел справа, промолчал, но человек с обрезом покачал головой.

– Только если попытается бежать. Л-А он нужен в хорошей форме.

– Почему ты хотел смыться, приятель? Ты же знаешь, мы тебя все равно бы изловили.

Таннер пожал плечами.

– А чего меня ловить? Разве я что сделал?

Водитель громко хмыкнул.

– Именно поэтому. Ты ничего не сделал – а должен был. Припоминаешь?

– Я никому ничего не должен. Меня помиловали и отпустили подчистую.

– У тебя слабая память, парень. Когда тебя вчера выпускали, ты дал Калифорнийскому государству обещание. Двадцать четыре часа, которые ты испросил на улаживание своих дел, истекли. Если хочешь, можешь сказать "нет", и помилование аннулируют. Никто тебя не заставляет. Тогда остаток своих дней будешь дробить большие камни и камушки помельче. Нам плевать. Я слышал, у них есть другой вариант.

– Дайте сигарету, – сказал Теннер.

Полицейский справа протянул ему зажженную сигарету.

Он поднял руки, взял сигарету. Куря, он стряхивал пепел на пол.

Они мчались по шоссе. Когда машина проезжала городки или встречалась с транспортом, водитель врубал сирену, а наверху начинал мигать красный маяк.

Тогда сзади вторили сирены патрульных машин сопровождения. На протяжении всего пути до Л-А водитель ни разу не прикасался к тормозу и каждые пару минут выходил на связь по рации.

Внезапно с оглушающим шумом на них опустилось облако пыли и гравия. В правом нижнем углу пуленепробиваемого ветрового стекла появилась крохотная трещина. По крыше и капоту заколотили камни. Шины отчаянно визжали по гравию, мгновенно покрывшему всю поверхность дороги. Пыль висела тяжелым непроницаемым туманом, но через десять секунд они выскочили из нее. Все в машине подались вперед и стали смотреть наверх.

Небо приобрело багровый цвет; его пересекали черные линии, движущиеся с запада на восток. Линии распухали, сужались, скакали из стороны в сторону, иногда сливались. Водитель включил фары.

– Похоже, надвигается большая буря, – заметил человек с обрезом.

Водитель кивнул. – Взгляните дальше на север.

В воздухе началось завывание, темные полосы продолжали расширяться. Звук нарастал, терял звонкость, переходил в мощный рев.

Небо на глазах потемнело, и, вместе с пылью, на землю упала беззвездная, безлунная ночь. Иногда раздавалось резкое "понг!", когда в машину ударял осколок покрупнее.

Водитель зажег противотуманные фары, снова врубил сирену; машина неслась вперед. Завывание и грохот боролись с душераздирающим воплем сирены, а на севере разливалось голубое пульсирующее сияние.

Таннер докурил сигарету, и ему протянули другую. Теперь курили все.

– Тебе повезло, что мы тебя подобрали, парень, – сказал сосед слева. – Не то попал бы ты на своем мотоцикле...

– Был бы рад, – ответил Таннер.

– Ты спятил.

– Нет. Я бы прошел. Не впервой.

Когда они достигли Лос-Анджелеса, голубое сияние заполняло полнеба – подкрашенное розовым и простреляннoe дымчато-желтыми молниями, которые словно паутина тянулись к югу. Грохот стал оглушающим, физически ощутимым. Он бил по барабанным перепонкам и заставлял вибрировать кожу. Перебегая от машины к большому зданию с колоннами, им приходилось кричать во весь голос.

2

Когда они въезжали на стоянку, здание, на поверхности которого чередовались блики всполохов и холодные тени, казалось скульптурой, вырубленной из глыбы льда. Теперь оно было словно из воска, словно готово было расплавиться при первом дуновении жара.

Они торопливо взбежали по ступеням, и дежурный полицейский впустил их через маленькую дверь справа от тяжелых металлических двойных ворот, служащих главным входом в здание. Он закрыл дверь на замок и цепочку, но лишь после того, как, увидев Таннера, расстегнул свою кобуру.

– Куда? – спросил человек с обрезом.

– На второй этаж, – ответил полицейский, махнув в сторону лестницы. – Наверх и прямо до конца.

– Спасибо.

Грохот сюда почти не доносился, и в искуственном освещении тела вновь обрели живой вид.

Дойдя до последнего кабинета, человек с обрезом кивнул водителю.

– Стучи.

На пороге появилась женщина, начала что-то говорить, потом увидела Таннера и замолчала. Она отошла в сторону и распахнула дверь.

– Сюда, – пригласила она, и они протиснулись мимо нее в приемную. Женщина нажала кнопку на столе.

– Да, миссис Фиск? – раздался голос.

– Они здесь, сэр.

– Пусть заходят.

Она провела их в конец приемной и открыла темную дверь.

Сидящий за столом мужчина откинулся в кресле и переплел под подбородком короткие толстые пальцы. Его властные глаза были лишь чуть темнее серебристо-седых волос.

– Садитесь, – сказал он Таннеру мягким голосом. И добавил, обращаясь к остальным: – А вы подождите в приемной.

– Мистер Дентон, этот тип опасен, – предупредил человек с обрезом, когда Таннер небрежно развалился в кресле напротив стола.

Окна помещения закрывали стальные шторы, и о ярости разгулявшейся стихии можно было догадываться лишь по доносящимся издалека пулеметным очередям.

– Я знаю.

– По крайней мере, он в наручниках. Оставить вам оружие?

– У меня есть.

– Хорошо. Мы будем снаружи.

Они покинули комнату.

Двое мужчин не сводили друг с друга глаз, пока дверь не закрылась. Потом тот, кого назвали Дентоном, произнес:

– Теперь ваши дела улажены? – а другой пожал плечами.

– И все-таки, как вас действительно зовут? Даже по документам...

– Черт, – сказал Таннер. – Так меня зовут. Я был седьмым ребенком в семье, и когда повитуха показала меня старику и спросила, какое имя он хочет мне дать, тот буркнул: "Черт!"-и ушел. Так меня и записали. Это рассказал мне брат. Я не мог расспросить своего папашу, потому что никогда его не видел. Он сгинул в тот же день.

– Значит, всех семерых воспитала мать?

– Нет. Она померла спустя две недели, и нас приютили родственники.

– Понятно... – проговорил Дентон. – У вас еще есть выбор. Хотите попробовать или нет?

– А кто вы, собственно, такой? – спросил Таннер.

– Министр транспорта государства Калифорния.

– При чем тут это дело?

– Я за него отвечаю. С таким же успехом на моем месте мог быть Главный врач или Начальник почт, но я все-таки лучше прочих знаю техническую сторону. Лучше знаю шансы на успех...

– И каковы они? – поинтересовался Таннер.

Впервые за весь разговор Дентон отвел глаза.

– Да, дело рискованное...

– Точнее, оно еще никому не удавалось, кроме того парня, который принес сообщение. Но он мертв... И после этого вы говорите о шансах на успех?

– Вы думаете, – медленно произнес Дентон, – что это самоубийство. Возможно, вы правы... Мы посылаем три машины с двумя водителями в каждой. Если хотя бы одна из них пробьется достаточно близко, то ее радиомаяк наведет группы из Бостона... Впрочем, вы можете отказаться.

– Ага. И провести остаток жизни в тюрьме.

– Вы убили троих человек. Вас могли казнить.

– Но не казнили, так что к чему зря болтать? Послушайте, мистер, я не желаю подыхать, однако и ваш вариант меня не прельщает.

– Либо вы едете, либо нет. Выбирайте. Но помните – если вы поедете и доберетесь до Бостона, все будет забыто, и вы свободны делать, что хотите. Государство Калифорния даже заплатит за тот мотоцикл, который вы угнали и разбили, не говоря уже об ущербе полицейской машине.

– Большое спасибо...

Ураганный ветер бился и завывал за стенами, и резкие удары о стальные шторы сотрясали комнату.

– Вы очень хороший водитель, – продолжил Дентон немного погодя. – Вам приходилось водить практически все, что способно ездить. Когда вы занимались контрабандой, то делали ежемесячные рейсы в Солт-Лейк-Сити. Даже сегодня очень немногие отважились бы на это.

Теннер улыбнулся каким-то своим мыслям.

– ... Вы были лучшим водителем на сиэтловском маршруте и единственным человеком, сумевшим доставить почту в Альбукерке. После вас это никому не удавалось... Я хочу лишь сказать, что из всех наших асов у вас лучшие шансы на удачу. Если кто-нибудь и дойдет до цели, то, скорее всего, вы. Вот почему с вами были терпеливы. Но больше мы ждать не можем. Ответ нужен немедленно, и в случае согласия – выезд через час.

Теннер поднял скованные руки и указал на окно.

– В такую погоду?

– Машины смогут выдержать, – ответил Дентон.

– Да вы с ума сошли!

– Пока мы с вами тут болтаем, там умирают люди.

– Парочкой больше, парочкой меньше... Разве нельзя отложить до завтра?

– Нет! Человек пожертвовал своей жизнью, чтобы доставить нам это сообщение! Континент необходимо пересечь как можно быстрее, иначе все лишается смысла. Есть буря или нет, машины должны уйти немедленно! И ваши чувства здесь совершенно не при чем. Итак, я жду ответа.

– Мне необходимо поесть. Я не...

– В машине есть еда. Ну?

– Хорошо, – промолвил Таннер, глядя в темное окно. – Я пройду для вас Долину Проклятий. Однако я не сдвинусь с места пока не получу кое-какой бумаги.

– Она у меня.

Дентон открыл ящик стола и вынул плотный пакет, из которого извлек лист бумаги с ярким оттиском Большой государственной печати Калифорнии.

Таннер внимательно прочитал текст.

– Здесь говорится, что если я доберусь до Бостона, то получу полное прощения за все преступные действия, совершенные на территории государства Калифорнии...

– Да.

– Входят ли сюда преступления, о которых вам неизвестно, если они вдруг всплывут?

– Там сказанно: "все преступные действия".

– Значит, договорились. Снимите эти браслеты и покажите мою машину.

Дентон вернулся на свое место и сел.

– Скажу вам еще кое-что. Если вздумаете где-нибудь по пути отстать... В общем, у других водителей есть приказ на этот случай, и они согласны его выполнить. Приказ открыть огонь. От вас и пепла не останется. Это ясно?

– Еще бы, – ответил Таннер. – Я так понимаю, что обязан оказать им ту же услугу?

– Верно.

– Отлично. Это может быть любопытно.

– Не сомневался, что вам понравится. Но перед тем, как снять наручники, я хочу сказать, что я о вас думаю.

– Что ж, если вы желаете тратить время, пока там умирают люди...

– Заткнитесь! Вам на них совершенно наплевать!.. Я только хочу сказать, что, по моему мнению, вы – самое низкое существо, которое я когда-либо встречал. Вы убивали мужчин и насиловали женщин. Вас два раза осудили за торговлю наркотиками и три – за сводничество. Вы пьяница и дегенерат. Не думаю, что вы принимали ванну хоть раз со дня своего рождения. С дружками-головорезами вы терроризировали честных людей, старающихся сплотиться и встать на ноги после войны. Вы крали и грабили, не гнушаясь отнимать самое необходимое. Жаль, что вас не убили, как прочих, во время Большого Рейда. Вы – не человек. В вас нет того, что позволяет людям жить в обществе. Единственное ваше достоинство – если его можно на-

звать достоинством – заключается в том, что ваши рефлексы немного быстрее, мускулы немного сильнее, зрение немного лучше, чем у большинства из нас, и вы можете проехать сквозь что угодно, если через это вообще можно проехать. Если один раз вы употребите свое единственное достоинство на пользу, а не во вред... Мне это не нравится. Я бы на вас не полагался, потому что вы не из таких людей, на кого можно положиться. Я был бы рад, если бы вы сдохли, и хотя я очень хочу, чтобы кто-нибудь доехал, надеюсь, что это будете не вы. Я ненавижу вас. А теперь идем. Машина ждет.

Дентон поднялся; поднялся и Таннер, глядя на него сверху вниз и скалясь в усмешке.

– Я доеду. Если этот бостонец доехал и помер, то я доеду и останусь жить.

Они подошли к двери.

– Я желаю удачи, – процедил Дентон. – Не ради вас, конечно.

– Конечно, я понимаю.

Дентон открыл дверь.

– Освободите его. Он едет.

Старший полицейский передал обрез тому, кто угощал Таннера сигаретами, и полез в карман за ключами. Отомкнув наручники, он отступил назад и повесил их себе на пояс.

– Я пойду с вами, – сказал Дентон. – Гараж внизу.

Когда они ушли, миссис Фиск достала из сумочки четки и склонила голову. Она молилась за Бостон, она молилась за душу усопшего гонца. Она помолилась даже за Черта Таннера.

3

Они спустились вниз, и Таннер увидел три машины; и еще увидел пятерых мужчин, сидящих вдоль стены. Одного он узнал.

– Денни, – прговорил Таннер, – подойди сюда.

К нему подошел стройный светловолосый юноша, державший в правой руке шлем.

– Какого дьявола ты здесь ошиваешься? – потребовал ответа Теннер.

– Я второй водитель машины номер три.

– У тебя собственный гараж и нет никаких грязных дел за спиной. Чего ради ты согласился?

– Дентон предложил мне пятьдесят тысяч, – сказал юноша, и Таннер отвел взгляд. – Я хочу жениться, и они бы мне пригодились.

– Я считал, что тебе хватает.

– Да, но я собираюсь купить дом.

– Твоя девушка знает, что ты надумал?

– Нет.

– Послушай, у меня другого выхода нет. А ты можешь не соглашаться...

– Это уже мне решать.

– ... поэтому вот что я тебе скажу: поезжай в Пасадену, в то место, где мы играли мальчишками, – помнишь, скалы у больших деревьев?

– Конечно.

– От дерева в центре, с той стороны, где я вырезал свои инициалы, отмерь семь шагов и копай там фута четыре. Ты понял?

– Ну. А что там такое?

– Мое наследство. Найдешь стальной ящик, наверное, весь проржавевший. Внутри, в опилках, запаянная с обеих сторон труба. В ней чуть больше пяти тысяч; купюры чистые.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Потому что теперь это твои деньги, – ответил Таннер и ударил его в челюсть.

Денни упал, и он еще трижды ударил его ногой в ребра, прежде чем подоспели полицейские.

– Идиот! – закричал Дентон. – Проклятый, сумасшедший идиот!

– Угу, – ухмыльнулся Таннер. – Но мой брат не поедет по Долине Проклятий, пока я рядом и в состоянии вывести его из игры. Лучше ищите другого води-

теля – у Денни переломаны ребра. Или дайте мне вести самому.

– Значит, ты поведешь один, – решил Дентон. – Мы не можем больше ждать. В машине есть тонизирующие средства, не дай бог тебе заснуть. Если отстанешь, тебя сожгут. Не забывай.

– Не забуду. И вас не забуду, мистер, если когда-нибудь снова окажусь в этом городе. Не сомневайтесь.

– Тогда садись в машину номер два. Вакцина под задним сиденьем... Двигай, подонок!

Таннер сплюнул на пол и повернулся спиной к Министру транспорта. Несколько полицейских оказывали первую помощь его брату, один побежал за врачом. Пока Дентон разбивал оставшихся четырех водителей на пары, Таннер забрался в машину, завел мотор и стал ждать. В одном из отделений он нашел сигареты, закурил и откинулся на спинку сиденья.

Водители заняли места в бронированных автомобилях. Ожила рация; раздался треск, гул, шорох и, наконец, голос:

– Машина номер один – готовы!

Затем, после паузы, другой голос доложил: – Машина номер три – готовы!

Таннер взял микрофон, вдавил кнопку сбоку и произнес:

– Готов.

– Пошли!

Машины поднялись по наклонной плоскости, проехали через откатившиеся в сторону стальные двери и вступили в ураган.

4

Это был кошмар – выбраться из Лос-Анджелеса и доехать до шоссе 91. Вода низвергалась потоками, и камни с футбольный мяч колотили в броню автомобилей. Таннер закурил и включил специальные фары. В инфракрасных лучах он продирался через свирепствующую ночь.

Рация трещала, и много раз ему чудились далекие голоса, но ни разу он не мог разобрать слов.

Машины двигались по шоссе, а когда то кончилось, и шины натужно завздыхали по исковерканной земле, Таннер вышел вперед, а остальные послушно пристроились сзади. Он знал дорогу; они – нет.

Он выбрал старый путь контрабандистов, по которому обычно провозил сласти мормонам. Возможно, кроме него не осталось в живых людей, знавших этот путь.

Начали срываться молнии, и не по одной, а целыми стенами. Машина была изолирована, однако вскоре волосы у него на голове встали дыбом. Один раз вроде бы показалось гигантское чудовище Хила, но Таннер не был уверен и даже не повернулся к пульту управления огнем. Судя по задним экранам, один из автомобилей выпустил ракету, но радиосвязь была потеряна, как только они выехали из гаража.

Навстречу несся разбивающийся о машину поток воды. В небе громыхала артиллерийская канонада. Прямо впереди упал булыжник размером с могильную плиту, и Таннер резко крутанул руль, объезжая его. С севера на юг небеса прорезали яркие багровые вспышки. В их свете он различал множество черных полос, скользящих с запада на восток.

Таннер объехал очаг радиации, не ослабевшей за те четыре года, что он здесь не был. У места, где песок сплавился в стеклянное озеро, Таннер сбавил скорость, остерегаясь скрытых расселин.

Еще трижды на них обрушивались лавины камней, прежде чем небеса раскололись и впустили яркий голубой свет. Темные шторы откатились назад, громыхание затихло. На севере сохранилось бледно-лиловое свечение, и зеленое солнце нырнуло за горизонт.

Таннер вырубил инфра-прожекторы, стянул очки и включил обычные ночные фары.

Что-то большое, похожее на гигантскую летучую мышь промелькнуло в коридоре света. Через пять минут оно показалось снова, на этот раз гораздо ближе, и

Таннер выпустил осветительную ракету. Обрисовалась черная туша футов сорока в поперечнике. Таннер дал две очереди из пулемета, туша провалилась и больше не появлялась.

Для всех людей здесь уже была Долина Проклятий; для Черта Таннера это все еще была автостоянка. Таннер проходил здесь тридцать два раза. Лично для него Долина Проклятий начиналась с того места, которое раньше называлось Колорадо.

Он шел впереди, а они следовали сзади, и ночь вокруг размывалась, как наждак.

Самолеты давно не летали. Ни один аппарат не мог подняться выше двухсот футов – туда, где начинались ветры. Свирепые ветры, опоясывающие земной шар, срывающие вершины гор, гигантские секвойи, развалины зданий; зашвыривающие птиц, летучих мышей и насекомых в мертвую зону; ветры, пронизывающие небеса черными полосами мусора. Эти полосы иногда встречались, сталкивались, сливались, обрушивая на землю тонны месива всякий раз, когда масса их оказывалась слишком большой. Воздушное сообщение абсолютно исключалось, ибо ветры повсюду и никогда не утихали. По крайней мере, на 25-летней памяти Черта Таннера.

Таннер упорно двигался вперед, под углом к заходящему зеленому солнцу. Продолжала падать пыль, небо стало фиолетовым; потом опять багровым, и наступила ночь. И где-то высоко над всем этим чуть заметными пятнышками света замерцали звезды. Через некоторое время поднялась луна, и в сиянии ее полуобрезанного лика ночь была цвета красного вина перед тусклой свечой.

Таннер вытащил сигарету, закурил и стал ругаться – медленно, тихо и бесстрастно.

Они прокладывали путь сквозь нагромождения камней, стали, обломков машин.

Перед Таннером возникло отливающее зеленью туловище с мусорный бак в поперечнике, и он остановил машину. Змея была не менее ста двадцати футов

длиной, и только когда вся она проползла, Таннер снял ногу с тормоза и плавно нажал на педаль газа.

Глядя на левосторонний экран ему показалось, что он видит два огромных светящихся глаза. Одна его рука легла на пульт управления огнем, и Таннер не убрал ее, пока не проехал несколько миль.

Окон в автомобиле не было – только экраны, дающие обзор во всех направлениях, включая небо наверху и землю под машиной. Автомобиль, тридцати двух футов в длину, защищавший водителя от радиации, двигался на восьми колесах с армированными покрышками. Он был оборудован десятью пулеметами пятидесятого калибра и четырьмя гранатометами и, кроме того, нес тридцать бронебойных ракет, которые можно пускать прямо вперед или под углом возвышения до 40 градусов. Со всех четырех сторон и на крыше стояло по огнемету. Как бритва острые "крылья" из закаленной стали – размахом в двенадцать футов, восемнадцати дюймов шириной у основания и сужающиеся в точку – выдвигались из корпуса на высоте двух с половиной футов и, словно ножи, могли рассечь что угодно. Машина была бронирована, оборудована установкой кондиционирования воздуха, несла запасы пищи и санитарные удобства. На левой дверце был укреплен длинноствольный "магнум". Пистолет-автомат сорок пятого калибра и шесть ручных гранат занимали полку над головой водителя.

Но Таннер сохранил и собственное оружие – длинный тонкий кинжал в правом ботинке...

Они находились на территории района, когда-то называемого штатом Невада.

Таннер стянул перчатки и вытер ладони о штаны. Пронзенное сердце, вытатуированное на правой руке, светилось красным в огнях приборной доски. Проходящий сквозь сердце нож отливал синим, и тем же цветом на четырех пальцах, начиная от основания мизинца, по букве на каждом суставе было наколото имя.

Таннер открыл и перерыл два ближайших отделения, но сигар не нашел. Он бросил окурок на пол, раздавил и достал другую сигарету.

На экране переднего обзора показались заросли, и Таннер сбросил скорость. Он попытался выйти на связь, но радио доносило лишь треск статических помех. Он опять сбавил скорость, всмотрелся вперед и вверх, остановился, включил фары на полную яркость и задумался.

Перед ним стояла плотная стена колючего кустарника, высотой до двенадцати футов. Стена тянулась налево и направо, и конца ей не было видно. Насколько она прочная и глубокая он сказать не мог. Пару лет назад ее не было.

Две другие машины остановились сзади и притушили огни.

Таннер медленно подъехал вплотную к зарослям и включил фронтальный огнемет. Длинный язык пламени рванулся вперед, облизывая кустарник. Он выключил огнемет, подождал и включил снова.

Огонь яростно полез наверх, растекаясь по сторонам. Таннер подал назад и уменьшил яркость экранов. Пожар неистовствовал, расширяясь на сто футов, двести, триста... Перед Таннером в обе стороны текла река огня, и ночь озарилась взметающимися языками пламени.

Он глядел на пылающий поток, пока ему не почудилось, будто перед ним расплавленный океан. Тогда он полез в холодильник, но пива не обнаружил; достал прохладительный напиток и, посасывая из банки, смотрел на беснующийся огонь. Через десять минут включился кондиционер. Орды черных тварей закрыли передний экран; по бамперу и крыше заскрежетали когти.

Таннер притушил фары, вырубил двигатель и швырнул пустую банку в корзину для мусора. Потом откинул спинку сиденья, устроился поудобнее и закрыл глаза.

5

Его разбудили гудки. Еще стояла ночь. Судя по часам на приборной панели, он проспал чуть больше трех часов.

Таннер потянулся и сел. Две другие машины подъехали и стояли по бокам. Он дважды нажал на клаксон и завел мотор. Потом зажег передние фары и, натягивая перчатки, стал осматриваться.

С почерневшей почвы все еще вился дымок, и где-то вдали по обеим сторонам мерцало сияние, словно пожар продолжался.

Он потер глаза, почесал нос, затем дал еще один гудок и отжал сцепление. Машина въехала на выгоревшее поле, и экраны сразу заволокло клубами пепла и дыма. Под колесами трещали чьи-то хрупкие останки.

Таннер выпустил осветительную ракету, и в ее ярком холодном свете увидел тянущуюся до горизонта мертвую выжженную равнину.

Он вдавил акселератор, и расположившиеся по флангам и чуть сзади машины разъехались далеко в стороны, чтобы не попасть в черные тучи пепла, поднятые его броневиком. Затрещало радио, раздался слабый голос, но слов было не разобрать.

Он снова нажал на клаксон и еще прибавил скорость.

Через полтора час пепел впереди кончился, показался чистый песок. Они опять двигались по пустыне. Таннер сориентировался по компасу и взял чуть западнее. Машины номер один и номер три повторили его маневр и с той же скоростью пошли следом. Одной рукой он держал руль, другая была занята бутербродом с солониной.

Когда много часов спустя наступило утро, он принял тонизирующую таблетку и прислушался к завыванию ветра. Справа серебрянным расплавленным шаром поднялось солнце, и треть янтарного небосвода затянуло словно паутиной тонкими нитями. Пустыня сверкала топазом. Постоянно висящая за спиной бурая

пелена пыли, пронизываемая лишь копьями света идущих сзади машин, приобретала розовый оттенок по мере того, как солнце наращивало ярко-красную корону, и тени бежали на запад.

Мимо пронеслась стая гигантских крыс, и далеко впереди Таннер увидел низвергающийся с небес водопад. Он исчез к тому времени, когда машина подъехала к влажному песку, но слева валялась дохлая акула, и повсюду были водоросли, водоросли, водоросли...

Таннер залпом выпил бутылку ледяной воды и почувствовал, как она комом легла в желудке. У огромного оранжевого кактуса, формой напоминающего поганку футов пятидесяти в диаметре, сидела пара койотов с высунутыми ярко-алыми языками. Казалось, они смеются.

Таннер нажал кнопку, и кабину наполнили мягкие звуки струнных инструментов. Он выругался, но музыку оставил.

Еще одно озеро расплавленного песка с колоссальной воронкой посередине, которую пришлось объехать.

Небо постепенно бледнело, на смену розовому оттенку пришел синий. Темные линии сохранились; иногда одна из них расширялась в черную реку, текущую на восток. В полдень такая река на одиннадцать минут затмила солнце. Налетела пыльная буря, и Таннер включил радар и фары. Он знал, что где-то впереди расщелина, и, наткнувшись на нее, взял влево и ехал вдоль ее края около двух миль, пока она не сузилась и, наконец, не исчезла. Бурю развеял резкий порыв ветра, и Таннер надел темные очки – блеск солнечного света, отраженного от зеркальной равнины, слепил глаза.

По пути встречались какие-то высокие кварцевые образования. В прошлом он никогда не останавливался, чтобы изучить их повнимательней, и не имел такого желания сейчас.

Опять начался песок – белый, серовато-коричневый и красный. В огромных вздымающихся дюнах там и сям росли кактусы. Небо продолжало менять цвет, по-

ка не стало голубым, как глаза младенца. Таннер тихонько мычал в такт музыке. А потом увидел чудовище.

Это была гигантская Хила, ядовитая ящерица, громадная, больше автомобиля. Она выскочила из-за затененной гряды и помчалась навстречу. Чешуйчатое тело сверкало на солнце разноцветными красками, темные глаза смотрели вперед не мигая, песчаные струйки срывались с широкого, заостренного к концу хвоста.

Таннер не мог использовать ракеты, потому что чудовище было сбоку. Он открыл пулеметный огонь, выдвинул "крылья" и вжал педаль газа в пол. Затем, прблизившись, пустил облако огня. К тому времени стреляли и другие машины.

Хила взмахнула хвостом и разинула пасть. Фонтаном ударила и потекла на землю кровь. Потом в чудовище попала ракета. Оно повернулось... прыгнуло...

Раздался громкий скрежещущий удар, когда колоссальная безжизненная туша упала на машину номер один.

Таннер развернулся и затормозил. Подбежав к искореженной машине, он, прежде чем приблизиться, сперва выпустил из винтовки шесть пуль в голову чудовища.

Распахнутая дверца висела на нижней петле. Внутри лежали двое; на приборной доске алела кровь.

Подошла пара других водителей; все молча смотрели на машину. Затем тот, кто был поменьше ростом, влез в исковерканный салон, пощупал пульс, прислушался к дыханию.

– Майк мертв, – сообщил он, – а Грег, по-моему, приходит в себя.

У заднего бампера появилось быстро расплывающееся пятно, в воздухе запахло бензином.

Таннер вытащил сигарету, передумал и засунул ее в пачку. Слышно было, как с бульканьем льется на землю горючее из топливных баков.

Человек, стоявший рядом с Таннером, проговорил:

– Никогда не видел ничего подобного. Только на картинках...

– Я видел, – оборвал его Таннер. В эту минуту из машины выбрался другой водитель, волоча за собой тело.

– С Грегом все в порядке. Просто ударился головой о приборную доску. Возьми его к себе, Черт, тебе нужен напарник.

Таннер пожал плечами, отвернулся и зажег сигарету.

– Здесь, по-моему, курить не... – начал стоявший рядом водитель, и Таннер выпустил ему в лицо клуб дыма.

В Греге, похоже, текла индейская кровь. Скуластый, темноволосый и темноглазый, с густым загаром, ростом он не уступал Таннеру, хотя был полегче. Теперь, когда Грег глотнул свежего воздуха и несколько оправился, осанка его стала прямой, двигался он легко, с кошачьим изяществом.

– Надо похоронить Майка, – сказал тот, который был пониже ростом.

– Жаль терять время, – отозвался его товарищ, – однако...

И тут Таннер швырнул сигарету в темную лужу под машиной и бросился на землю.

Взметнулось пламя, с визгом сорвались ракеты, прочерчивая темные борозды в раскаленном полуденном воздухе. Начали взрываться пулеметные патроны, за ними ручные гранаты, и Таннер зарывался все глубже в песок, закрывая голову и зажимая уши.

Как только все стихло, он потянулся за винтовкой, но они уже надвигались, и Таннер, глядя в дуло пистолета, медленно поднял руки и встал.

– Какого черта ты это сделал? – потребовал человек с пистолетом.

– Теперь его не надо хоронить, – усмехнулся Таннер. – Кремация ничуть не хуже.

– Ты мог всех нас угробить, если бы пулеметы или ракеты были нацелены в нашу сторону!

– Я посмотрел.

– Осколки... А, понимаю! Ну-ка, приятель, подбери свою винтовку... Дулом к земле!.. разряди и положи патроны в карман... Хотел от нас отделаться, да? Чтобы самому улизнуть, как пытался вчера?

– Я этого не говорил.

– Зато это правда. Тебе ведь наплевать, если в Бостоне все загнуться?

– Винтовка разряжена.

– Тогда забирайся в машину и пошел! Учти – я буду сзади.

Таннер направился к своей машине. Он слышал за спиной шум спора, но не думал, что они станут стрелять. Уже открыв дверцу, он увидел краем глаза тень и резко повернулся.

Рядом стоял Грег, высокий и тихий, как призрак.

– Хочешь, я поведу? – бесстрастно предложил он.

– Отдыхай. Я пока в форме. Может быть, позже.

Грег кивнул, обошел машину и, усевшись, сразу откинул спинку сиденья.

Таннер захлопнул дверцу и завел мотор. С гулом ожил кондиционер.

– Перезаряди и положи на место. – Он передал винтовку и патроны, натянул перчатки и добавил: – В холодильнике полно лимонада. И ничего другого.

Напарник снова молча кивнул.

– Что ж, покатили, – пробормотал Таннер, услышав заработавший двигатель машины номер три, и отжал сцепление.

6

Они ехали молча на протяжении получаса. Потом Грег произнес: – Это правда, что сказал Марлоу?

– Какой еще Марлоу?

– Который ведет другую машину. Ты пытался убить нас? Ты в самом деле хотел смыться?

Таннер засмеялся.

– Верно. Угодил в точку.

– Почему?

– А почему бы и нет? – помолчав, ответил Таннер. – Я не рвусь умирать. Лично мне хочется отодвинуть это событие как можно дальше.

– Но если мы не дойдем, половина народу на континенте погибнет! – воскликнул Грег.

– Когда вопрос стоит "я или они", то "я" мне как-то ближе.

– Откуда только берутся такие, как ты...

– Тем же образом, что и остальные, – усмехнулся Таннер. – Сперва двое забавляются, а потом кто-то расхлебывает.

– Что они тебе сделали, Черт?

– Ничего. А что они сделали для меня? Тоже ничего! Что я им должен? То же самое.

– Зачем ты избил своего брата?

– Не хочу, чтобы он подох по собственной глупости. Ребра срастутся, а вот смерть – штука непоправимая.

– Я не о том... Разве тебе не наплевать, если он загнется?

– Он хороший парень. Но сейчас зациклился на своей девочке и валяет дурака.

– Ну, а тебе-то что?

– Я же сказал: он мой брат и хороший парень. Он мне по душе.

– То есть?

– О, черт подери! Мы с ним немало повидали, вот и все! Что тебе от меня надо?

– Просто любопытно.

– Отвяжись! Подыщи другую тему, если хочешь говорить, ясно?

– Ясно. Ты здесь уже бывал?

– Да.

– А дальше к востоку?

– Я доезжал до самой Миссисипи.

– Ты знаешь, как перебраться на тот берег?

– Вроде бы. У Сент-Луиса сохранился мост.

– А зачем ты так далеко забирался?

– Хотел посмотреть, что там творится. Я слышал такие истории...

– И на что это похоже?

– На кучу хлама. Сожженные города, огромные воронки, обезумевшие звери, люди...

– Люди? Там есть люди?

– Если можно их так назвать. Все чокнутые. Бродят в каких-то лохмотьях или шкурах, а то и голышом. Швыряли в меня камни, пока я не пристрелил парочку. Только тогда оставили меня в покое.

– Давно это было?

– Лет шесть-семь назад. Я совсем юнцом был.

– И никому не рассказывал?

– Рассказывал. Двум дружкам. Больше меня никто не спрашивал. Мы собирались отправиться туда за девочками, но ребята струхнули.

– А что бы вы с ними сделали?

Таннер пожал плечами.

– Не знаю. Продали бы, наверно.

– Вы там действительно... ну, продавали людей?

Таннер снова пожал плечами.

– Бывало, – бросил он. – До Рейда.

– Как ты ухитрился остаться в живых? Говорят, тогда никто не ушел.

– Я сидел. За бандитизм.

– А чем занимался, когда тебя выпустили?

– Позволил себя перевоспитывать. Мне дали работу – развозить почту.

– А, я слыхал. Правда, только сейчас догадался, что речь шла о тебе. Вроде сначала все складывалось хорошо – ты даже шел на повышение. А потом избил начальника и потерял работу. Как это получилось?

– Он вечно поддевал меня по поводу прошлого, вспоминал мою старую банду с Побережья... Ну и в один прекрасный день я велел ему заткнуться. Он расхохотался, и я жахнул его цепью. Выбил у ублюдка передние зубы.

– Дела...

– Я был у него лучшим водителем. Никто больше не соглашался ходить в Альбукерке, даже сегодня не соглашаются. Разве уж совсем припрет с деньгами.

– Ну, а пока ты ездил, нравилось?

– Да, я люблю водить.

– Тебе, наверное, следовало попросить перевода, когда он стал приставать.

– Знаю. Сейчас бы я, пожалуй, так и сделал. А тогда я был совсем бешеный.

– Если мы дойдем до Бостона и вернемся назад, тебе наверняка удастся получить это место. Ты бы согласился?

– Во-первых, – сказал Таннер, – я не думаю, что мы дойдем. А во-вторых, если нам все-таки повезет, и если там еще есть люди, я вряд ли вернусь обратно.

Грег кивнул.

– Разумно. Ты будешь героем. И никому не известно твое прошлое. Ты сможешь неплохо устроиться.

– К черту героев... – процедил Таннер.

– А я вот вернусь. У меня старуха-мать и орава братьев да сестер, о которых надо заботиться. И девушка.

Небо постепенно бледнело, и Таннер увеличил яркость экранов.

– Расскажи мне про свою мать.

– Она у нас хорошая. Вырастила семерых. А сейчас у нее тяжелый артрит... Днем она работала, но всегда готовила нам еду, а иногда приносила что-нибудь сладкое. Шила одежду, играла с нами, бывало, вспомнит о довоенных временах...

– А твой старик? – после короткого молчания спросил Таннер.

– Он сильно пил, часто сидел без работы. Но никогда не дрался. Погиб, когда мне и двенадцати не было.

– И теперь обо всех заботишься ты?

– Да. Я старший.

– Чем ты занимался?

– Работал на твоем месте. Возил почту в Альбукерке.

– Не шутишь?

– Нет.

– Будь я проклят!... Горман все еще инспектор?

– Ушел на пенсию в прошлом году, по инвалидности.

– Черт побери, забавно! Послушай, ты там, в Альбукерке, никогда не бывал в баре "У Педро"?

– Бывал.

– У них играла на пианино такая маленькая блондиночка, Маргарет...

– Сейчас ее нет.

– А...

– Теперь вместо нее какой-то парень. Жирный, со здоровенным кольцом на левой руке.

– Как твоя голова? – немного погодя спросил Таннер.

– Вроде бы нормально.

– Сможешь вести?

– Конечно.

– Тогда садись за руль. – Таннер ударил по клаксону и остановил машину. – Иди по компасу миль сто, а потом меня разбудишь. Ясно?

– Хорошо. На что обращать внимание?

– На змей. Наверняка попадется парочка. Ни в коем случае не наезжай на них.

– Понял.

Они поменялись местами. Таннер откинулся на спинку, зажег сигарету и заснул, не выкурив и половины.

7

Когда Грег разбудил его, стояла ночь. Таннер прокашлялся, отпил глоток ледяной воды и пролез в туалет. Выйдя, он занял место водителя, взглянул на счетчик пути и определился по компасу.

– К утру доберемся до Солт-Лейк-Сити, если повезет. Все нормально?

– Никаких осложнений. Видел парочку змей и держался от них подальше.

Таннер ухмыльнулся и тронул машину.

– Как звали того парня, который принес известие об эпидемии?

– Не то Брейди, не то Бройди...

– Он не болел? Мог ведь занести мор в Л-А...

Грег покачал головой. – Нет. Его машина была разбита, сам покалечен, ну и облучился. Тело сожгли, машину тоже, и всем, кто с ним имел дело, вкололи дозу Хавкина.

– Это что еще за штука?

– То, что мы везем. Сыворотка Хавкина, единственное средство от этой чумы. Тебе делали какие-нибудь уколы?

– Перед тем, как выпустить... Интересно, где он перебирался через Миссисипи? Не говорил?

– Он вообще ничего не успел сказать. Все стало известно из письма.

– Должно быть, чертовски хороший водитель... Я бы с удовольствием с ним познакомился.

– Я тоже. Жаль, что теперь нельзя связаться с Бостоном по радио, как в старые времена.

– Почему?

– Тогда ему не было бы нужды ехать. Да и мы, между прочим, знали бы, стоит ли спешить. Покойникам сыворотка ни к чему.

– Что правда, то правда... Гляди!

Весь экран закрывали кувыркающиеся в воздухе гигантские летучие мыши.

– Да их здесь тысячи...

– Похоже. Вроде бы больше, чем пару лет назад. В Солт-Лейк-Сити мне рассказывали об их ярости. Настанет день, когда кому-то придется освободить место – им или нам.

– А знаешь, ты напарник не из самых веселых...

Таннер, посмеиваясь, закурил.

– Свари-ка лучше кофе, – сказал он. – А об этих тварях пусть беспокоятся наши дети, если они у нас будут.

Грег залил кофейник водой и поставил на плитку. Через пару минут тот забурлил.

– Что за чертовщина? – проговорил Таннер и нажал на тормоз. Вторая машина тоже затормозила и остановилась в нескольких сотнях ярдах сзади. Таннер включил рацию и взял микрофон.

– Номер три! Вы с таким встречались?

Огромные конические воронки вращались между небом и землей, покачиваясь из стороны в сторону. Их было около пятнадцати, в миле впереди. Они то застывали, словно колонны, то принимались танцевать, ввинчиваясь в землю, всасывая желтую пыль и затмевая собой звезды.

– Я слышал о смерчах, – произнес Грег. – Никогда сам не сталкивался, но по описанию – это они.

Затрещал приемник, и донесся приглушенный голос водителя по имени Марлоу:

– Гигантские пыльные дьяволы. Все, что засосет такая штука, выходит в мертвом поясе наверху. Мой партнер их видел. Он советует выбросить якори и закрепиться.

Таннер не спешил отвечать. Он смотрел. Шло время, и смерчи увеличивались в размере.

– Они приближаются, – наконец сказал он. – Я не собираюсь торчать на месте, словно подсадная утка. Я хочу иметь свободу маневра. Пойду на них.

– По-моему, это ошибка.

– Тебя никто не спрашивает, мистер. Но если б у тебя башка варила, ты бы сделал то же самое.

– Учти – я держу тебя на прицеле, Таннер.

– Ты не станешь стрелять, – ведь я могу быть прав. Кроме того, со мной Грег.

Наступила тишина, прерываемая шумом помех, потом голос произнес: – Твоя взяла, Черт, иди.

– Я дам осветительную ракету, когда выскочу на ту сторону, – отозвался Таннер. – Как увидите, трогайтесь.

Таннер выключил рацию и посмотрел вперед, на раздувшиеся черные колонны.

– Ну, поехали, – сказал он, включая фары на полную яркость. – Пристегнись, парень.

Машина двинулась.

Покачивающиеся колонны росли на глазах, и теперь слышался резкий звенящий звук, свирепый хор ветров.

Таннер прошел первую в ярдах в трехстах и взял влево, чтобы объехать воронку прямо по ходу. На смену ей выросла другая, и он снова принял влево. Впереди открылся проход, и Таннер устремился меж двух черных как смоль столбов. Уши заложило, руль едва не вырвало из рук. Он резко взял вправо и, набирая скорость, проскочил мимо еще одного столба, который мгновение спустя прошел у него за спиной.

Таннер тяжело выдохнул и повернул налево. Его окружали четыре воронки. Две пообок слились с пронзительным визгом и двинулись прочь. Пересекая его путь, слева направо неслась другая воронка, и он резко затормозил, так что ремень врезался в грудь. Передок машины оторвался от земли, но уже через миг, отпущенный, тяжело упал.

Таннер вдавил педаль газа в пол, проскочил между последними столбами, и все осталось позади.

Он проехал еще с четверть мили, поднялся на небольшой холм, развернулся и остановил машину.

Он пустил осветительную ракету.

Та взмыла в воздух и на полминуты зависла наверху, словно умирающая звезда.

Таннер закурил сигарету и стал ждать.

– Ничего, – произнес он, затушив окурок. – Может быть, они не увидели...

– Надеюсь, – отозвался Грег. – Сколько ты хочешь ждать?

– Давай выпьем кофе.

Пустили еще одну ракету. Прошел час, второй. Столбы начали рассасываться, пока не осталось только

три, самых тонких. Вскоре те пошли к востоку и скрылись из виду.

– Давай вернемся, – предложил Грег.

– Хорошо.

Они вернулись.

И ничего не нашли, совершенно ничего, что могло бы поведать о судьбе машины номер три.

На востоке загорелась заря, прежде чем они закончили поиски. Таннер сверился с компасом и повернул на север.

– Когда, по твоему, мы доберемся до Солт-Лейк? – спросил Грег после долгого молчания.

– Может быть, часа через два.

– Ты боялся, проходя эти чертовы штуки?

– Нет. Вот потом...

Грег кивнул.

– Хочешь, я сяду за руль?

– Я все равно не засну. В Солт-Лейк заправимся и перекусим, пока механик проверит машину. Затем найду нужную дорогу, и ты поведешь.

Черные полосы снова стали расширяться. Таннер выругался и прибавил скорость. Две летучие мыши решили рассмотреть машину поближе, и он выпустил в них струю из огнемета. Грег протянул ему чашку кофе.

8

Когда они въехали в Солт-Лейк-Сити, небо было затянуто синей пеленой. Джон Брейди – так звали гонца из Бостона – побывал здесь всего несколько дней назад, и город ждал. Почти все десять тысяч его жителей высыпали на улицу.

Прежде чем Черт и Грег вылезли из машины, въехав в первый попавшийся гараж, капот автомобиля был поднят, и в двигателе копались три механика.

Грег и Таннер отказались от обеда в столовой – толпы людей бросились к ним с расспросами, едва они показались из гаража. Вместо этого они вернулись к

машине и послали кого-то за яйцами, беконом и хлебом.

Потом выехали на улицу и под восторженные возгласы покатили на восток.

– Не взяли пива, – с досадой бросил Таннер. – Проклятье!

Машина ехала вдоль останков того, что некогда звалось Шоссе 40. Таннер уступил место водителя Грегу, а сам растянулся в пассажирском кресле. Небо над ними продолжало чернеть, как в день до того в Л-А.

– Может быть, мы ее перегоним, – сказал Грег.

– Надеюсь.

На севере запульсировало голубое сияние, разлился ослепительный свет. Небо прямо над головой набухло и почернело.

– Жми! – закричал Таннер. – Там впереди горы! Может, успеем проскочить и найдем навес или пещеру!

Но ад обрушился на них раньше. Сперва пошел град, потом артиллерийский обстрел. С неба стали валиться камни, и правый экран потух. Двигатель захлебывался и кашлял под неистовым водно-песчаным потоком.

И все-таки они достигли гор и нашли место в узкой расщелине. Вокруг ревели и надрывались ветры.

Они курили и слушали.

– Нам не пройти, – сказал Грег. – Ты был прав. Я думал, что у нас есть шанс. Но нет. Все против нас, даже погода.

– У нас есть шанс, – сказал Таннер. – Не слишком большой, но есть. До сих пор нам везло, не забывай.

Грег сплюнул.

– Откуда такой оптимизм? Причем от тебя?

– Я просто срывал злость. Я и сейчас зол; но, кроме того, у меня появилось предчувствие. Предчувствие удачи.

Грег рассмеялся.

– К черту удачу. Ты посмотри, что творится!

– Вижу, – спокойно сказал Таннер. – Наша машина рассчитана выдержать это, и она выдерживает. Кроме того, до нас доходят процентов десять всей силы.

– Какая разница? Буря может продолжаться несколько дней.

– Переждем.

– Если ждать долго, то даже эти десять процентов сотрут нас в порошок. Если ждать долго, вообще не надо будет ехать. А попробуй высунуть нос – и нам конец.

– На починку радара уйдет минут пятнадцать-двадцать. Запасные "глаза" есть. Если через шесть часов буря не утихнет, все равно двинемся вперед.

– Кто сказал?

– Я сказал.

– Ты? Но почему? Это ж ты так рвался спасти свою шкуру! А теперь она тебе уже не дорога? Не говоря уже о моей...

Таннер сосредоточенно курил.

– Я много думал, – произнес он и надолго замолчал.

– О чем? – спросил Грег.

– О тех людях в Бостоне... Да, они не сделали мне ничего хорошего. Но, черт побери, я люблю действовать, ну и не прочь узнать, каково быть героем – так, ради любопытства. И Бостон увидеть интересно... Пойми меня правильно: мне вообще-то плевать, да только неохота, чтобы все на Земле было выжженным и исковерканным, и мертвым, как здесь, в Долине. Когда мы потеряли третью машину, я начал думать. Вот и все.

Грег покачал головой.

– Я и не подозревал, что ты философ...

– Я тоже. Просто устал. Расскажи-ка мне о своей семье...

... Через четыре часа, когда буря утихла, когда вместо камней стали летать песчинки, и яростный ливень перешел в моросящий дождь, Таннер починил радар, и они двинулись в путь. Вечером они обошли руины

Денвера. Таннер сел за руль и повел машину к месту, некогда известному под названием Канзас.

Он вел всю ночь и утром впервые за много дней увидел чистое небо. Правая нога давила на газ, в голове неторопливо текли мысли, а рядом тихо посапывал Грег.

Руки сжимали руль, в кармане лежала амнистия, а самим Таннером завладело странное чувство. Сзади клубилась пыль. Небо приобрело розовый цвет, а темные полосы снова сжались. Таннеру вспомнились рассказы о тех днях, когда пришли ракеты; когда было уничтожено все, кроме районов на северо-востоке и юго-западе; о тех днях, когда налетели ветры, растаяли тучи, и небо потеряло голубизну; днях, когда Панамский канал исчез с лица земли, и замолчали радиостанции; когда перестали летать самолеты. Больше всего Таннеру было жаль самолеты. Он всегда мечтал летать – взмывать в воздух и парить высоко-высоко наверху, словно птица... Где-то впереди его помощи ждал город – единственный уцелевший город кроме Лос-Анджелеса, последняя цитадель американской земли. Он, Таннер, может спасти, если поспеет вовремя...

Вокруг были скалы и песок, к склону горы прижимался старый покосившийся гараж, – разбитый, с провалившейся крышей, он напоминал полуразложившийся труп. Таннера стала бить дрожь, и нога непроизвольно усилила нажим на акселератор, хотя педаль и так уж была вжата в пол. Справа впереди поднималась стена черного дыма. Подъехав ближе, он увидел обезглавленную гору. На месте вершины вили гнездо клубящиеся языки пламени. Таннер взял влево, на много-много миль отклоняясь от намеченного пути. Иногда под колесами тряслась земля. Вокруг падал пепел, но дымящийся конус отодвинулся на задний план правостороннего экрана.

Таннер думал о былых днях и о том немногом, что знал о них. Если пробьется, обязательно узнает больше. Его никогда не просили сделать что-то важное, и он надеялся, что впредь не попросят. Однако

им завладело чувство, что он *может* это сделать. *Хочет* сделать. Впереди, сзади, по сторонам простиралась Долина Проклятий – кипящая, дымящая, дрожащая, – и если он ее не победит, половина человечества погибнет. И удвоятся шансы, что весь мир скоро станет частью Долины... На побелевших суставах ярко проступила татуировка.

Грег спал, Таннер прищурил глаза и не прикоснулся к тормозу, даже когда увидел оползень. Он проскочил его и шумно выдохнул. Все чувства были обострены до предела, мозг словно превратился в экран, на котором регистрировались мельчайшие детали. Таннер чувствовал колыхание воздуха в машине и упрямое давление педали на ногу. В горле пересохло, но это не имело значения. Он мчался по искалеченным равнинам Канзаса, слившись с машиной в одно целое, и испытывал состояние, похожее на отрешенность и счастье. Проклятый Дентон был прав. Надо доехать.

Таннер остановился на краю глубокой расщелины и повернул к северу. Через тридцать миль расщелина кончилась, и он снова взял курс на юго-восток. Грег что-то бормотал во сне. Солнце стояло в зените, и Таннеру казалось, будто он, бестелесный, парит над бурой землей... Он сжал зубы. Его мысли вернулись к Денни. Наверно тот сейчас в больнице. Что ж, все лучше, чем сгинуть в Долине. Хоть бы только деньги были на месте... Таннер почувствовал боль – болели шея, плечи. Боль распространилась на руки, и он заметил, что сжимает руль изо всех сил. Он глубоко вздохнул и закурил. Солнце скатывалось ему за спину. Он отпил воды и притушил экран заднего обзора. Потом послышался звук, подобный отдаленному раскату грома, и Таннер немедленно насторожился.

Чудовищное стадо бизонов пересекало его путь. Больше часа огромные, тяжелые животные, склонив головы, бежали перед машиной, взметая копытами землю, и, наконец, откатились к югу. Шум постепенно затих и вскоре совсем исчез. Только гигантское облако

пыли осталось висеть в воздухе, и Таннер, включив фары, направил в него автомобиль.

Он выехал к шоссе с неплохо уцелевшим покрытием и резко прибавил скорость. Через некоторое время показался выцветший покосившийся указатель: "ТОПИКА – 110 миль".

Грег зевнул, потянулся, потер кулаками глаза.

– Который час?

Таннер кивнул на часы.

– Утра или вечера?

– Вечера.

– Ну и ну! Выходит, я проспал битых пятнадцать часов!

– Верно.

– Ты, должно быть, совсем выдохся. Весь побелел. Сейчас я тебя заменю.

– Не возражаю.

Грег полез в заднюю часть машины.

Через пять минут они подъехали к окраинам мертвого города. Почти все здания развалились, подвалы были наполнены водой. Через трещины в асфальте лезла трава. Чудом уцелевший телеграфный столб накренился к земле, и свисавшие с него провода походили на черные спагетти. Разбитые витрины, ржавые остовы автомобилей, скелеты, ослепшие светофоры...

Грег, кряхтя, пролез вперед.

– Ну, давай меняться.

– Сперва я хочу отсюда выехать.

Наконец, когда минут через пятнадцать город остался позади, Таннер остановил машину.

– Мы недалеко от Топики. Буди меня в случае чего.

– Кстати, как ты ехал, пока я спал?

– Нормально, – ответил Таннер и закрыл глаза.

Грег вел машину прочь от заката. До Топики он съел три бутерброда с ветчиной и выпил кварту молока.

9

Таннер проснулся от визга запускаемых ракет. Он машинально потер глаза и тупо уставился вперед.

Вокруг клубились облака каких-то сухих листьев. Летучие мыши, летучие мыши, летучие мыши... Воздух был наполнен летучими мышами. Громадная махина автомобиля заметно тормозилась их черными телами, а слух терзали скрежещущие писклявые звуки.

– Где мы?

– Канзас-Сити. Тут их полно. – Грег выпустил еще одну ракету, прорезавшую огненным следом дикую завывающую орду.

– Побереги ракеты. Давай огнеметами. – Таннер переключил фронтальный пулемет на ручное управление и навел перекрестие прицела на экран. – Одновременно во все стороны. Пять-шесть секунд – потом продолжу я.

Огонь рванулся вперед, расцветая мрачно-оранжевыми лепестками пламени. Когда лепестки опали, Таннер вгляделся в экран и нажал на гашетку. Он вел дулом, а они падали. Обгоревшие тела устилали землю, и к курящимся грудам добавлялись новые.

– Жми! – закричал Таннер, и машина пошла вперед, давя колесами хрустящие тушки.

В холодном сиянии осветительной ракеты казалось, что на них налетают миллионы вампироподобных тварей.

Таннер стрелял, и они падали, как перезрелые яблоки.

Потом он скомандовал: – Притормози и дай из верхнего огнемета! – и Грег повиновался.

– Теперь боковые! Передний и задний!

Повсюду вокруг них горели тела, и они прокладывали путь через стену обугленной плоти.

Таннер пустил вторую осветительную ракету.

Летучие мыши еще были здесь, но уже не опускались так низко. Таннер нацелил пулеметы и ждал, но они больше не нападали стаями; лишь отдельные

подлетали ближе, и он сбивал их одиночными выстрелами.

Через десять минут Таннер произнес:

– Слева от нас Миссури. Если идти вдоль берега, то попадем в Сент-Луис.

– Знаю. Думаешь, там тоже будет полно летучих мышей?

– Вероятно. Но если не станем гнать и приедем утром, они нам не помешают. Там подумаем, как перебраться через Миссисипи.

А на экране заднего обзора на фоне бледных звезд темнел город Канзас-Сити, и, облитые светом кровавой луны, над его силуэтом метались летучие мыши.

Через некоторое время Таннер снова заснул. Ему снилось, что он медленно едет на мотоцикле посреди широкой улицы, а на тратуарах стоят люди и приветствуют его восторженными возгласами. Они бросают конфетти, но на него падает мусор, мокрый и вонючий. Тогда он дает газу, но мотоцикл замедляет ход, и теперь они уже кричат на него, осыпают ругательствами. "Харли" начинает захлебываться, но его ноги застыли и не двигаются. Через секунду он упадет. Мотоцикл останавливается и начинает опрокидываться вправо. Таннер падает, на него бросается толпа...

Таннер резко очнулся и увидел утро – яркую монету солнца в центре темно-синей скатерти.

– Вот она, – прошептал Грег. – Миссисипи.

Таннер неожиданно почувствовал голод.

Они освежились и стали искать мост.

– Что-то не видать твоих голых дикарей с копьями, – заметил Грег. – Конечно, мы могли миновать их в темноте – если они еще здесь.

– И слава богу, – сказал Таннер. – Сэкономили патроны.

Показался мост – провисший, темный, за исключением тех мест, где солнце бросало блики на металлические канаты. Машина медленно ехала по улицам, порой приходилось объезжать целые кварталы. За два

часа они прошли милю, а к подножью моста попали в полдень.

– Похоже, Брейди проехал здесь, – произнес Грег, глядя на узкий расчищенный проход. – Как, по-твоему, он это сделал?

– Может быть, каким-то образом спихивал мешающие машины вниз.

– А прежде они здесь были?

– Собственно, я тогда к мосту не подъезжал. Я остановился на том холме. – Таннер кивнул на задний экран.

– Что ж, может, и мы пройдем.

Они двинулись вперед на мост и медленно поехали над величественной рекой. Временами мост под ними трещал, стонал, и они чувствовали, как он дышит.

Начало опускаться солнце, а они все шли вперед, задевая бамперами ржавые остовы машин. Миновало три часа, прежде чем колеса коснулись противоположного берега. Грег тяжело вздохнул и чуть дрожащей рукой зажег сигарету.

– Не хочешь немного повести, Черт?

– Давай.

Они поменялись местами. Грег тут же откинулся на спинку и закрыл глаза.

– Боже, я совершенно измочален, – пробормотал он.

Таннер вел машину через руины Восточного Сент-Луиса, спеша выехать из города до наступления темноты. Улицы были захламлены и разбиты. Начал повышаться уровень радиоактивности, но в салоне машины, судя по индикатору, все пока было в норме.

Шли часы. Когда солнце скатилось за спину, Таннер вновь увидел на севере разливающееся голубое сияние. Но небо оставалось чистым – звездное небо, уже без черных полос. Впереди повисла розовая луна. Таннер тихонько включил музыку и взглянул на Грега. Тот крепко спал.

Уровень радиации упорно лез вверх. Таннер увидел на экране кратер и остановился.

Кратер был в полумилю в поперечнике. Таннер пустил осветительную ракету, и в ее сиянии рассмотрел окрестности. Подъезды были ровнее справа, и он повернул туда.

Радиация! Очень высокий уровень радиоактивности! Таннер резко вдавил педаль газа и думал, глядя на индикатор: "На что это было похоже, в *тот* день? В тот день, когда здесь вспыхнуло искусственное солнце, на какое-то время затмило настоящее, а потом медленно потонуло в черном шквале..." Он попытался представить себе это, картина живо возникла перед глазами, и он тут же попытался прогнать ее, но не сумел.

Какой была жизнь раньше, в те дни, когда стоило лишь вскочить на мотоцикл – и кати куда душе угодно? И на голову с небес не лились помои?.. Таннера охватило щемящее чувство, будто его обманули. Он испытывал его не в первый раз, но сейчас он ругался злее и дольше, чем обычно.

Объехав, наконец, кратер, Таннер закурил и впервые за долгие месяцы улыбнулся, когда показания индикатора радиоактивности пошли вниз. Через несколько миль показалась трава, а вскоре появились и деревья.

Деревья низкорослые и изогнутые; но чем дальше он бежал от кровавой вакханалии, тем выше и стройнее они становились. Таких деревьев он никогда раньше не видел: по пятьдесят, шестьдесят футов высотой, изящные, серебрящиеся под лунным светом, здесь, на равнинах Иллинойса.

Машина мчалась по твердой широкой дороге, и Таннером завладело желание ехать по ней вечно – до Флориды, штата мхов и торфяных болот, апельсинов и чудесных пляжей; до холодного скалистого мыса Сейбл, где все серое и бурое, где волны разбиваются о маяки, и соленый ветер обжигает лицо, где на надгробных плитах древних кладбищ вырублены стершиеся, но еще различимые надписи; потом вниз по великой Миссисипи, туда, где она разбивается на рукава и выходит в Мексиканский залив – на крошечных его ос-

тровках пираты зарывали награбленные сокровища; в горы – Покомок, Кэт Скилл, плато Озарк; проехать через леса Шенандоа; оставить машину и поплавать в Чесапикском заливе; посмотреть на большие озера и на то место, где падает вода – на Ниагару... Ехать и ехать по этой дороге, увидеть все, впитать в себя весь мир... Да, может быть, осталась не только Долина Проклятий! Он хотел этого страстно, сжигаемый изнутри жадным огнем.

Таннер рассмеялся – коротко, резко хохотнул, неожиданно почувствовав себя всемогущим.

Музыка играла тихо, даже слишком, грустно, нежно, и он растворился в ней полностью.

10

К утру Таннер въехал в Индиану. По дороге встречались внешне целые фермы, в которых, вероятно, жили люди. Ему очень хотелось проверить это, но он не смел остановиться. Затем растительность стала хиреть. Исчезла трава; редкие искривленные деревья склонялись над голой землей. Снова возросла радиоактивность. Сохранившийся указатель возвестил о приближении Индианаполиса.

Таннеру пришлось сделать большой крюк и даже вернуться до местности под названием Мартинсвиль, чтобы перебраться на другую сторону Белой Реки. Затем, когда он снова взял курс на восток, неожиданно затрещало и ожило радио. Слабо донесся голос: "Неопознанный автомобиль, немедленно остановитесь!" Таннер включил экраны на полное увеличение и на холме, далеко впереди, увидел мужчину с биноклем и рацией.

Он ехал по более или менее сносному участку дороги со скоростью 40 миль в час и постепенно увеличил скорость до пятидесяти. От толчков на выбоинах проснулся Грег.

Из приемника все настойчивее и громче раздавались команды. Таннер впился взглядом в передний

экран. Входя в крутой вираж, он прикоснулся к тормозу, не отвечая на вопрос Грега: "В чем дело?"

Дорогу перегораживал танк, и дуло его большого орудия смотрело прямо в лоб.

Таннер среагировал молниеносно.

Пока глаза искали и нашли боковой съезд, правая рука пустила три бронебойные ракеты, с визгом устремившихся вперед, левая рука резко крутанула руль против часовой стрелки, а нога изо всей силы вжала педаль газа.

Он уже съехал на обочину, когда танк харкнул вспышкой, а потом расцвел огненным цветком и исчез в дыму.

Когда они, миновав танк, выскочили на дорогу, начался ружейный огонь. Грег швырнул налево и направо по гранате, а затем ударил из пятидесятикалиберных пулеметов. Машина с бешеной скоростью неслась вперед; через полмили Таннер взял микрофон и проговорил: "Прошу прощения, ребята, у меня не работают тормоза".

Ответа не последовало.

Как только они выехали на ровную местность с хорошим обзором во всех направлениях, Таннер остановил машину, и на место водителя сел Грег.

– Как ты думаешь, где они раздобыли танк?

– Кто их знает.

– А зачем хотели остановить нас?

– Они не знали, *что* мы везем. А может, просто нужен был автомобиль.

– Влепить снаряд – далеко не лучший способ отнять машину.

– Если она не достанется им, то с какой стати оставлять ее нам?

– Ты прямо читаешь их мысли, да?

– Верно.

– Закури.

Таннер с благодарностью взял сигарету.

– Нам пришлось очень трудно...

– Не могу не согласиться.

– А ехать еще далеко...

– Тоже не спорю. Так что давай, покатили.

– Раньше ты говорил, что мы все равно сдохнем.

– Теперь я передумал. Мы доедем.

– После всего того, что было?

– После всего того, что было.

– А что нас ждет впереди? С чем еще нам предстоит столкнуться?

– Не знаю.

– Один раз ты попытался улизнуть. Теперь я тебя понимаю.

– Ты трусишь, Грег?

– Какой толк моей семье от покойника?

– Тогда почему ты согласился?

– Я и не предполагал, на что это будет похоже. Никто не посмеет упрекнуть нас неудачей. В конце концов, мы сделали все, что могли.

– А как же люди в Бостоне, о которых ты столько говорил?

– Там уже наверняка никого нет в живых.

– А тот парень, Брейди? Он умер, чтобы доставить нам известие.

– Видит бог, я восхищаюсь его подвигом. Но мы потеряли уже четверых и надо ли доводить это число до шести, лишь бы показать всем, что мы не трусы?

– Грег, сейчас нам гораздо ближе до Бостона, чем до Лос-Анджелеса. На обратный путь даже не хватит горючего.

– Можно заправиться в Солт-Лейк-Сити. Да и вообще последнюю сотню миль пройти на мотоциклах.

– А ты меня еще поносил. Удивлялся, откуда берутся такие... Ты спрашивал, что они мне сделали. И я ответил: ничего. Теперь, может быть, я что-нибудь для них сделаю, просто потому, что мне так хочется. Я немало думал.

– Тебе не приходится кормить семью. А мне надо беспокоиться не только о себе.

– Ты очень красиво оправдываешься, когда хочешь смалодушничать. Ты говоришь: "Я не боюсь, но у ме-

ня есть мать, сестры и братья и еще одна крошка, от которой я без ума. Только поэтому я иду на попятный..."

– Именно так! Я не понимаю тебя, Черт, я совершенно тебя не понимаю! Ты же сам подал мне эту идею!

– Ну, так отдавай ее назад – и поехали!

Таннер увидел, как рука Грега тянется к револьверу на дверце, швырнул сигарету ему в лицо и еще успел ударить его один раз в живот – слабый удар левой рукой, но ничего больше из этого положения он сделать не мог.

Грег бросился на Таннера и вдавил его в кресло. Пальцы царапали лицо, подбираясь к глазам. Таннер судорожным движением ухватил голову Грега и изо всех сил оттолкнул. Грег ударился о приборную доску и обмяк.

Таннер для верности еще дважды ударил его головой о доску и перебрался за руль. Успокаивая дыхание, он изучил экраны – ничего угрожающего.

Он достал моток веревки и связал руки Грега за спиной, потом обмотал веревкой лодыжки и, наконец, прикрутил его к спинке сиденья.

Через два часа Грег начал стонать, и Таннер включил музыку погромче. Пейзаж снова изменился: появились зеленые поля, яблони с еще незрелыми плодами, белые домики и бурые сараи, покачивающаяся на ветру кукуруза с уже заметными коричневыми кисточками, маленькая колокольня с голубой кровлей...

Полосы наверху расширились, но само небо не потемнело, как обычно перед бурей. У Дейтоновской Пропасти Таннер повернул на север и двинулся вдоль бездонного обрыва, притормаживая лишь для того, чтобы объехать расщелины и провалы. Снова повысилась радиация. Густой желтый пар струился из-под земли и обвалакивал машину липучим сернистым облаком, пока порыв ветра не рассеивал ядовитый туман. В один из таких моментов Таннер непроизвольно нажал на тормоз; машина дернулась и замерла, а Грег

опять застонал. Несколько секунд Таннер не мог оторвать глаз от того, что ему открылось, а потом медленно двинулся вперед. "Люди, – подумал он, – опять люди..." Над Пропастью качался пожелтевший распятый скелет, ухмыляясь оскаленным ртом.

Когда Таннер выехал из тумана, небо было темным. Он даже не сразу понял, что пелена рассеялась. На объезд Дейтона ушло четыре часа, и теперь, когда он снова устремился на восток по поросшей вереском прерии, солнце уже садилось, тщетно пытаясь вырваться из-за черной реки.

Таннер догадывался, чего следует ожидать. Он включил фары и стал осматриваться в поисках убежища. На холме неподалеку стояла покосившаяся конюшня без дверей. Таннер осторожно загнал туда машину и увидел покрытые плесенью стены и скелет лошади.

Он вырубил двигатель, потушил фары и стал ждать.

Скоро снаружи родился завывающий звук, заглушивший переодические стоны и бормотание Грега. Потом донесся другой звук – не тяжелый и резкий, как обычно в Лос-Анджелесе, а мягкий, настойчивый, почти мурлыкающий.

Ничто не угрожало, уровень радиации был невысок, и Таннер вылез из машины, не надевая защитный костюм. Он немного размялся, подошел к проему и выглянул наружу.

Солнцу все-таки удалось выглянуть из черной завесы, и его косые лучи освещали падающие сверху серые капли.

Это был дождь. Таннер никогда в жизни не видел простого чистого дождя... Он стоял и смотрел.

Дождь падал непривычно тихо, чуть шелестя. Потекли ручейки, появились лужи. В лицо ударил резкий порыв влажного ветра, и Таннер непроизвольно слизнул холодные капельки. Он подобрал щепку и бросил ее в лужу у ног; щепка упала с легким всплеском и поплыла. Из-под крыши раздавалось птичье щебе-

танье, в воздухе разливался сладковатый запах гниющей соломы. В тени справа виднелась ржавая молотилка. Сверху, покачиваясь, проплыло перышко, и Таннер подставил ладонь, – легкое, темное, пушистое... Никогда раньше не обращал он внимания на такую чепуху. Таннер отпустил перышко, и его тут же подхватил ветер.

В такую погоду можно было ехать, но сил не оставалось. Таннер нашел бочонок, сел и снова закурил. Пока все шло нормально, и его мысли занимали последние стадии поездки. Грегу доверять теперь нельзя. Надо заехать так далеко, чтобы обратного пути не было. Тогда они станут необходимыми друг другу, и Грега можно будет освободить. Если он не окончательно лишился ума... Кто знает, какие неожиданности приготовила им Долина? Хорошо уже, если бури отныне будут не такими яростными.

Он сидел еще очень долго, и холодный влажный ветер обдувал его лицо. Через некоторое время дождь утих, и Таннер вернулся в машину, отметив дурной признак – Грег оставался без сознания.

Таннер проглотил тонизирующую таблетку и, держа руль одной рукой, сжевал бутерброд. Тихо падал дождь. Он шел по всему Огайо, и небо застилали тучи. У Парсберга машина пересекла границу Западной Вирджинии, и Таннер взял немного севернее. Серый день перешел в темную ночь, а он продолжал ехать.

Летучие мыши не доставляли больше хлопот, но встречались кратеры, и тогда снова подскакивала радиоактивность. Где-то за машиной увязалась стая огромных диких собак. Они лаяли и выли, бежали вдоль дороги, пытаясь ухватить зубами шины, и, наконец, отстали. Гора слева с громовыми раскатами стала извергать клубы светлого дыма. Земля дрожала, падал пепел. От внезапно налетающих шквалов воды двигатель трижды захлебывался и глох. Таннер запускал его и упорно вел машину вперед. Жижа под колесами чавкала и хлюпала. Потом он выбрался на сухую возвышенность, и там какие-то люди обстреляли его из

винтовок, стараясь перекрыть дорогу. Он ответил пулеметным огнем, швырнул гранату и проскочил мимо. Когда на небо взобралась тусклая луна, на машину стали пикировать крупные черные птицы, но вскоре и они отстали.

Таннер вел, пока снова не навалилась усталость. Тогда он поел и принял еще одну таблетку. Если б только Грег очнулся, его можно было развязать и посадить за руль.

Таннер то и дело подергивал золотое кольцо в левом ухе, покусывал бороду и нервно чесался; дважды останавливал машину и лез в туалет. Когда он проезжал по очередному мертвому городу, опять заморосило, словно опустилась пелена – холодная, мерцающая... Таннер остановился посреди дороги, едва не наехав на то, что принял сперва за полосы в небе. Очень уж неожиданно они появились...

Это была паутина. Нити толщиной с руку были натянуты между двумя зданиями с обеих сторон улицы.

Таннер включил фронтальный огнемет. Когда пламя потухло, он увидел бесформенное создание, спускающееся откуда-то сверху.

Гигантский паук, величиной с человека, спешил проверить свои сети.

Таннер нацелил пусковую установку и пронзил его одной раскаленной добела ракетой. Тот повис в паутине, но еще подергивался.

Таннер снова включил огнемет, добрых десять секунд поливал все огнем и устремился вперед, стараясь забыть стоящую перед глазами картину.

Далеко справа дымилась гора, но пепла почти не было. Таннер сварил и выпил чашку кофе, на полной скорости мчась навстречу утру.

11

Он застрял в грязи, где-то в восточной Пенсильвании, и ругался на чем свет стоит. Солнце поднялось к зениту. Грег был очень бледен. Таннер закрыл воспа-

ленные глаза и откинулся на спинку. Сил не оставалось.

Он заснул.

Его разбудил стук в дверцу машины. Руки сами собой потянулись к пульту управления огнем и кнопке выпуска крыльев, а глаза обшарили экраны.

Таннер увидел пожилого мужчину и двух молодых парней. Они были вооружены, но стояли перед левым крылом. Их можно было перерезать пополам в одно мгновение.

Таннер включил наружные динамики и микрофон.

– Чего вы хотите? – спросил он надтреснутым голосом.

– Застряли? – окликнул его пожилой мужчина.

– Вроде того.

– У меня есть упряжка мулов. Может, вытащат. Но раньше завтрашнего утра их сюда не пригнать.

– Отлично! – сказал Таннер.

– Откуда вы?

– Из Лос-Анджелеса.

Они удивленно зашептались.

– Далеко ж вы забрались, мистер.

– Будто я не знаю... Послушайте, если вы серьезно насчет мулов, это просто здорово. Положение чрезвычайное.

– А что стряслось?

– Слыхали о Бостоне?

– Ну.

– Там мор, гибнут люди. Я везу лекарство, которое может их спасти.

Они снова зашептались.

– Мы поможем вам. Пойдете с нами?

– Куда? И кто вы такие?

– Меня зовут Самуэль Поттер, а это мои сыновья – Родерик и Калибан. Наша ферма в милях в шести отсюда.

– Не подумайте, что я вам не доверяю, – сказал Таннер. – Просто я вообще никому не доверяю. В ме-

ня слишком часто палили, не хочется лишний раз рисковать.

– Вы ведь наверняка можете стрелять изнутри?

– Да.

– Выходит, нам рисковано даже разговаривать с вами. И все же вам надо помочь. Мы многого лишимся, если бостонские торговцы перестанут приезжать в Олбани.

– Подождите, – проговорил Таннер и вышел из машины.

Пожилой мужчина первым протянул руку, и Таннер пожал руки ему и его сыновьям.

– У вас есть доктор?

– В поселке – милях в тридцати к северу.

– Мой напарник ранен. – Таннер махнул в сторону машины.

Сэм шагнул вперед и заглянул внутрь.

– А чего он повязан, как сноп?

– Спятил. Пришлось его стукнуть. На всякий случай и связать. Но теперь ему совсем худо.

– Мы смастерим носилки, и ребята отнесут его домой, а там пошлем кого-нибудь за доком. Вы и сами не бог весть как выглядите. Спорю, что не откажетесь побриться, принять ванну и лечь в чистую постель.

– Паршиво я себя чувствую, – признался Таннер. – Давайте поскорее с этими носилками, не то понадобятся еще одни.

Он привалился к бамперу и курил, пока сыновья Поттера рубили и очищали от веток тонкие деревца. Волнами накатывалась дурнота, веки налились свинцом. Ноги были словно ватные, шея гудела. Сигарета выскользнула из пальцев, и он откинулся на радиатор.

Потом кто-то потряс его за плечо.

– Все, – сказал Поттер. – Мы развязали вашего друга и уложили на носилки. Будете запирать машину?

Таннер кивнул и едва не упал, но все же запер дверцы и побрел к группке ожидающих людей. Они двинулись в путь. Таннер сперва пошатывался, но потом втянулся и шагал автоматически. Самуэль Поттер

шел впереди и ни на минуту не умолкал – может быть, для того, чтобы Таннер не заснул на ходу.

– Идти недалеко, сынок. Как ты сказал твое имя?

– Черт, – пробормотал Таннер.

– Не понял?

– Черт. Мое имя. Черт Таннер.

Сэм Поттер хохотнул.

– Славное имечко! Если ничего не имеешь против, я представлю тебя жене и младшему, как "мистер Таннер". А?

– Валяйте... – выдавил Таннер, с чавканьем вытаскивая ногу из трясины.

– Да, уж как нам плохо будет без этих торговцев из Бостона. Надеюсь, ты поспеешь вовремя. Они привозят товары в Олбани, и дважды в год устраивают ярмарку – весной и осенью. У них есть все, что нам нужно: иголки, нитки, перец, посуда, семена, оружие... ну все! А на ярмарках просто здорово! Да в здешних краях тебе всякий поможет.

Они поднялись на возвышенность, там было суше.

– Отсюда, значит, уже не трудно до Бостона добраться?

– Не скажи. Но я подсоблю с картой и растолкую, что к чему.

– Карта у меня есть, – отозвался Таннер и спросил, кивнув на показавшуюся вдали ферму: – Ваша?

– Она. Уже совсем рядом. И идти теперь легче будет... Обопрись на мое плечо, если устал.

– Ничего, обойдусь. Наглотался таблеток, чтоб не спать, а теперь навалилось... Совсем невмоготу.

– Скоро отоспишься. А там пройдемся по твоей карте, я тебе покажу дорогу.

– Хорошо... – пробормотал Таннер. В глазах потемнело; он положил руку на плечо Сэма и пошатнулся.

Через целую вечность из тумана появился дом, затем дверь. Дверь распахнулась. Таннер почувствовал, что падает, и все поглотила тьма.

12

Сон. Темнота, отдаленные голоса, снова темнота. Он лежал на чем-то мягком. Потом повернулся на другой бок и провалился во тьму.

Когда, наконец, он очнулся и открыл глаза, в комнате было светло. Солнечные лучи врывались через окно и падали на лоскутное одеяло, которым он был накрыт. Таннер с кряхтеньем потянулся, яростно поскреб бороду и огляделся: сине-красные коврики ручной вязки на дощатом полу, кухонный шкаф с белой эмалированной мойкой (кое-где эмаль отлетела, и там чернели пятна), зеркало на стене и качалка возле окна, маленький столик с придвинутым стулом у другой стены. На столе книги, бумага, чернила и ручка; над ним – выцветшая картинка с водопадом.

Таннер сел и обнаружил, что спал голый. Одежды нигде не было видно.

Пока он раздумывал, звать кого-нибудь или нет, открылась дверь, и вошел Сэм. Через руку была перекинута одежда Таннера, чистая и аккуратно выглаженная. В другой руке он держал его ботинки, и те сияли, как лунный свет на дожде.

– Услыхал, как ты ворочаешься, – сказал Поттер. – Полегчало?

– Сравненья нет, спасибо.

– Мы приготовили ванну. Добавишь бадейку горячей и мойся, сколько душе угодно. Сейчас ребята принесут мыло и полотенце.

Таннер прикусил губу, но, не желая показаться хозяину неблагодарным, кивнул и выдавил улыбку. – Отлично.

– ... А там на полке бритва и ножницы.

Он опять кивнул. Сэм положил одежду на качалку, рядом поставил ботинки и вышел из комнаты.

Вскоре Родерик и Калибан внесли лохань, поставили ее на старые мешки.

– Как вы себя чувствуете? – спросил один из них. (Таннер не знал, кто именно. Они оба были похожи на долговязые пугала с белоснежными зубами).

– Отлично, – ответил он.

– Должно быть, есть хотите? Вы спали весь день, ночь и все утро.

– Что с моим напарником? – спросил Таннер.

Другой парень покачал головой.

– Плохо ему, никак в себя не придет. Скоро будет док. Наш младший пошел за ним вчера вечером.

Они повернулись, собираясь уходить, и первый добавил:

– Как помоетесь, ма приготовит вам поесть. А мы той порой попробуем вытащить машину. Пока будете заправляться, отец расскажет вам о дорогах.

– Спасибо.

– Доброго вам утра.

Дверь за ними закрылась.

Таннер поднялся, подошел к зеркалу и придирчиво себя оглядел.

– Ну хорошо, только один раз... – пробормотал он.

Он вымыл лицо, подровнял бороду и подрезал волосы. А затем, скрипя зубами, опустился в лохань, намылился и стал тереться мочалкой. Вода почернела. Он с плеском вылез, вытерся и оделся.

Таннер улыбнулся незнакомому темноглазому отражению в зеркале и закурил. Потом расчесал волосы. "Черт подери! Да я красавец!" – хохотнул он и вышел на кухню.

Сэм сидел за столом с чашкой кофе, а его невысокая полная жена в длинной серой юбке суетилась у плиты. Она обернулась, показав круглое краснощекое лицо. Каштановые с проседью волосы были собраны в тугой пучок.

– Доброе утро, – сказала она с улыбкой.

– Доброе утро, – отозвался Таннер. – Боюсь, что я насвинячил в той комнате.

– Ничего, – махнул Сэм. – Давай садись, будем тебя кормить. Ребята сказали о твоем друге?

Таннер кивнул.

Когда женщина поставила перед Таннером чашку кофе, Сэм произнес:

– Мою жену звать Сюзан.

Таннер опять кивнул.

– Я тут карту твою взял... Она у тебя из куртки торчала. И вот у двери револьвер висит. Я на досуге мозгами пораскинул и думаю, что лучше всего тебе доехать до Олбани, а там по старому шоссе номер девять, оно неплохо сохранилось. – Поттер разложил карту и стал показывать. – Это тебе не пикник, конечно, но самый верный и быстрый путь...

– Завтрак! – объявила жена и отодвинула карту, чтобы поставить огромную тарелку с яичницей и беконом. Тут же на столе оказались масло, джем и варенье, и Таннер набросился на еду, запивая кофе и слушая Сэма.

Сэм рассказывал о бандах мотоциклистов, хозяйничающих между Бостоном и Олбани. Они накладывали руку на все, что могли, и поэтому торговцы возили товары целыми караванами, с охраной. "Но с такой машиной тебе нечего бояться, да?" – спросил он, и Таннер ответил: "Надеюсь", – не переставая жевать. Однако ему не давала покоя мысль: а не похожи ли они на его старую шайку? Только бы не это...

Послышался шум, дверь распахнулась, и на кухню влетел мальчишка лет десяти или двенадцати. За ним вошел мужчина с черным чемоданом.

– Вот и мы! Вот и мы! – закричал мальчишка. Сэм встал и пожал мужчине руку, и Таннер рассудил, что ему тоже следует так поступить. Он вытер свою руку и сжал руку доктора.

– Мой напарник вроде как свихнулся. Бросился на меня ни с того ни с сего. Я его оттолкнул, и он стукнулся головой о приборную доску.

Доктору было лет пятьдесят. С изборожденного морщинами лица смотрели усталые глаза.

– Я вас провожу к нему, – сказал Сэм, и они вышли через дверь на другом конце кухни.

Таннер снова сел и положил в рот последний кусочек жареного хлеба. Сюзан подлила ему кофе, и он благодарно кивнул.

– Меня зовут Джерри, – заявил мальчуган, усаживаясь на освобожденный отцом стул. – А ваше имя правда Черт?

– Тихо ты! – прикрикнула мать.

– Боюсь, что правда, – ответил Таннер.

– ... И вы ехали через всю Долину?

– Ага.

– Ну и как?

– Плохо.

– А чего вы видели?

– Летучих мышей. Здоровых, как эта кухня, а то и побольше. Их там полно, на той стороне Миссисипи.

– Что вы с ними делали?

– Стрелял. Жег. Давил.

– А что еще видели?

– Чудовищ Хила – размером с амбар. Пыльных Дьяволов – это такие бешеные воронки из ветра, они засосали одну машину. Огненные горы. Непроходимые заросли. Ехал сквозь бури. Ехал по таким местам, где земля как стекло. Или где земля тряслась. Ехал вокруг больших радиоактивных кратеров.

– Вот бы мне так однажды!

– Может, придется и тебе однажды.

Таннер закончил есть и закурил сигарету.

– Отличный завтрак, – сказал он. – Давно так не ел. Спасибо.

Сюзан улыбнулась.

– Джерри, не приставай к человеку.

– Не волнуйтесь, миссис. Все хорошо.

– А что это у вас за кольцо на руке? – спросил Джери. – Вроде змеи.

– Так и есть, – сказал Таннер. – Чистое серебро с красными стеклянными глазами. Оно досталось мне в одном местечке под названием Тихуана. На, держи.

– Я его не могу взять, – выдавил мальчик и посмотрел на мать молящими глазами; та покачала головой. Таннер заметил это и сказал:

– Твои родители помогли мне, позвали доктора к моему товарищу, дали мне постель и накормили. Я уверен, что они не будут возражать, если я в знак благодарности подарю тебе кольцо.

Джерри снова посмотрел на мать. Таннер кивнул, и тогда она тоже кивнула.

Джери присвистнул, вскочил и надел кольцо на палец.

– Велико... – огорченно пожаловался он.

– Сейчас мы его немного сожмем. Эти спиральные кольца можно подогнать.

Таннер сжал кольцо и дал мальчугану примерить. Оно все равно оказалось большим; тогда он сжал его снова, и оно подошло.

Джерри надел кольцо и хотел выбежать из кухни.

– Подожди! – окликнула женщина. – Что надо сказать?

Он обернулся и крикнул:

– Спасибо, Черт!

– Мистер Таннер, – поправила мать.

– Мистер Таннер, – повторил мальчик и с грохотом выскочил за дверь.

– Вы очень добры, – произнесла женщина.

Таннер пожал плечами.

Он проглотил кофе и затушил окурок, и она дала ему новую чашку, и он закурил еще одну сигарету. Через некоторое время из комнаты вышли Сэм и доктор, и тут Таннер вдруг подумал, где же эта семья провела ночь. Сюзан налила им всем кофе, и они сели за стол.

– У вашего товарища сотрясение мозга, – сообщил доктор. – Без рентгена я не могу сказать, насколько серьезно его положение, а рентгена у меня нет. Все же перевозить его не советую.

– Как долго? – спросил Таннер.

– Может быть, несколько дней, может быть, две недели. Я оставил кое-какие лекарства и все объяснил Сэму. Сэм говорит, что в Бостоне эпидемия, и вам надо спешить. Мой совет: езжайте один. Оставьте его у Поттеров. Пусть окрепнет и потом отправится с ними на весеннюю ярмарку в Олбани, а оттуда и до Бостона доберется.

– Хорошо, – подумав, решил Таннер. – Раз иного пути нет...

Они молча пили кофе.

13

Таннер посмотрел на вытащенный автомобиль, проговорил: – Что ж, пожалуй, поеду, – и кивнул Поттерам. – Спасибо.

Он открыл дверцу, сел за руль и завел мотор. Затем дважды ударил по клаксону и медленно отжал сцепление. На заднем экране махали вслед трое мужчин. Таннер стиснул зубы и яростно надавил на акселератор. Фигурки прыгнули назад и скрылись из виду.

Бурая земля поросла густой травой. Небо было нежно-розового цвета, и яркое солнце окрашивало день в серебристый оттенок.

Местность казалась совсем незатронутой тем хаосом, который породил остальную часть Долины. Таннер несся вперед и слушал музыку. Дважды он обгонял грузовики и приветственно сигналил. Один раз ему ответили.

Таннер ехал весь день и добрую часть ночи, прежде чем, наконец, не достиг Олбани. Улицы были погружены во тьму, и только в отдельных зданиях светились огоньки. Он остановил машину перед мерцающей вывеской "БАР И ГРИЛЬ" и зашел внутрь.

В маленьком душном помещении царил полумрак. Из джукбокса в углу раздавалась приглушенная музыка – совершенно незнакомые Таннеру мелодии. Пол был присыпан опилками.

Он сел за стойку и запихнул "магнум" поглубже за пояс. Потом снял куртку и бросил ее на соседний табурет. Подошедшему мужчине в белом переднике он сказал:

– Одну маленькую, пива и бутерброд с ветчиной.

Мужчина наклонил лысую голову и поставил перед Таннером стаканчик, который тут же наполнил, а затем налил из крана полную кружку.

Таннер опрокинул стаканчик и стал потягивать пиво. Бармен толкнул к нему тарелку с бутербродом, царапнул что-то на зеленом листке бумаги и подсунул его под тарелку.

Таннер откусил бутерброд и запил пивом. Среди толпы шумящих, как в любом другом баре, где он бывал, людей Таннер остановил свое внимание на пожилом мужчине с дружелюбным лицом.

– Что нового из Бостона?

Подбородок мужчины дернулся.

– Ничего. Похоже, что к концу недели закроются все наши магазины.

– Какой сегодня день?

– Вторник.

Таннер прикончил бутерброд и за пивом выкурил сигарету. Взглянул на счет, где была выведена сумма "0,85", кинул на стойку доллар и собрался уходить.

Он сделал два шага, когда его окликнул бармен:

– Эй, мистер!

Таннер повернулся.

– Ну?

– Ты кого хочешь одурачить?

– Не понимаю.

– Не понимаешь?! – Бармен потряс долларом. – А это что?

Таннер взял бумажку и повертел перед глазами.

– Вроде все нормально. Чего тебе не нравится?

– Это не деньги.

– Мои деньги не годятся?

– Вот именно. В жизни не видал таких денег!

– Ну так разуй глаза! Прочитай, что там напечатано внизу.

В комнате стало тихо. К ним подошел мужчина и протянул руку.

– Дай-ка я взгляну, Билл.

Бармен передал ему бумажку. Глаза подошедшего расширились.

– Выданы Национальным Банком Калифорнии...

– Здесь они не действительны, – заявил бармен.

– Лучших у меня нет. – Таннер пожал плечами.

– Этой бумажкой можешь подтереться! Бостонские деньги у тебя есть?

– Никогда не был в Бостоне.

– А как же ты сюда попал?

– Приехал.

– Нечего дурака валять, парень! Ты где это украл?

– Возьмете деньги или нет? – спросил Таннер.

– И не подумаю! – отрезал бармен.

– Тогда катитесь к черту, – бросил Таннер и пошел к двери.

Он услышал за спиной быстрые шаги и резко повернулся. Перед ним стоял мужчина, который рассматривал деньги, и его правая рука была вытянута вперед.

В своей правой руке Таннер держал перекинутую через плечо куртку. Он изо всех сил рванул ее вниз. Край куртки ударил мужчину по макушке, и тот упал.

В комнате раздались крики. Несколько человек вскочили на ноги и бросились к нему. Таннер вытащил из-за пояса револьвер и криво улыбнулся.

– Тихо, ребята, – процедил он, и они остановились. – Вы, может, и не поверите, если я скажу вам, что в Бостоне мор, но это правда. А может, и поверите... Не знаю. Уж наверняка вы не поверите, что я еду туда через весь континент от самого Лос-Анджелеса и везу в машине сыворотку Хавкина. Но и это чистая правда. Отнесите этот доллар в бостонский банк, и там вам его разменяют. Теперь дальше... Мне пора двигать, и не вздумайте меня останавливать. Если сомне-

ваетесь в моих словах, посмотрите, на чем я уеду. Вот все, что я хотел вам сказать.

Он пятился до самой машины, завел двигатель и с ревом сорвался с места.

На заднем экране появились высыпавшие из бара люди. Таннер засмеялся и смело посмотрел в лицо мертвой луны.

14

Олбани – Бостон. Пара сотен миль. Самый тяжелый участок пути пройден. Ужасы Долины Проклятий большей частью остались позади. Ночь. Она простиралась вокруг, обняв машину нежными темными крыльями. Звезды, казалось, сияли ярче. Словно сама природа шептала ласково и ободряюще: "Все будет хорошо".

Он проезжал между холмов. Шоссе змеилось среди деревьев и высокой травы. Навстречу ехал грузовик, и Таннер притушил фары; водитель грузовика сделал то же самое.

Около полуночи он выехал на развилку, и тут оказался в перекрестии слепящих огней, вспыхнувших одновременно с двух сторон. Около шестидесяти прожекторов поливали его светом слева и справа.

Таннер вжал акселератор и услышал, как где-то сзади взревели моторы. Он узнал этот звук.

Мотоциклисты. Они выскочили на дорогу и помчались следом.

Они явно не знали, за кем гонятся. Таннер мог открыть огонь из пулеметов. Он мог затормозить и сжечь их из огнемета. Или закидать гранатами. И все же не сделал ничего подобного.

Это он мог сидеть на головном мотоцикле – самозабвенно мчаться впереди своих людей, не думая ни о чем, кроме преследования... Таннером завладела какая-то странная грусть, тоска, и он отвел руку от пульта управления огнем.

Сперва попытался уйти.

Мотор ревел на полной мощности, и все-таки от мотоциклистов было не оторваться.

Когда они начали стрелять, он понял, что придется ответить. Шальная пуля могла попасть в бензобак или пробить шину.

Первые выстрелы, безусловно, просто предупреждение. Но рисковать нельзя. Если б только они знали...

Динамик!

Таннер стукнул по кнопке и схватил микрофон.

– Эй, котятки, кроме лекарств для Бостона у меня ничего нет. Лучше отстаньте от меня по добру-по здорову!

Немедленно последовал выстрел, и тогда он открыл огонь из пулеметов. Одни падали, но другие продолжали стрелять. Тогда он стал кидать гранаты. Огонь утих, но не прекратился.

Поэтому Таннер ударил по тормозам и повернул огнеметы. Пятнадцать секунд.

И наступила тишина.

Когда воздух очистился, он посмотрел на экраны.

Они валялись по всей дороге. Рядом с перевернутыми разбитыми мотоциклами дымились тела. Некоторые были еще на ногах и держали винтовки. Таннер перестрелял их по одиночке.

Он собрался отъезжать, когда заметил, что кто-то поднялся, сделал несколько шагов и снова упал.

Его рука застыла на рычаге передач.

Это была девушка.

Он раздумывал секунд пять, потом выпрыгнул из машины и побежал к ней.

Одна фигурка закопошилась и приподнялась на локте. Таннер дважды выстрелил и продолжал бежать, сжимая револьвер в руке.

Девушка ползла к мужчине с простреленным лицом. Вокруг Таннера на дороге валялись тела – неподвижные и подергивающиеся. Кровь и почерневшая кожа в алом сиянии стоп-сигналов машины, стоны, завывания и вонь обгоревшего мяса.

Когда Таннер подбежал к девушке, она стала проклинать его слабым голосом. В глазах ее стояли слезы.

Все вокруг были мертвы или умирали, поэтому Таннер схватил девушку на руки и понес к машине. Он откинул спинку и опустил ее на пассажирское сиденье, убрав оружие подальше. Потом завел мотор и двинулся вперед. Задний экран показал, как две фигуры вскарабкались на ноги и тут же рухнули.

Это была высокая девушка с длинными грязными волосами. У нее был сильный подбородок и широкий рот. Под глазами синели круги. Правая сторона лица покраснела, словно от ожога. Левая штанина была порвана и пропиталась кровью. Таннер пришел к выводу, что ее задело из огнемета, и она упала с мотоцикла.

– Очухалась? – спросил Таннер, когда судорожные всхлипывания немного стихли.

– А тебе что? – резко ответила она, прижимая руку к щеке.

Таннер пожал плечами.

– Так...

– Ты убил почти всех наших.

– А что бы они сделали со мной?

– От тебя бы и мокрого места не осталось, если бы не твоя поганая машина.

– Она не моя, – миролюбиво ответил Таннер. – Вообще-то, она принадлежит государству Калифорния.

– Эта штука не могла приехать из Калифорнии.

– Черта-с-два, я сам ее привел.

Девушка выпрямилась и стала растирать ногу.

Таннер закурил.

– Дашь мне сигарету?

Он протянул ей зажженную и закурил другую. Когда он передавал ей сигарету, она заметила татуировку.

– Что это?

– Мое имя.

– Черт?

– Черт.

– Откуда такое?

– От моего старика.

Они молча курили. Потом она заговорила:

– Зачем ты поехал в Долину?

– Потому что меня бы не выпустили.

– Откуда?

– Из места, где на окнах решетки. Я сидел.

– И тебя отпустили? Почему?

– Из-за эпидемии. Я везу сыворотку Хавкина.

– Ты Черт Таннер?

– А?

– Твоя фамилия – Таннер, да?

– Допустим. Откуда ты знаешь?

– Я слышала о тебе. Все думали, что ты погиб во время Большого Рейда.

– Ошибались...

– На что это было похоже?

– Понятия не имею. Я уже носил полосатый костюм. Потому и жив остался.

– Зачем ты меня подобрал?

– Не хотел смотреть, как загибается девушка.

– Спасибо. У тебя найдется поесть?

– Еда там. – Он показал на холодильник. – Как тебя звать?

– Корни. А полностью – Корнелия.

– Хорошо, Корни. Когда поешь, расскажешь мне о дороге впереди.

Она с жадностью набросилась на еду.

– Здесь куча всяких банд. Так что приготовься.

– Готов, – отозвался Таннер.

– Эти экраны показывают во всех направлениях?

– Угу.

– Дороги тут, в общем, нормальные. Скоро будет одна большая воронка, а за ней пара маленьких вулканов.

– Понял.

– Больше беспокоиться не о чем, кроме "Регентов", "Дьяволов", "Королей" и "Любовников".

Таннер кивнул.

– Много у них народу?

– Точно не знаю, но больше всех у "Королей". Сотни две.

– Твои как звались?

– "Жеребцы".

– Что теперь собираешься делать?

– Что скажешь.

– Хорошо, Корни. Я высажу тебя, где захочешь. А можешь поехать со мной в город.

– Решай, Черт. Куда ты, туда и я.

Голос у нее был низкий, и хрипловатый, слова она произносила медленно, с ленцой. Штаны из грубой материи не скрывали длинных ног и тяжелых тугих бедер. Таннер облизал губы и перевел взгляд на экран. Подержать ее немного?..

Внезапно дорога стала мокрой. На ней появились сотни рыб, и каждую секунду падали новые. Вверху раздавались оглушительные раскаты. На севере разлилось голубое сияние.

Машина оказалась в воде. Поток бил в капот и крышу, тушил экраны. Небо вновь почернело и родило тоскливый, душераздирающий вой. Вскоре ливень ослаб, но завывания продолжались. Через пятнадцать минут они перешли в рев.

Девушка смотрела на экраны, изредка бросая взгляды на Таннера.

– Что ты собираешься делать? – наконец спросила она.

– Уйти, если смогу.

– Впереди на сколько видно тьма. Вряд ли тебе это удастся.

– Я тоже так думаю, но что остается?

– Укрыться.

– Если знаешь где – покажи.

– Есть одно местечко – мост, под который можно заехать.

– Годится. Свистни, когда его заметишь.

Она стянула ботинки и потерла ноги. Таннер предложил ей сигарету.

– Эй, Корни, я сейчас сообразил... – справа от тебя аптечка. Да, эта. Там наверняка найдется какая-нибудь мазь. Лицо-то горит, наверное...

Корни достала тюбик, выдавила немного мази и втерла в кожу щек. Она чуть улыбнулась и положила тюбик на место.

– Ну, полегче?

– Да, спасибо.

Стали падать камни, голубое сияние ширилось. Небо просветлело и запульсировало.

– Что-то в последнее время бури участились.

– Я слышала, будто ветры успокаиваются, – мол, небо очищает себя.

– Хорошо бы, – заметил Таннер.

– Тогда мы увидим его таким, как оно выглядело раньше – синим и с облаками. Знаешь, что такое облака? Такие беловатые рыхлые штуки, которые плавают в небе. От них, кроме дождя, ничего не бывает.

– Да, знаю.

– Видел их когда-нибудь в Л-А?

– Нет.

Поднялся туман, и Таннер был вынужден снизить скорость. По краям извивающихся как змеи темных полос появились желтые подтеки. По машине загромыхал камнепад.

– Нам каюк, – прошептала Корни.

– Черта с два. Этот гроб рассчитан еще не на такое... Что там впереди?

– Мост! – воскликнула она, подавшись вперед. – Вот он! Сворачивай с дороги налево и спускайся вниз, там пересохшая река.

Начали срываться молнии; загорелось дерево. Вместе с низвергающимися потоками воды продолжала падать рыба.

Машина медленно сползла по жиже. Достигнув русла реки, Таннер повернул направо и въехал под мост. Полыхали молнии, в небе кружили калейдоскопические вихри, и постоянно гремело. Мост гудел от ударов камней.

– Здесь мы в безопасности, – сказал Таннер и вырубил двигатель.

– Дверцы заперты?

– Они запираются автоматически.

Таннер выключил фары и зажег внутренний свет.

– Хотел бы я угостить тебя чем-нибудь покрепче...

– Ничего, я с удовольствием выпью кофе.

– Сейчас сделаем.

Он сполоснул кофейник, наполнил его водой и поставил греться.

Они сидели и курили, а вокруг бушевала непогода.

– Знаешь, приятно так сидеть в тепле и уюте, словно крыса в норе, в то время как снаружи творится черт знает что. Только послушай, как молотит! А нам плевать.

– Ну, – согласилась она. – Чем ты думаешь заняться, когда доберешься до Бостона?

– Понятия не имею... Может, найду работу, поднакоплю деньжат и открою гараж.

– Здорово. Сам, наверное, будешь много ездить?

– Спрашиваешь. В городе-то, конечно, банд нет?

– Нет, все по дорогам.

– Так я и думал. Может быть, наберу свою. – Он потянулся к ней и крепко сжал ее руку.

– Я смогу угостить тебя кое-чем покрепче.

Она достала из правого кармана фляжку, отвинтила колпачок и протянула Таннеру.

– Держи.

Он сделал глоток, поперхнулся и на секунду застыл.

– Блеск! Ты – женщина с большими скрытыми способностями. И все такое. Спасибо.

– Ерунда...

Корни тоже сделала глоток и поставила флягу между ними.

Таннер прикурил две сигареты и протянул одну девушке.

– Я бы хотела ехать с тобой до самого конца. Мои все полегли, и мне больше не с кем гонять. А ты там

станешь большим человеком. Может, оставишь меня при себе, хоть на время?

– Посмотрим... А какая ты?

– Что надо! Могу даже растереть плечи, если они у тебя ноют.

– Еще как ноют.

– Так я и думала. Нагнись.

Он наклонился к ней, и она начала массировать его плечи. Руки у нее были твердые и сильные.

– У тебя здорово получается.

– Спасибо.

Таннер выпрямился, прогнулся назад. Затем подхватил фляжку и снова приложился. Корни чуть пригубила.

Вокруг них словно бесновались адские фурии, но мост стойко держал оборону. Таннер погасил свет.

– Давай! – сказал он и притянул девушку к себе.

Она не сопротивлялась, и он нащупал пряжку ремня. Потом наступила очередь пуговиц. Через некоторое время Таннер разложил сиденье.

– Ты не прогонишь меня потом? – спросила она.

– Нет.

– Я помогу тебе. Я сделаю все, что ты скажешь, чтобы добраться до Бостона.

– Отлично.

– В конце концов, нам без Бостона жизни нет.

– Еще бы.

Потом слова стали не нужны.

Таннер разлепил глаза. Наступило утро, буря утихла. Корнелия не проснулась, даже когда он слазил в задний отсек, завел двигатель, и повел машину по густо поросшему зеленью склону холма.

Небо опять просветлело; дорога усеяна хламом Таннер вел на бледное солнце, и, наконец, Корнелия зашевелилась.

– О-о-ох, – протянула она.

– Вот-вот, – согласился Таннер.

Неожиданно дневной свет померк, и сверху образовалась гигантская черная полоса, прорезавшая небо прямой автострадой.

Они медленно ехали по лесистой долине. Накрапывал дождь. Девушка вернулась из заднего отсека и занималась завтраком, когда Таннер разглядел сзади точку, почти слившуюся с горизонтом. Он дал полное увеличение и попытался уйти от того, что увидел. Корнелия подняла взгляд.

Мотоциклы, мотоциклы, мотоциклы.

– Твои люди?

– Нет. Моих больше не осталось.

– Паршиво, – пробормотал Таннер и вжал акселератор в пол. Он надеялся только на бурю.

Машина с визгом вошла в поворот и начала подниматься на очередной холм. Мотоциклы приближались. Таннер убрал увеличение, но экраны все равно не могли скрыть числа преследователей.

– Наверное, "Короли", – сказала Корни. – Только у них столько народу.

– Паршиво.

– Для них или для нас?

– Для них и для нас.

Она улыбнулась.

– Я бы хотела посмотреть, как ты орудуешь этой штукой.

– Похоже, тебе представится такая возможность. Они гонят как бешеные.

Дождь утих, но туман густел. Таннер видел фары в четверти мили сзади и насчитал от сотни до полутораста мотоциклов.

– Далеко до Бостона?

– Миль девяносто.

– Плохо, что они преследуют нас, а не мчатся навстречу, – проговорил Таннер и навел на задний экран перекрестие прицела.

– Это что? – поинтересовалась Корнелия.

– Крест. Я собираюсь их распять.

Она улыбнулась и порывисто сжала его руку.

– Можно мне помочь? Ненавижу этих ублюдков!

– Чуть погодя, – отозвался Таннер. – Чуть погодя, уверен.

Он потянулся назад, достал шесть ручных гранат, повесил их на свой широкий черный пояс и засунул туда же револьвер. Девушке он протянул винтовку.

– Умеешь обращаться?

– Да, – немедленно ответила она.

– Хорошо.

Таннер не отрывал взгляда от пляшущих на экране огней.

– Какого черта тянет эта буря?! – пробормотал он, когда огни сместились ближе, и в тумане стали вырисовываться очертания.

Когда они приблизились на сотню ярдов, Таннер швырнул первую гранату. Она взмыла в сером воздухе и через пять секунд взорвалась с грохотом и вспышкой. Огни непосредственно сзади остались, и Таннер начал бить из пулеметов, водя прицелом из стороны в сторону. Затем он пустил еще одну гранату.

– Ты их остановил?

– На время. Огни еще видны, но уже подальше.

Через несколько минут они достигли вершины холма, места, где туман разошелся, и сверху появилось темное небо. Потом они вновь устремились вниз, и справа поднялась стена из камня, глины и грязи. Спускаясь, Таннер изучал ее внимательным взглядом.

Когда дорога выравнялась, и машина въехала на самую низкую точку, он включил фары на полную яркость и стал выискивать участок, где стена отодвигалась подальше.

Сзади выплеснулось море надвигающихся огней.

Таннер нашел достаточно широкое место, развернулся так резко, что его занесло, и встал лицом к преследователям. Теперь стена была слева.

Он поднял ракеты, пустил одну, поднял на пять градусов, пустил две, поднял еще на пять градусов и пустил три. Потом сбросил на пятнадцать градусов вниз и дал еще одну.

Туман вспыхнул, раздался грохот катящихся камней. Земля задрожала – начался обвал. Таннер вывернул руль вправо, отводя машину назад, и пустил две ракеты прямо перед собой. Теперь с туманом смешалась пыль; почва продолжала трястись.

Он развернулся и вновь поехал вперед.

– Надеюсь, это их остановит...

Он зажег две сигареты и протянул одну Корнелии.

Через пять минут они поднялись на пригорок. Налетевший ветер разогнал туман, и тогда сзади появились огни.

Полезла вверх радиоактивность. Таннер внимательно осмотрелся и заметил вдали кратер.

– Вот он, – раздался голос девушки. – Здесь с дороги надо сходить. Держись правее.

– Понял.

Сзади послышались выстрелы – первые за весь день. Он навел прицел, но стрелять не стал. Расстояние было слишком велико.

– Ты проредил их вдвое, – сказала Корнелия. – Даже больше. И все же, это крепкие ребята.

– Вижу...

Машина вспарывала туман. Таннер пересчитал оставшиеся гранаты. Гранаты кончались...

Он свернул направо, когда автомобиль запрыгал на выбоинах в бетоне. Радиоактивность повышалась. Кратер был примерно в тысяче ярдов левее.

Дождь шел все сильнее. Сзади из мглы выплыли огни. Таннер прицелился в самый яркий и выстрелил. Огонь потух. Навел еще на один и снова выстрелил. И тот потух.

– Еще парочка, – заметил Таннер. Однако теперь сзади послышались выстрелы.

Он взялся за правосторонние пулеметы, и на экране появилось перекрестие прицела. Когда там выросли три мотоциклиста, пытающихся обойти его с фланга, он открыл огонь и уложил их. Сзади опять поднялась стрельба, но он не отвечал, переведя все внимание на дорогу.

– Их двадцать девять, – сообщила Корни.

Таннер на бешенной скорости вел машину среди булыжников и сосредоточенно курил.

Через пять минут его обошли с флангов. Он не стрелял, экономя патроны и подпуская их ближе. И лишь когда они почти сомкнулись, он навел пулеметы и обстрелял каждый огонь в пределах досягаемости, одновременно вжимая акселератор.

– Уложил шестерых, – сказала Корнелия, но Таннер слушал доносящуюся стрельбу.

Он швырнул назад гранату, а когда попытался бросить вторую, замок только клацнул.

Теперь он стрелял лишь по отдельным целям и когда был совершенно уверен. Вскоре впереди показалась дорога.

– Держись параллельно, – посоветовала Корнелия. – Тут укатано. По дороге нельзя ехать еще с милю.

Пули рикошетировали от бронированного корпуса машины.Таннер не отвечал. Он несся вдоль зарослей кустарника и деревьев, полураскрытых в цепком тумане, а дождь все усиливался.

Когда они выскочили на шоссе, он бросил взгляд на огни и спросил:

– Сколько теперь?

– Около двадцати. Как у нас дела?

– Меня беспокоят шины. Если попадет пуля, они не выдержат. И еще шальной выстрел может разбить "глаз". А кроме этого нам бояться нечего. Даже если они остановят машину, нас еще надо извлечь.

Мотоциклисты приблизились. Были видны оранжевые вспышки, и доносились звуки выстрелов.

– Держись! – процедил Таннер и ударил по тормозам. Автомобиль завертелся и пошел юзом по мокрому асфальту.

Огни внезапно оказались совсем рядом, и Таннер пустил назад струю пламени. Мотоцилисты шарахнулись в стороны, и он врубил боковые огнеметы.

Потом он снял ногу с тормоза и вдавил акселератор, не задерживаясь, чтобы оценить свою работу.

Машина рванулась вперед, и Таннер услышал смех Корнелии.

– О боже, как ты их кладешь! Ты кладешь всю их проклятую банду!

– Невелика радость, – процедил он. – Огни есть?

– Нет. – Затем через несколько секунд: – Три. – Потом: – Семь. – И, наконец: – Тринадцать.

Таннер сжал зубы.

– Проклятье. Кончается...

– Что кончается?

– Все: удача, топливо, патроны... Пожалуй, тебе лучше было остаться там, где я тебя подобрал.

– Нет, – отрезала она. – Я с тобой. До конца.

– Значит, ты чокнутая, – сказал Таннер. – Я еще цел. Когда меня ранят, будет совсем другая музыка.

– Ну что ж, – произнесла она. – Увидишь, как я запою.

Он протянул руку и сжал ее бедро.

– Хорошо, Корни. Держись, мы еще повоюем.

Таннер потянулся за сигаретой, обнаружил, что пачка пуста, и выругался. Она открыла свежую пачку и прикурила ему сигарету.

Туман стал рассеиваться. К тому времени, как он докурил, видимость улучшилась. Ясно различались прижавшиеся к мотоциклам фигурки. Они ехали следом, но догнать не пытались.

– Если они просто хотят составить нам компанию, я не возражаю, – заметил Таннер.

Но потом раздались выстрелы, и послышался свист вырывающего из шины воздуха. Он сбавил скорость и открыл огонь. Несколько мотоциклистов упали.

Сзади опять стали стрелять. Полетела вторая шина. Таннер притормозил, развернулся так, что машину занесло, и, встав лицом к противнику, выпустил одну за другой все оставшиеся ракеты. Потом стал поливать их из лобовых пулеметов, пока мотоциклисты не рас-

сыпались по сторонам. Тогда он открыл огонь слева. Затем справа.

Патроны в правосторонних пулеметах кончились, и он вновь стал бить слева. Потом бросил оставшиеся гранаты.

Теперь стреляли только из пяти мест – трое слева и двое справа – откуда-то из-за деревьев, растущих вдоль дороги. Вокруг валялись тела и разбитые мотоциклы; некоторые еще дымились. Асфальт был разворочен и исковеркан.

Таннер развернул машину и медленно поехал на шести колесах.

– Мы безоружны, Корни.

– Что ж, им пришлось еще хуже.

– Да...

На заднем экране показались пять выехавших на дорогу мотоциклистов. Они держались на порядочном расстоянии, но не отставали.

Таннер попробовал войти в связь по рации, но ответа не получил. Он резко остановился – мотоциклисты тоже остановились, далеко-далеко позади.

– По крайней мере, они нас боятся. Считают, что у нас есть зубы.

– Есть, – уверенно сказала она.

– Да, но не те, что они думают.

– Еще получше.

– Приятно иметь дело с оптимистом, – проговорил Таннер и медленно тронулся с места.

Мотоциклисты двинулись вслед, держась в отдалении. Таннер следил за ними по экранам и сдавленно ругался.

Через некоторое время они стали приближаться. Двигатель ревел на полной мощности, но пять мотоциклистов нагоняли.

Подъехав вплотную, они стали стрелять. Несколько пуль срикошетировало, а потом Таннер услышал, как полетела еще одна шина.

Он снова остановился; мотоциклисты держались сзади, вне досягаемости огнеметов. Таннер чертыхнулся и

поехал дальше. Машину водило из стороны в сторону и кренило вправо. На обочине стоял врезавшийся в дерево грузовик – все стекла разбиты, колеса сняты, на водительском месте скрючился над рулем скелет... Вокруг скользили клочья тумана. Солнце померкло; темная полоса в небе расширилась и начала извергать дождь с пылью и мелкими камнями. "Хорошо, – подумал Таннер, когда в крышу забарабанило. – Хоть бы посильнее". И его желание исполнилось. Земля задрожала, северный небосклон озарился голубым сиянием. В грохоте выделился рев, и с оглушающим треском справа упал валун.

– Надеюсь, следующий свалится на наших дружков.

Впереди показалось оранжевое свечение. Подсознательно Таннер заметил его еще пару минут назад, но только сейчас обратил внимание.

– Вулкан! – воскликнула Корни. – Значит, нам осталось миль семьдесят, не больше.

Теперь трудно было сказать, продолжалась ли стрельба. Раздающаяся со всех сторон канонада могла заглушить любые выстрелы, а падающий гравий бил похлеще рикошетирующих пуль. Пять фар упорно держались сзади.

Таннер достал "магнум", а из бокового кармашка – коробку патронов к нему, и протянул девушке.

– Держи. Патроны в карман.

Вдруг от пяти огней сзади осталось четыре, а остальные сбавили скорость, потускнели.

– Надеюсь, несчастный случай, – вслух подумал Таннер.

Показалась гора – усеченый конус, истекающий огнем. Они покинули дорогу и съехали влево, на хорошо наезженную колею. Пока они объезжали вулкан – на это ушло минут двадцать – появились их преследователи и стали медленно приближаться.

Таннер вернулся на дорогу и погнал по дрожащей земле. В небе блуждали зеленые огни; вокруг падали тяжелые бесформенные глыбы. Машину вело в сторону, она с трудом поддавалась управлению; скорость не

поднималась выше сорока миль в час. Из радио доносился только треск.

Таннер миновал крутой поворот, остановился, потушил весь свет, вытащил чеку из гранаты и стал ждать.

Когда на экране появились огни, он распахнул дверцу, выпрыгнул и швырнул гранату сквозь завесу дождя.

Он был за рулем и вел машину прежде, чем раздался взрыв, и на экране возникла вспышка.

Девушка истерически рассмеялась.

– Ты накрыл их, Черт! Ты их накрыл!

Таннер приложился к фляге, и Корни допила то, что осталось. Они закурили.

По разбитой скользкой дороге машина поднялась на пригорок и покатила вниз. Чем дальше они спускались, тем гуще становился туман.

Из мглы возник свет, и Таннер приготовил огнеметы. Однако это был просто грузовик, мирно ехавший навстречу.

В следующие полчаса им повстречались еще два.

Снова заполыхали молнии, и начали падать камни размером с кулак. Таннер свернул с дороги и въехал в рощу, под кроны высоких деревьев. Небо совершенно потемнело, стало черным как смоль, потеряв даже голубоватое свечение.

Они ждали три часа, но буря не утихала. Один за другим погасли четыре обзорных экрана, а пятый показывал только мрак под колесами. Последнее, что увидел Таннер, было колоссальное расщепленное дерево с надломанной макушкой. Та раскачивалась из стороны в сторону, готовая вот-вот упасть. Несколько раз что-то с ужасающим треском разбивалось над их головами, и машина тяжело содрогалась. Крыша в трех местах глубоко прогнулась. Освещение потускнело, затем опять вспыхнуло. Из радио теперь не раздавалось даже шума.

– Плохо дело, – проговорил Таннер.

– Да.

– У нас есть один шанс, если переживем бурю.

– Какой?

– В багажнике два мотоцикла.

Они откинули сиденья, курили и ждали. Через некоторое время погас свет.

Ураган бушевал весь день и половину ночи. Они заснули внутри искалеченной машины, и та их защитила. Когда немного стихло, Таннер приоткрыл дверцу и выглянул наружу.

– Подождем до утра, – сказал он. Корнелия взяла его за руку, и они опять заснули.

15

На рассвете Таннер прошлепал по грязи через нападавшие ветки, камни и дохлую рыбу, открыл багажник и снял с креплений мотоциклы. Он проверил их и залил баки горючим.

Потом пролез в машину и снял заднее сиденье, под которым лежал наглухо завинченный алюминиевый ящик – его груз. Таннер подхватил его и отнес к своему мотоциклу.

– Здесь лекарство? – спросила Корни.

Он кивнул.

– Уж не знаю, как оно хранится, может, даже охлаждается, но ящик не очень тяжелый, его можно поставить на мотоцикл сзади. Возьми в одном из отделений ремни, и где-то там бумага, моя амнистия. Большой плотный конверт.

Она все достала и помогла укрепить ящик на мотоцикле.

– Придется ехать медленно, – сказал Таннер, когда они выкатили машины на дорогу.

Он закинул за плечо винтовку, натянул перчатки и завел мотор. Она сделала то же самое, и они бок о бок поехали по шоссе.

Примерно через час навстречу прошли две автомашины. Сидевшие сзади дети прильнули к окнам и

проводили мотоциклистов долгими взглядами. У водителя второй машины под мышкой висела кобура.

В розовом небе за решеткой угрожающе-мрачных полос поднималось серебрянное солнце. Оно было тусклым, но Таннер все равно надвинул на глаза защитные очки. У подножия холмов лежал туман, воздух был влажным и прохладным.

Дорога стала заметно лучше. Таннер ехал, погрузившись в мысле о Бостоне.

Около полудня сквозь шум моторов донесся выстрел. Сперва Таннер решил, что ему послышалось, но выстрел повторился. Корни вскрикнула, свернула с дороги и врезалась в булыжник. Таннер инстинктивно пригнул голову, резко затормозил, съехал на обочину, прислонил мотоцикл к дереву и бросился на землю.

Он стянул с правой руки перчатку и сполз в канаву. Оттуда была видна Корни. Она лежала без движения, и на ее груди была кровь.

Стреляли откуда-то из-за холма, и ему показалось, что он заметил ружейный ствол. Таннер снял с плеча винтовку, выстрелил и сразу же отполз влево. Ответная пуля взметнула пыль у его головы, и он, извиваясь как червяк, прополз футов пятнадцать к груде камней. Там, свернувшись калачиком, Таннер выдернул чеку, вспрыгнул на ноги и швырнул гранату. Он упал на землю одновременно с выстрелом и приготовил вторую гранату. Грохот, вспышка; вокруг стали падать комья грязи... Таннер вскочил, бросил вторую гранату и побежал вперед, держа винтовку наготове.

Это было лишним. От стрелявшего остались только лохмотья одежды. Таннер вернулся к Корнелии.

Она не дышала, и сердце не билось, и он понял, что это значит.

Он руками разрыл глубже канаву, из которой отстреливался, опустил туда тело, закидал грязью и вкатил на могилу ее мотоцикл. Он достал нож и на передке машины выцарапал: "Ее звали Корнелия. Я не знаю, сколько ей лет, откуда она родом и как ее фа-

милия, но она была подругой Черта Таннера, и я ее люблю".

Потом завел свой мотоцикл и поехал. До Бостона оставалось около тридцати миль.

16

Через некоторое время сзади послышался шум мотора. С боковой грунтовой дороги на шоссе выскочил "Харли", и уйти от него с таким грузом было невозможно. Таннер не увеличил скорость и позволил себя догнать.

Вскоре с ним поравнялся высокий худой мужчина с огненно-рыжей бородой. Он улыбнулся, снял с руля правую руку и махнул в сторону обочины.

Таннер затормозил и остановился.

– Куда спешишь, парень? – спросил рыжебородый.

– В Бостон.

– Что у тебя в ящике?

– Так, средства всякие.

– Травка? – Брови мужчины полезли вверх, и губы вновь растянулись в улыбке.

– Средства от болезни в Бостоне.

В руках рыжебородого появился пистолет.

– Слазь с мотоцикла.

Таннер повиновался. Рыжебородый поднял руку, и из кустов на обочине вышел человек.

– Откати машину этого типа дальше по шоссе ярдов на двести и поставь посередине. Потом вернись на место.

– В чем дело? – спросил Таннер.

– Как тебя звать? – будто не слыша потребовал рыжебородый.

– Черт. Черт Таннер.

– Катись ты к черту!

Таннер пожал плечами, стянул правую перчатку и показал кулак.

– Не верю, – сказал рыжебородый, глядя на татуировку.

– Как знаешь...

– Заткнись! – взревел рыжебородый и снова поднял левую руку. В зарослях кустарника появилось какое-то движение. Человек двадцать или тридцать выкатили свои мотоциклы и выстроились по обеим сторонам дороги.

– Меня зовут Большой Брат, – заявил рыжебородый.

– Рад познакомиться.

– Знаешь, что тебе сейчас надо делать?

– Могу догадаться.

– Пойдешь к своему мотоциклу и попробуешь его забрать.

Таннер улыбнулся.

– Это будет трудно?

– Плевое дело! Только сперва отдай винтовку. – Большой Брат поднял руку, и вдоль дороги один за другим затарахтели мотоциклы. – Шагай.

– Ты думаешь, я псих?

– Нет. Давай винтовку и топай.

Снимая винтовку с плеча, Таннер продолжил движение и ударил под рыжую бороду. Потом бросил винтовку, сорвал с пояса гранату, выдернул чеку и швырнул ее влево. Она не успела еще взорваться, как он выхватил вторую и бросил направо. К тому времени мотоциклисты начали двигаться вперед, к нему.

Таннер упал и выставил перед собой винтовку. Одновременно раздался первый взрыв. Когда раздался второй, Таннер уже стрелял.

Он уложил троих, затем поднялся и стал пятиться, стреляя с бедра. Патроны кончились, перезаряжать было некогда. Таннер трижды успел выстрелить из револьвера, прежде чем его свалили ударом цепи по голове.

Он очнулся от рева моторов. Вокруг кружили два мотоциклиста; одним из них был Большой Брат. На дороге валялись тела. Едва Таннер поднялся, как его сшибли колесом. Он пополз вправо и застонал от боли – по пальцам проехали шины, а затем последовал удар цепью по рукам.

Но он заметил камень и поджидал, пока мотоциклист вновь приблизится. Тогда он вскарабкался на ноги и швырнул свое тело на подъехавшего врага. Схваченный камень в правой руке поднялся и опустился, один раз. При этом Таннера протащило по дороге, а когда он упал, на него наехал второй мотоцикл.

Бок пронзила невыносимая боль, словно разом сломались все кости. И все же, превозмогая застилавшую глаза пелену, Таннер протянул руку и ухватился за подпорку мотоцикла. Его проволокло футов десять, прежде чем он вытащил из ботинка кинжал. Он ударил вверх, и тонкий лист металла поддался. Потом его пальцы разжались, он упал на бетон и почувствовал запах бензина. Рука нырнула в карман куртки и извлекла зажигалку.

В двадцати футах впереди Большой Брат разворачивался, из пробитого бензобака на дорогу текло горючее.

Таннер приготовил зажигалку – с колпачком в виде черепа и крылышками по бокам. Палец крутанул колесико, посыпались искры, и загорелся фитиль. Таннер поднес его к луже бензина, и вспыхнувшее пламя прочертило на бетоне огненный след.

Большой Брат уже закончил разворот и, пригнувшись к рулю, мчался на Таннера, когда увидел, что произошло. Его глаза расширились, и ухмылка мгновенно слетела с лица. Он попытался спрыгнуть с мотоцикла, но было уже поздно.

Бензобак под ним взорвался, и Большой Брат рухнул на землю с куском железа в голове.

Таннера захлестнул огонь, он слабо забил руками, пытаясь погасить языки пламени. Тело было в крови, члены сковала смертельная усталость. Он увидел свой мотоцикл, невредимо стоящий дальше на дороге, и пополз.

Добравшись до мотоцикла, Таннер перекинул тело через сиденье и лежал, свесившись, минут десять, не в силах пошевелиться. Дважды его вырвало.

Через час он сумел оседлать мотоцикл, но не проехал и полумили, как навалились дурнота и головокружение.

Таннер съехал с дороги и последним усилием закатил мотоцикл в кусты. Затем, пошатываясь, упал на землю, и все погрузилось во тьму.

17

Первое, что он увидел, очнувшись, была высохшая корка крови на боку. Левая рука распухла и посинела. Пальцы на ней раздулись и окостенели. Когда Таннер попытался их согнуть, то чуть не закричал от дикой боли. Голова раскалывалась, во рту стоял привкус бензина. Борода обгорела, правый глаз затек и почти не открывался. Таннер был таким усталым и разбитым, что долгое время лежал без движения, не в силах шевельнуться.

– Корни... – пробормотал он, и затем: – Черт подери!..

В памяти вдруг всплыло все, что произошло, и перед глазами живо встали яркие картины.

Таннер задрожал, и не только от сырого тумана. Влага пропитала брезентовые штаны, ноги замерзли. Тьма стояла кромешная. Вдали послышался шум проходящей машины.

Таннер с трудом перевернулся на живот и положил голову на локоть. Мысленно он вернулся в свою тюремную камеру – теперь она казалась почти раем. Потом он подумал о Денни – ему, должно быть, сейчас тоже плохо. Таннер скривился от боли. "У меня у самого, наверное, сломана пара ребер". И еще он подумал о чудовищных тварях юго-запада и о темноглазом Греге... Его мысли вернулись к Лос-Анджелесу и к побережью, к старой банде, к Большому Рейду. Все, с этим покончено навсегда... Потом мимо него прошла Корни, и на груди ее была кровь. Таннер яростно зажевал бороду и крепко сжал глаза. Они могли бы вместе добраться до Бостона... Сколько еще осталось?

Он вскарабкался на колени и пополз вперед, пока не почувствовал перед собой что-то твердое. Дерево. Таннер сел, привалился к нему спиной, и дрожащей рукой полез в карман куртки. Из смятой пачки он вытащил сигарету, разгладил и вспомнил, что зажигалка осталась где-то на дороге. Таннер ощупал карманы и нашел отсыревший коробок. Третья спичка зажглась. Он глубоко затянулся и неожиданно задрожал от озноба. Его захлестнула волна лихорадки. Он судорожно закашлялся, расстегивая воротник, и почувствовал во рту вкус крови.

Все его оружие исчезло, кроме непосильно тяжелой гранаты на поясе.

Наверху во тьме раздалось громыхание. После шестой затяжки сигарета выскользнула из пальцев и зашипела на влажном мхе. Голова Таннера упала на грудь, и все исчезло.

Наверное, была буря. Он не помнил. Он очнулся, лежа на правом боку спиной к дереву. Ветер унес туман, и в небе светило розовое полуденное солнце. Издалека доносилось щебетанье птиц. Таннер выдавил ругательство и почувствовал, как пересохло горло. Внезапно страшно захотелось пить. Он подполз к мутной луже и утолил жажду.

Немного отдохнув, он поднялся на ноги, добрел до спрятанного мотоцикла и там дрожащими руками закурил сигарету.

Часы были разбиты, и Таннер понятия не имел, сколько сейчас времени. Когда он тронулся в путь, солнце уже скатывалось к горизонту. В ушах свистел ветер, как бы ограждая от непрошенных мыслей. Сзади к багажнику был надежно привязан груз. Таннеру представилось, как кто-то открывает ящик и находит груду разбитых ампул... Он попеременно хохотал и ругался.

Попадались встречные машины, но ни одна не ехала к городу. Дорога была в отличном состоянии. По сторонам стояли дома, но Таннер не останавливался.

Больше он вообще не собирался останавливаться – если не остановят...

Солнце спустилось еще ниже, и небо потемнело. Судя по дорожному указателю до Бостона оставалось 18 миль. Через десять минут Таннер зажег фару.

Затем он поднялся на пригорок и,. перед тем как начать спуск, немного притормозил.

Далеко внизу сияли огни, и чуть слышно раздавался мерный колокольный звон. Бьющий в лицо ветер донес знакомый привкус морской соли.

Солнце скрылось за холмом, и Таннер ехал в бесконечной тени. Высоко в небе, меж двух черных полос, появилась звездочка... Теперь огни мерцали и по сторонам, дома стояли теснее и придвинулись ближе к шоссе.

Он почти уже на месте. К кому обратиться в городе? В Лос-Анджелесе ему этого не сказали.

Таннер потряс головой, пытаясь разогнать туман.

Улица была тиха и безлюдна. Он нажал на клаксон, и между зданий раскатилось гулкое эхо. В доме слева светился огонь.

Таннер остановился, перешел улицу и заколотил в дверь. Один телефонный звонок – и дело сделано. Изнутри не раздавалось ни звука. Он толкнул дверь и обнаружил, что она заперта.

Может быть, тут все умерли? Может быть, уже вообще не осталось живых?.. Придется вламываться. Таннер сходил к мотоциклу за отверткой и вернулся к двери.

Выстрел и звук двигателя он услышал одновременно.

Таннер быстро повернулся и стал спиной к стене, сжав в руке гранату.

– Стой! – раздалось из мегафона на подъехавшей машине. – Стреляем без предупреждения!

Таннер покорно поднял руки на уровень головы.

В машине были двое полицейских, и тот, кто сидел на месте пассажира, нацеливал в живот Таннера револьвер.

– Ты арестован, – объявил он.

Водитель вылез из машины, обогнул ее спереди и медленно приблизился, позвякивая наручниками.

– Ну-ка, давай ручки...

И Таннер протянул ему чеку от гранаты.

Полицейский тупо уставился на нее, и в его глазах вспыхнул ужас.

– У него бомба!

Таннер криво усмехнулся.

– Заткнитесь и слушайте. Или стреляйте, и тогда вместе отправимся на тот свет. Мне надо добраться до телефона. Ящик на багажнике мотоцикла полон сыворотки Хавкина. Я привез ее из Лос-Анджелеса.

– По Долине на мотоцикле?!

– Моя машина сдохла на полпути от Олбани, как и те ребята, которые хотели меня остановить. А теперь заберите лекарство и доставьте его куда следует.

– Как вы себя чувствуете, мистер?

– Мне нездоровится. – Таннер выдавил ухмылку. – Пока держусь, но рука устала.

Он вытащил из куртки письмо и передал его полицейскому с наручниками.

– Моя амнистия. Выдана Калифорнией на прошлой неделе.

Полицейский открыл конверт и вытащил бумагу.

– Похоже на правду, – произнес он. – Выходит, Брейди доехал...

– Брейди мертв, – оборвал его Таннер. – Послушайте, мне плохо. Сделайте что-нибудь!

– О боже, держите эту штуку крепко! Садитесь в машину. Сейчас, мы только снимем ящик – это одна минута! Потом подскочим к реке, и вы бросите гранату. А пока держите ее изо всех сил!

Они отвязали ящик с лекарством и поставили на заднее сиденье. Правое переднее стекло опустили, и Таннер сел рядом с водителем, высунув руку наружу. Взревела сирена.

Боль постепенно распространялась по всей руке до плеча. Как было бы приятно разжать пальцы...

– Где вы тут держите свою поганую реку?
– Еще чуть-чуть, осталось совсем немного.
– Поспешите... – выдавил Таннер.
– Заедем на мост – и бросайте как можно дальше.
– Проклятье, у меня нет сил...
– Жми, Джерри!
– Я жму, кретин, но мы не на крыльях!
– Мне дурно... Я, кажется, вырубаюсь...

Машина внеслась на мост и с диким скрежетом остановилась. Таннер не успел открыть дверцу, как оба полицейских уже были около него. Он пошатнулся, и они подхватили его, подвели к ограждению.

– По-моему, я не...

Он выпрямился, отвел руку назад и швырнул гранату. Далеко внизу раздался взрыв, и вода забурлила.

Полицейские вздохнули, а Таннер хрипло рассмеялся.

– Со мной все в порядке. Я вас просто подкалывал.
– Ах ты!..

Потом он упал, и в свете фонарей они увидели, как разлилась по его лицу мертвенная бледность.

18

Весной, в день открытия памятника Черту Таннеру, когда заметили, что на постаменте выцарапаны непристойные слова, никто не догадался спросить у очевидного виновника, зачем он это сделал. А на следующий день было уже поздно, потому что он исчез из Бостона, не оставив своего адреса. Одну из украденных в тот день машин в городе никогда больше не видели.

Бронзового Таннера на бронзовом "Харли" почистили и вновь спрятали под покрывалом, дабы сохранить для грядущих поколений. Но ветер, врывающийся на городскую площадь, все также наносит грязь, и небеса выливают на него нечистоты.

СОДЕРЖАНИЕ

Зав. редакцией Н. Байков
Редактор О. Серова
Мл. редактор Л. Хритина
Художник В. Храмов

Сдано в набор 3.12.89. Подписано в печать 12.01.90. Формат 84x108/32.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,44. Уч.- изд.л. 14,6
Тираж 300 000 экз. Цена 3 руб. Л 13520

Отпечатано и изготовлено в Московской типографии № 13
ПО «Периодика» Государственного комитета СССР по печати
107005, Москва, Денисовский пер., д. 30. Зак 53

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И.Ленина.
119048, Москва, ул. Усачева, 64.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ МЕДИТАЦИЯ

эффективный способ саморегуляции, составная часть древней медицины

Индии---АЮРВЕДЫ

Институт ТМ и Махариши-Аюрведы, совместно с американскими и индийскими специалистами проводит семинары, конференции, координирует научные исследования в этой области.

103064, Москва
Елизаветинский проезд, д.10
Институт ТМ и Махариши-Аюрведы

Тел. 261-52-15

К ЖИЗНИ—ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ

В 1990 году журнал "**Наука и религия**" познакомит читателей с памятниками мировой культуры, повествующими на языке религии и мифологии о победе жизни над смертью. Тибетская "**Книга Великого Освобождения**" поражает психологизмом, точностью описаний "запредельных" состояний человеческой психики, которые знакомы тысячам людей, заглянувших за грань привычного существования и возвратившихся назад. Одна из древнеегипетских "**Книг загробного мира**" /вероятно, восходящая к источнику, общему с тибетской "**Книгой мертвых**"/ повествует о таинстве рождения и возрождения человека и мира, повторяющих "ночное странствие" солнечного бога. Он рассеивает смертный мрак, поражая его служителей. Основой сюжетный мотив "**Евангелия Никодима**" /раннехристианского апокрифа в его древнерусском варианте/—сошествие воскресшего Христа во ад—удивительно созвучен мажорному финалу египетской "**Книги мертвых**", ибо Христос в "**Евангелии Никодима**" сокрушает адские врата и озаряет светом вечной жизни тех, кто утверждением добра заслужил право на жизнь.

В розничную продажу журнал "**Наука и религия**" не поступает.
Подписка принимается во всех отделениях "Союзпечати".

В 1990 ГОДУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО “ПРОМЕТЕЙ“
выпускает монографию

Л. Микешина. Ценностные предпосылки в структуре научного познания.

В монографии, излагая целостную концепцию, автор идет от общей характеристики диаклектики позновательных и ценностных компонентов к выявлению и анализу конкретных мало изученных форм и аспектов социально-исторической природы развития науки. Рассматриваются неявные формы ценностных предпосылок, дается их типология.

Заказы на высылку книги наложенным платежом присылать по адресу: 119048, Москва, ул. Усачева, 64, отдел реализации.

В 1990 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОМЕТЕЙ"

выпускает монографию

Т. Савченко. Сергей Есенин и его окружение.

В книге прослежены литературно-творческие связи С. Есенина с А. Блоком, М. Горьким, В. Маяковским, С. Городецким, А. Воронским, поэтами-имажинистами и новокрестьянскими поэтами, с единственным учеником С. Есенина—Иваном Приблудным (Я.П. Овчаренко). В работе использованы не публиковавшиеся ранее материалы.

Заказы на высылку книги наложенным платежом присылать по адресу: 119048, Москва, ул. Усачева, 64, отдел реализации.

В 1990 ГОДУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОМЕТЕЙ"
выпускает монографию

В. Шестаков. Современная утопия и утопический роман.

В монографии исследуется развитие современного утопического сознания. Эта проблема является одной из самых трудных в современной духовной жизни.

Заказы на высылку книги наложенным платежом присылать по адресу: 119048, Москва, ул. Усачева, 64, отдел реализации.

В 1990 ГОДУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОМЕТЕЙ"
выпускет монографию

А. Василенко. Загадки истории русской промышленности.

Автор, используя не изученные архивные и книжные материалы по истории русской промышленности, убедительно опровергает некоторые исторические и современные выводы о путях развития русской промышленности.

Заказы на высылку книги наложенным платежом присылать по адресу: 119048, Москва, ул. Усачева, 64, отдел реализации.


3 р.